

ОТ ПРИЗНАННОЙ КОРОЛЕВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА,
АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»!

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ

The illustration depicts a scene from an ancient Egyptian temple. In the center, a woman with dark, braided hair, wearing a white and gold dress and a headdress with a red and blue ornament, sits on a throne covered with a red cloth. She is adorned with multiple gold necklaces, armlets, and a bracelet. To her right, a man with a beard, wearing a purple and gold outfit and a striped headdress, stands holding a long spear. The background shows a temple interior with columns and a view of a landscape with palm trees. In the foreground, there is a small black statue of a dog on a table, a golden chalice with a flame, and an open scroll with intricate patterns.

ДНЕВНИКИ
КЛЕОПАТРЫ

КНИГА 1

ВОСХОЖДЕНИЕ ЦАРИЦЫ

The Big Book

Маргарет Джордж
Восхождение царицы

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джордж М.

Восхождение царицы / М. Джордж — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24142-8

«...Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда...» – писал о ней великий историк Плутарх. Но тот, кто хотя бы раз в жизни видел царицу эллинистического Египта Клеопатру, не мог забыть ее до конца своих дней. Редкое обаяние сочеталось в ней с властностью, ораторское искусство – с волшебным голосом; она была прекрасно образованна и свободно говорила на многих языках. Жизнь блистательной царицы Нила, рассказанная от первого лица, разворачивается на страницах дилогии Маргарет Джордж «Дневники Клеопатры» во всех подробностях – трагических и счастливых. «Восхождение царицы» начинается с ранних воспоминаний. Детство, потеря матери, заговор властолюбивых сестер, изгнание... Лишь самый могущественный человек в мире способен помочь юной Клеопатре вернуться на родину. Имя его – Гай Юлий Цезарь, господин всех подвластных Риму земель...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-24142-8

© Джордж М., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Первый свиток	8
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Маргарет Джордж

Дневники Клеопатры.

Кн. 1: Восхождение царицы

Margaret George
THE MEMOIRS OF CLEOPATRA. VOL. I

Copyright © 1997 by Margaret George
All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

© В. Э. Волковский (наследники), перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Маргарет Джордж – американская писательница, автор шести бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс». Ее перу принадлежат такие исторические романы, как «Генрих VIII и шесть его жен», «Дневники Клеопатры», «Елена Троянская», «Тайна Марии Стюарт» и другие. Мировую славу ей принесла «Автобиография Генриха VIII» (оригинальное название) – писательнице потребовалось пятнадцать лет, около трехсот источников для ознакомления с историей монарха, три поездки в Англию и пять рукописных набросков, чтобы ответить на вопрос: каким был король на самом деле? Маргарет Джордж – дочь дипломата, и ей с ранних лет приходилось много путешествовать по всему миру. Сейчас она с мужем живет в Мэдисоне, штат Висконсин.

* * *

Захватывающая, детально прописанная эпопея с участием множества персонажей. Эта книга поглощает полностью, и кажется, будто древние фрески оживают на ваших глазах.

Entertainment Weekly

Один из лучших исторических романов, в котором читателю не терпится затеряться.

San Francisco Chronicle

... Читатели ни разу не усомнятся в том, что царица Египта рассказывает правду.

Publishers Weekly (starred review)

В истории Клеопатры есть очарование, неподвластное времени.

Kirkus

Завораживающая история об амбициях, страсти и предательстве в мире Древнего Египта.

Amazon.com

Эта книга – настоящая машина времени...
Cincinnati Enquirer

* * *

Клеопатре, царице, богине, ученой, воительнице
(69–30 гг. до н. э.)

Элисон, моей Клеопатре Селене

Полу, соединившему в себе Цезаря, Антония и особенно Олимпия

* * *

Тебе, о Исида, мать моя, мстительница, сострадательная спутница и защитница во все дни моей жизни от начала и до того часа, когда ты пожелаешь узреть их конец, посвящаю я сию хронику своего земного пути. Тебе, даровавшей мне саму возможность писать, хранившей и оберегавшей написанное и взиравшей на меня, дочь твою, со снисходительным благоволением. Ибо ты подарила мне жизнь, я же, следуя твоей воле, придала этим дням форму и наполнила их своими деяниями. Ныне представляю их на суд твой – истинно и без измышлений. Суди меня, богиня, по делам рук моих и по сокроуенным помыслам. Да будет тебе ведомо не только явленное миру, но и сокрытое глубоко в сердце.

Покорно и с надеждой вверяю я свои записи попечению твоему, молю тебя оберегать их и не позволить недругам стереть судьбу и дела дщери твоей из людской памяти.

Я седьмая Клеопатра из царствующего дома Птолемеев, царица, Владычица Обеих Земель; Теа Филопатор – богиня, любящая отца своего; Теа Неотреа – младшая богиня; дочь Птолемея Неос Дионис – Диониса Нового.

Я мать Птолемея Цезаря, Александра Гелиоса, Клеопатры Селены и Птолемея Филардельфа.

Я была женой Гая Юлия Цезаря и женой Марка Антония.

Молю тебя, о богиня, даровать твое покровительство сим письмам, дабы слова мои дошли до потомков.

Первый свиток

Глава 1

Тепло. Ветер. Танцующие голубые воды, плеск волн. Я вижу, слышу, ощущаю их в блаженном спокойствии. Ощущаю даже легкий привкус соли на губах там, где на них попали мельчайшие брызги. А еще ближе чувствую обволакивающий, убаюкивающий запах матери – она прижимает меня к груди и своей ладонью прикрывает мои глаза от солнца. Лодка мягко колеблется, а мать баюкает меня, так что я покачиваюсь в двойном ритме. Это навевает сон, а плеск воды вокруг словно оборачивает мой слух мягким успокаивающим одеялом. И вся я окружена заботой, любовью, лаской. Я помню. Я помню.

А потом... Воспоминание разорвано, перевернуто так же, как перевернулась лодка. Моя мать исчезла, а я барахтаюсь в воздухе, подхваченная чужими грубыми руками. Они схватили детское тельце так крепко, что мне трудно дышать. И плеск – совсем другой, страшный... Я до сих пор слышу этот всплеск и краткие удивленные крики.

Говорят, что я никак не могу этого помнить – мне не было и трех лет, когда мать утонула в гавани.

– Ужасный несчастный случай, да еще и в такой спокойный день, как это вообще могло случиться? Может, лодку повредили? Или кто-нибудь толкнул?.. Да нет, просто она попыталась встать, поскользнулась, потеряла равновесие и упала в воду, а плавать-то она не умела, но мы тогда об этом не знали. Когда узнали, было слишком поздно. Почему же она так часто выходила в море? Так ведь она любила все это, душенька, бедная царица, любила эти цвета и звуки...

Тогдашний ужас словно заключен в ярко-голубой шар: всплеск, брызги, истошные вопли служанок на борту лодки. Говорят, кто-то прыгнул в воду, чтобы помочь царице, и неудачливого спасателя затянуло под днище следом за ней. Вместо одной жизни потеряны две. А еще говорят, будто я верещала, билась, норовила броситься за матерью – и бросилась бы, когда бы не сильные руки няньки, успевшей схватить меня.

Я помню, как меня уложили на спину и удерживали в этом положении так, что я видела лишь внутреннюю сторону балдахина. На ней отражалась блестящая голубизна воды, а я никак не могла освободиться от хватки чужих рук.

Испуганного ребенка следовало бы успокоить, но они и не пытались. Все были слишком озабочены тем, чтобы не дать мне вырваться. Они уверяют, будто и этого я не могу помнить, но я помню. Помню себя вырванной из материнских рук, выставленной напоказ, распластанной в наготе на скамье прогулочной ладьи. Меня держали сильные руки, в то время как суденышко спешило к берегу.

Несколько дней спустя меня перенесли в большую гулкую комнату. Свет, кажется, лился туда со всех сторон, и так же со всех сторон веял ветер. Это комната внутри здания, но мне кажется, будто я нахожусь под открытым небом, ибо это особое помещение предназначено не для человека, а для божества: храм Исиды. Нянька подводит меня – а точнее, чуть ли не волочит за собой – по блестящему каменному полу к огромной статуе.

Постамент настолько велик, что мне трудно разглядеть само изваяние. Я вижу лишь две белые ступни и нечто, вздымающееся ввысь. Лицо теряется в тени.

– Положи цветы к ее ногам, – говорит нянька и дергает меня за руку, сжимающую букетик.

Мне жалко расставаться с цветочками и совсем не хочется куда-то их класть.

– Это Исида, – тихо говорит нянька. – Посмотри на ее лицо. Она смотрит на тебя. Она позаботится о тебе. Теперь она – твоя мать.

Неужели? Я пытаюсь рассмотреть лицо, но оно так высоко и далеко от меня. И оно совсем не похоже на лицо моей мамы.

– Отдай ей цветы, – подсказывает нянька.

Я медленно поднимаю руку и возлагаю свой маленький дар на краешек пьедестала, куда могу дотянуться. Потом смотрю вверх – в надежде увидеть, как статуя улыбается.

И воображаю себе эту улыбку.

Так, Исида, я стала твоей дочерью в тот день.

Глава 2

Мою покойную мать-царицу звали Клеопатрой, и я с гордостью ношу ее имя. Но я гордилась бы им в любом случае, ибо для истории нашей семьи это воистину великое имя, восходящее к сестре Александра Великого, с кем мы, Птолемеи, в родстве. Оно означает «Слава ее предкам». Я жила и царствовала, стараясь следовать этому завету. Все, что совершено мною, делалось ради сохранения наследия предков, ради Египта.

Все женщины в нашем роду носили имена Клеопатра, Береника или Арсиноя. Эти имена тоже из Македонии, откуда происходит наша семья. Моих старших сестер звали Клеопатра (нас было двое) и Береника, а младшую – Арсиноя.

Младшая сестра... Да, после меня родились и другие дети. Царю нужна супруга, и вскоре после безвременной кончины царицы Клеопатры отец взял новую жену, а та вскоре произвела на свет Арсиною. Позднее она родила еще двух сыновей («в браке» с ними я недолгое время состояла), а затем умерла, снова оставив отца вдовцом. Больше он жениться не стал.

Я не испытывала особой любви ни к новой жене отца, ни к сестрице Арсиное – младше меня на три с небольшим года. С самого раннего детства ее отличали скрытность и лживость, к тому же она росла плаксой и ябедой. Правда, выглядела Арсиноя прелестно. При виде таких детей взрослые искренне восклицают: «Ах, какие дивные глазки!» Это с колыбели придавало ей высокомерия. Она рассматривала красоту не как благословение, которое нужно ценить, но как силу, которую нужно использовать.

Клеопатра была старше меня лет на десять, а Береника – на восемь. Сестрам повезло – они прожили с мамой намного дольше меня; однако они вовсе не чувствовали себя обязанными благодарить судьбу. Старшая вечно казалась унылой и понурой; боюсь, я даже не смогу толком ее вспомнить. А Береника – та походила на быка: широкоплечая, с зычным голосом, с широкими плоскими ступнями и тяжелой поступью. Ничто в ней не напоминало нашу прародительницу Беренику Вторую, правившую двести лет назад вместе с Птолемеем Третьим: она вошла в историю в качестве сильной правительницы, а поэты воспевали ее красоту. Трудно представить себе поэта, способного вдохновиться нашей краснолицей, неуклюжей, вечно пыхтящей Береникой.

Я росла отцовской любимицей и наслаждалась сознанием этого. Не спрашивайте меня, откуда дети узнают подобные вещи; они всегда знают, как бы родители ни старались скрыть свои предпочтения. Может быть, я уже тогда чувствовала, что другая Клеопатра и Береника слишком дурны собой, и не могла представить, что кто-то отдаст им предпочтение передо мной? Однако мое первенство в сердце отца сохранилось и после того, как расцвела красота Арсинои. Теперь, по прошествии времени, я понимаю, в чем дело: лишь я одна испытывала к нему искреннюю привязанность.

Так оно и было; я признаю это честно, но неохотно. Весь остальной мир (включая его собственных детей) считал отца либо комичным, либо достойным сожаления, либо одновременно тем и другим. Он был красивым стройным мужчиной, от природы мечтательным и нерв-

ным, он легко выходил из себя и раздражался по пустякам. Люди осуждали его за то, что по натуре он был не столько правителем, сколько артистом – флейтистом и танцором; его считали ответственным за бедственное положение в стране. Но если первое действительно являлось свойством его личности, то второе – не его вина. Ко времени восхождения отца на престол Египет уже прочно сжали челюсти Рима. Чтобы сохранить хотя бы формальную независимость, пришлось совершить множество недостойных деяний: использовать низкопоклонство и лесть, устранить родного брата, расхотать колоссальные средства на взятки и подкупы и даже ублажать потенциальных завоевателей при собственном дворе. Это, естественно, не способствовало народной любви к царю и не укрепляло его власть. Удивительно ли, что отец искал спасения в вине и музыке Диониса, своего божественного покровителя. Но чем сильнее он стремился уйти от действительности, тем больше вызывал презрение.

Помню великолепный пир, устроенный отцом в честь Помпея Великого. Тогда мне почти исполнилось семь, и я хотела наконец-то увидеть римлян, *настоящих* римлян (то есть опасных, а не безобидных купцов или ученых, что появлялись в Александрии по личным делам). Я настойчиво уговаривала отца позволить мне присутствовать на пиру – благо умения льстить и добиваться своего у меня хватало. Он почти всегда уступал, если, конечно, я не выходила за пределы разумного.

– Мне так хочется посмотреть на них! – настаивала я. – Знаменитый Помпей – как он выглядит?

Все трепетали перед Помпеем, недавно обрушившим свою военную мощь на наши земли. Он подавил грандиозный мятеж в Понте, затем вторгся в Сирию и, захватив остатки некогда могущественной державы Селевкидов, сделал этот край римской провинцией.

Римская провинция. Казалось, целый мир становится римской провинцией. Долгое время Рим – который находился далеко от нас, по другую сторону Средиземного моря – был ограничен ближними пределами; но постепенно, словно гигантский спрут, он протянул свои щупальца во всех направлениях. Он захватил Испанию на западе, Карфаген на юге, потом Грецию на востоке. Он рос и набухал. Чем более раздувалось его чрево, тем сильнее возрастал его аппетит, делаясь ненасытным.

Маленькие царства вроде Пергама не могли утолить его голод. Куда лучше для этого подходили остатки древних владений Александра. Некогда три полководца Александра выкроили из его державы для себя и своих потомков три царства: Македонию, Сирию и Египет. Потом их осталось два. Затем и Сирия пала. Устояло лишь одно царство: Египет. Доходили слухи, будто бы для римлян настало время аннексировать Египет, и особенно рьяным сторонником этого является Помпей. С целью умаслить Помпея и убедить его отказаться от этого намерения отец послал свою конницу, чтобы помочь Риму раздавить Иудею, нашего ближайшего соседа.

Да, не могу не признать – постыдный шаг. Неудивительно, что отца презирали его собственные подданные. Только вот вопрос: согласились бы они пасть под натиском римлян? В отчаянном положении отцу пришлось выбирать из двух зол, и он, как ему казалось, выбрал меньшее. Неужели египтяне предпочли бы большее зло?

– Помпей огромный, весь в ремнях, – сказал отец. – Немного смахивает на твою сестрицу Беренику.

При этом мы оба рассмеялись, как заговорщики. Потом смех затих.

– Помпей внушает страх, – добавил отец. – Всякий, обладающий столь великим могуществом, внушает страх, несмотря на обходительные манеры.

– Мне хочется его увидеть, – настаивала я.

– Пир продлится не один час, – возражал он. – Будет шумно, душно, и для тебя не найдется ничего интересного. Маленькой девочке не стоит туда идти. Вот станешь постарше...

– Надеюсь, в будущем тебе не придется развлекать римлян, так что для меня это единственная возможность, – ответила я. – Если они и явятся к нам снова, то уже при других обстоятельствах. Будет не до пиров.

Отец бросил на меня странный взгляд. Сейчас я понимаю: он был удивлен, услышав такие слова от семилетней девочки. Но тогда мне показалось, что папа рассердился и хочет отказать мне.

– Ладно, так и быть, – промолвил он. – Но раз уж ты хочешь присутствовать, ты не можешь просто сидеть да глазеть. Изволь вести себя наилучшим образом. Мы должны любым способом убедить Помпея, что пребывание нашего рода на египетском престоле наиболее выгодно для Рима.

– Мы?

Неужели он имел в виду?.. Ведь я была третьим ребенком, хотя в то время еще не родились мои братья.

– Мы, Птолеми, – уточнил отец.

Но кажется, от него не укрылось, что он мимоходом заронил во мне надежду.

Мой первый пир. Думаю, каждому ребенку из царской семьи полезно написать риторическое сочинение с таким названием, ибо пиры в жизни правителей имеют особое значение: это сцена, где царь разыгрывает пьесу своего правления. Первый пир, как и случилось со мной, всегда ослепляет и завораживает. Лишь с годами, когда их несчетная череда сливается воедино, ты постигаешь их подлинный смысл и цену. Но тот, первый, запечатлелся в памяти навсегда.

Все началось с ритуала (увы, он очень скоро стал для меня рутинным) торжественного облачения. Разумеется, у каждой царевны есть служанка, которая занимается ее нарядами; но при мне, по малолетству, эти обязанности исполняла моя старая нянька, не слишком хорошо разбиравшаяся в пиршественных облачениях. Она нарядила меня в первое попавшееся платье. Главное, что оно было свежим, чистым и выглаженным.

– Ты должна сидеть неподвижно, чтобы платье не помялось, – приговаривала нянька, расправляя юбку. Помню, материя была голубая и довольно жесткая. – Полотно легко морщится. Смотри, никаких шалостей, никакой возни! Порой ты ведешь себя как мальчишка, а сегодня это недопустимо. Сегодня ты должна вести себя как царевна.

– И как это?

Признаться, в новом наряде я чувствовала себя закутанной, точно мумия – ведь их тоже заворачивают в полотно. Я даже начала немного жалеть о том, что захотела побывать на пиру.

– С достоинством. Когда кто-нибудь заговорит с тобой, поверни голову, но *медленно*. Вот так. – Она плавно повернула голову, потом опустила веки. – И опусти глаза, скромно.

Нянька помолчала, затем продолжила:

– Не кричи, слова произноси тихо и нежно. Не спрашивай без конца: «Что?» Так делают варвары. Римляне вполне на это способны, – хмуро добавила она, – но тебе не следует брать с них пример. – Она слегка повозилась с моим воротником, выправляя его. – И если кто-нибудь выскажется грубо и упомянет какую-нибудь неприятную тему вроде налогов, чумы или преступного сброда, ты не должна отвечать. Такие вещи не годится обсуждать на пиру.

– А если я увижу, что скорпион собирается кого-нибудь ужалить? Предположим, прямо на плече Помпея сидит ярко-красный скорпион, уже поднявший жало, – могу я сказать об этом? – Вопрос я задаю вполне искренне: мне хочется уяснить правила. – Ведь скорпион – это неприятная тема. Но могу я затронуть ее в таких обстоятельствах?

Она смутилась.

– Ну, наверное... Да какой скорпион! Не может быть на плече Помпея никакого скорпиона. Ох, несносная девчонка, вечно ты что-нибудь придумашь, – ласково проворчала она. –

Надо надеяться, что ни скорпионов, ни чего-либо другого, способного испортить настроение гостю, на пиру не окажется.

– А может, мне стоит надеть диадему? – спросила я.

– Нет, – ответила няня. – Что за странная мысль? Ты не царица.

– А разве нет диадем для царевен? Мы должны носить *что-нибудь* на голове. У римлян есть лавровые венки, верно? И у атлетов тоже.

Она наклонила голову набок, призадумавшись.

– Мне кажется, лучшее украшение для девочки – ее волосы. У тебя они чудесные, так зачем портить их чем-то еще?

Нянька всегда очень внимательно относилась к моим волосам, полоскала их в ароматизированной дождевой воде и расчесывала гребнями из слоновой кости. Она научила меня гордиться своими косами, но сегодня вечером мне очень хотелось выглядеть необычно.

– Но что-то должно выделять нас, царскую семью. Мои сестры...

– Твои сестры постарше, им так подобает. Когда тебе будет семнадцать или пятнадцать, как Беренике, ты тоже сможешь носить подобные вещи.

– Пожалуй, ты права.

Я сделала вид, будто согласилась, и дала ей расчесать мои волосы, прибрать их назад и скрепить заколкой, после чего невинно сказала:

– Все хорошо, только вот лоб какой-то голый, нет даже ленты. Скромный узкий обруч – вот что было бы в самый раз.

Она рассмеялась:

– Дитя, дитя, дитя! Какая же ты у меня неумная! – (Я видела, что она готова смягчиться.) – Может быть, очень маленький золотой обруч. Но пусть он весь вечер напоминает тебе о том, что ты царевна.

– Конечно, – пообещала я. – Я не сделаю ничего неподобающего. Даже если римлянин ргнет или украдет золотую ложку, спрятав ее в салфетку, я сделаю вид, будто ничего не заметила.

– Ты вполне можешь увидеть, как они крадут ложки, – согласилась нянька. – Римляне так жадны до золота, что при виде него у них слюнки текут. Хорошо еще, что золотые дворцовые украшения слишком велики – не завернуть в складку тоги. Не то поутру мы бы многого недосчитались.

В пиршественном зале дворца мне доводилось бывать и раньше, но только когда он был пуст. Огромный зал занимал целое здание от стены до стены (сам царский дворцовый комплекс включал в себя множество строений) и открывался в сторону внутренней гавани, куда спускались широкие ступени. Он всегда казался мне блестящей пещерой. Когда я пробежала по залу, мое отражение множилось на полированных плитах полов и рядах колонн. Потолок терялся в тени высоко-высоко.

Но сегодня вечером пещера сияла светом, и я в первый раз смогла разглядеть вызолоченные кедровые потолочные балки. И шум! Звуки толпы – со временем они станут для меня привычными – обрушились на мои уши, как удары. Зал заполнили люди; их было так много, что я остановилась и уставилась во все глаза на толпу.

Перед тем как выйти к гостям, мы, царское семейство, собрались на вершине маленькой лестницы. Мне хотелось взять отца за руку и спросить: неужели там целая тысяча человек? Но он стоял впереди меня, рядом с ним находилась мачеха, и задать вопрос я не смогла.

Мы ждали, когда трубы возвестят о нашем появлении. Я внимательно рассматривала гостей, гадая, которые из них римляне и как они выглядят. Примерно половина собравшихся была одета в традиционные, свободно спадающие одеяния, а многие мужчины носили бороды. Но другие... Те были гладко выбриты, с короткими волосами, а их одеяния представляли собой

либо странные драпировки (мне показалось, будто они завернуты в простыни), либо военную форму: нагрудники и короткие юбки из кожаных полосок. Очевидно, это и есть римляне. Остальные – египтяне и греки из Александрии.

Трубы зазвучали, но с другого конца зала. Отец не шелохнулся, и вскоре я поняла почему: трубачи возвещали о появлении Помпея и его свиты. Когда они выплыли к центру зала, я узрела полный набор регалий римского военачальника самого высокого ранга. На Помпее красовался нагрудник из чистого золота, плащ его был не красным, как у других, а пурпурным, на ногах – не сандалии, а особенные закрытые сапоги. В общем, есть на что посмотреть.

Правда, это лишь наряд. Сам Помпей разочаровал меня – он оказался обычным человеком с довольно невыразительным лицом. Многие из его командиров выглядели куда более суровыми, решительными и грозными, хотя и служили лишь выделявшей военачальника рамкой.

Потом трубы грянули снова, и теперь наступил наш черед спуститься в зал, чтобы отец мог официально приветствовать гостей. Теперь все взоры обратились к нему: он спускался медленно, царская мантия волочилась за ним по ступеням, и я старалась не споткнуться о его одеяние.

Двое мужчин встали лицом к лицу. Отец был намного ниже ростом и уже в плечах. Рядом с могучим Помпеем он выглядел почти хрупким.

– Добро пожаловать в Александрию, благородный император Гней Помпей Великий. Мы приветствуем тебя и восхваляем твои победы. Честь для нас – видеть тебя на нашем пиру, – сказал отец.

У него был приятный голос, и обычно он хорошо им владел, но сегодня ему не хватало силы. Должно быть, он ужасно нервничал – а вместе с ним, конечно, нервничала и я, переживая за отца.

Помпей что-то ответил. Он говорил по-гречески с таким сильным акцентом, что я почти ничего не поняла. Отец понял или, по крайней мере, сделал вид, будто понял. Затем начали представлять сопровождающих. Меня представили – или это Помпея представили мне? Не знаю уж, как там полагалось по этикету, но я улыбнулась и кивнула ему. Я знала, что царевны – не говоря уж о царях и царицах! – никогда никому не кланяются, но надеялась, что это его не обидит. Он, скорее всего, понятия не имеет о таких тонкостях: ведь он из Рима, а у них там нет царей.

И вдруг Помпей, до сих пор отвечавший всем лишь сдержанной улыбкой, наклонился и заглянул мне прямо в лицо. Его круглые голубые глаза оказались прямо напротив моих.

– Какое очаровательное дитя! – сказал он на своем странном греческом. – Неужели царские дети посещают пиры с колыбели?

Он повернулся к отцу, который выглядел смущенным. Я поняла: отец сожалеет о том, что разрешил мне прийти. Он не хотел делать ничего, что привлекло бы к нам нелестное внимание.

– Нет, не посещают до семи лет, – быстро нашелся он. Мне еще не было семи, но откуда Помпею это знать? – Мы полагаем, что в семь лет они уже начинают понимать, что к чему...

Отец тактично указал на ожидавшие в соседнем зале – почти таком же большом – пиршественные столы и повел римского военачальника туда.

Рядом со мной ухмылялись старшие сестры, очевидно, находившие мой конфуз забавным.

– Какое *очаровательное* дитя! – передразнила Береника.

– А вот и еще одно, – сказала старшая Клеопатра и указала на мальчика, ожидавшего, когда мы пройдем. – Пир превращается в детский праздник.

Надо сказать, что при виде мальчика я и сама удивилась: его-то как сюда занесло? Он выглядел здесь совершенно неуместно. Я даже испугалась, как бы Помпей не заметил эту несу-

разность. Но римлянина, к счастью, больше интересовало угощение в соседнем зале. Недаром все говорят, что римляне – большие чревоугодники.

Мальчик был одет по-гречески и держался за руку бородатого мужчины, с виду грека из Александрии. На нас он смотрел с тем же любопытством, как и я на римлян. Может быть, мы казались ему диковиной. Наша семья не часто появлялась на публике на улицах Александрии, опасаясь бунтов.

Медленно и – как я надеялась – величественно мы прошествовали мимо него и вошли в преображенный зал, где нам приготовили трапезу. Закатные лучи пронизывали помещение почти горизонтально, как раз на уровне столов, где поджидал лес золотых кубков и блюд. Мне такое освещение показалось волшебством. Римлянам, должно быть, тоже, потому что они все смеялись от восторга и показывали пальцами.

Пальцами! Как грубо! Но ведь меня предупредили, что этого следует ожидать. Правда, сам Помпей и его приближенные пальцами не тыкали. Он даже не проявил особого интереса, а если и заинтересовался, то никак этого не выказал.

Мы заняли свои места. Взрослые почетные гости возлегли, а менее значимые люди сидели на табуретах – впрочем, таковых оказалось немного. Нянька сказала мне, что в Риме женщинам и детям полагается сидеть на табуретах, но у нас ни царица, ни старшие принцессы такого бы не потерпели. Я попыталась прикинуть, сколько необходимо лож, чтобы расположить на них тысячу человек. Выходило более трех сотен – и все они уместились в огромном зале, оставив достаточно места для того, чтобы прислуга легко проходила между ними с подносами и блюдами.

Отец усадил меня на табурет, а Помпей и его спутники возлегли на ложах, предназначенных для высочайших гостей. Неужели я единственная буду сидеть на табурете? С тем же успехом на меня можно повесить огромную вывеску для привлечения внимания. Сестры, мачеха, все прочие элегантно разлеглись, расположив одеяния изящными складками и подогнув одну ногу под другую. Ах, если бы мне стать чуточку постарше и тоже получить место на ложе!

Мне казалось, что я привлекаю к себе столько внимания, что и за едой-то потянуться неловко. И тут вдруг отец послал за бороатым мужчиной с мальчиком и предложил им присоединиться к нам. Думаю, он сделал это, потому что заметил мое смущение: отец всегда был внимателен к тем, кто попадал в неловкое положение.

– Мой дорогой Мелеагр, – обратился к бородтому греку отец. – Почему бы тебе не сесть здесь? Ты можешь узнать то, что сам пожелаешь.

Человек кивнул, ничуть не смутившись тем, что его приглашают присоединиться к столь высокому обществу. Должно быть, он философ: считается, что философы воспринимают все невозмутимо. Он и бородат, как философ. Мелеагр подтолкнул сына вперед, и мальчику быстро принесли табурет. Теперь мы сидели вдвоем. Наверное, отец решил, что так мне будет легче, хотя на самом деле это привлекло к нам, детям, еще больше внимания.

– Мелеагр – один из наших ученых, – пояснил отец. – Из нашего...

– Да, из вашего Мусейона, – перебил его римлянин с квадратной челюстью. – Там, где у вас содержатся ручные мыслители и ученые, верно? – Не дожидаясь ответа, он ткнул своего соседа под ребро. – Вот как здесь заведено: умники поселены вместе и работают на царя. Всякий раз, когда царь хочет узнать что-нибудь – ну, скажем, глубину Нила близ Мемфиса, – он может запросто вызвать кого-нибудь, хоть посреди ночи! Верно?

Мелеагра бесцеремонность римлянина явно покорибила, однако высказывать возмущение он не стал.

– Не совсем так, – промолвил философ. – То, что наше существование поддерживается щедростью правителя, абсолютно верно. Однако царь никогда не стал бы предъявлять к нам нелепые требования.

– На самом деле, – сказал отец, – я пригласил Мелеагра, чтобы он мог задать вопрос тебе, Варрон. Мелеагр очень интересуется необычными растениями и животными, каковых, как я понимаю, ваши воины могли видеть и добывать близ Каспийского моря. После того, как Митридат бежал.

– Да, – подтвердил человек по имени Варрон. – Мы рассчитывали побольше узнать о пресловутом торговом пути в Индию, пролегающем у Каспийского моря. Но оттуда бежал не только Митридат – мы тоже, по причине множества ядовитых змей. Мне нигде больше не доводилось видеть такого их количества, самых разных пород. Впрочем, чего еще ждать от земли на самом краю обитаемого мира?

– Диковинное место, – поддержал его один из гостей, говоривший по-гречески. Его называли Феофаном. – Непросто было его нанести на карту.

– А у тебя и карты есть? – заинтересовался Мелеагр.

– Только что составленные. Может быть, ты хочешь взглянуть?

Между учеными мужами потекла вежливая беседа, а мальчик рядом со мной молчал. Что он вообще здесь делает?

Подогреваемый вином, разговор становился все более оживленным, однако многие римляне, захмелев, забыли про греческий и перешли на свою латынь. Этот язык звучит монотонно и странно для тех, кто его не знает. Я латыни не изучала: ведь ничего значительного, ни книг, ни речей, ни стихов на этом наречии не написано. Куда больше пользы от таких языков, как еврейский, сирийский или арамейский. Недавно, чтобы иметь возможность общаться с простым народом, разъезжая по стране, я взялась и за египетский. А латынь? Латынь подождет.

Так я думала, но моих мыслей никто не видел, а вот сестры Береника и Клеопатра почти не пытались скрыть презрение к перешедшим на свой язык римлянам. Меня это беспокоило: а вдруг гости заметят и обидятся? Ведь мы должны быть осторожны и не давать повода для недовольства.

Неожиданно вновь зазвучали трубы. Слуги, словно выступив из стен, убрали со столов золотую посуду и принесли взамен новую, еще богаче украшенную гравировкой и драгоценными камнями. Римляне воззрились на них в изумлении, для чего, видимо, это и было затеяно.

Но в чем смысл? Зачем отец так стремится показать наше богатство? Ведь тем самым он пробуждает в гостях алчность и желание завладеть сокровищами. Это смущало меня. Я видела, как Помпей мечтательно смотрит на стоящую пред ним огромную чашу, словно представляет себе, как ее расплавляют.

И тут я услышала слово «Цезарь». Оно было как-то связано с жадностью и нуждой в деньгах. Мне показалось, будто Помпей говорил отцу – я очень напрягала слух, чтобы понять, – что этот Цезарь (кем бы он ни был) хочет завладеть Египтом и сделать его римской провинцией, поскольку царство завещано Риму...

– Но это поддельное завещание, – отвечал отец, и голос его звучал высоко, как у евнуха. – Даже будь оно настоящим, Птолемей Александр не имел права завещать Египет...

– Ха-ха-ха! – смеялся Помпей. – Право зависит от того, кто его трактует.

– Значит, ты тоже собираешься стать ученым? – вежливо спрашивал сидящего рядом со мной мальчика Феофан. – Поэтому и пришел вместе с отцом?

Проклятье! Теперь я не могла расслышать, о чем говорили отец и Помпей, а это было чрезвычайно важно. Я пыталась отрешиться от раздававшихся рядом слов, но безуспешно.

– Нет, – сказал мальчик, заглушая голоса царственных собеседников. – Хотя я люблю ботанику и животных. Больше всего меня занимает самое сложное животное на свете: человек. Я хочу изучать его, поэтому стану врачом.

– А как тебя зовут? – спросил Феофан, как будто и в самом деле заинтересованный. – И сколько тебе лет?

– Олимпий, – ответил мальчик. – Мне девять лет, летом исполнится десять.

«Тише!» – мысленно приказывала я.

Но Феофан продолжал задавать вопросы. Живет ли мальчик вместе с отцом в Мусейоне? Какой именно раздел медицины его привлекает? Как насчет фармакопеи, науки о лекарствах? Она соединяет знания о растениях и врачевание.

– О да, – говорил Олимпий. – Я надеялся, что смогу спросить кого-нибудь из вас о «безумном меде». Собственно говоря, ради этого я сегодня и пришел. То есть, конечно, уговорил отца взять меня с собой.

С лица Феофана сошла улыбка.

– «Мед безумия» – meli maenomenon. Только не расспрашивай о нем Помпей, его до сих пор печалит это название. Видишь ли, область вокруг Черного моря, где правил Митридат, как раз известна этим ядовитым медом. Некоторые из его союзников разложили соты по пути следования наших войск. Наши люди отведали их, и мы потеряли много солдат. Много.

Он покачал головой.

– Но зачем же вы его ели, если знали, что он ядовит?

– Мы не знали. Мы поняли все только потом. По-видимому, пчелы пьют нектар тамошних азалий, и в нем содержится некое вещество, отравляющее мед. Само растение ядовито, недаром местные жители называют его «проклятием коз», «убийцей ягнят» и «губителем стад». Нам следовало принять это к сведению.

– А как же пчелы? Убивает ли яд и их? – спрашивал Олимпий.

– И Цезарь попытался провести в сенате решение, – говорил Помпей, – чтобы Египет...

– И ты тоже, друг!

Отец шутливо погрозил пальцем, как будто все это очень забавно, а вовсе не угрожающе; как будто Помпей – его добрый товарищ, а не стервятник, пытающийся нас съесть.

Помпей обезоруживающе улыбался.

– Верно, верно, но...

– Нет, на пчел яд не действует, – сказал Феофан.

– Доброкачественный мед смешивается с плохим, – присоединился к обсуждению Варрон. Теперь отдаленные голоса никак не могли заглушить их беседу, и я перестала прислушиваться. – Похоже, ядовита только часть сот.

– Но ни на вид, ни на вкус порченого меда не отличить? – уточнил Олимпий с серьезным видом настоящего лекаря.

– Он может быть немного потемнее или пожиже, – отозвался Феофан. – Но не настолько, чтобы каждый мог это почувствовать.

– Зато, – добавил Варрон, – действие этого весеннего меда ощутил каждый. Солдаты почувствовали головную боль и звон в ушах, потом их тела стали неметь, им начали чудиться какие-то тоннели, ведущие к свету. Так говорили те, кому удалось выжить. Следующая стадия – рвота, потом беспамятство и бред. – Он выждал драматическую паузу. – Пульс замедляется, лица синеют...

– Ух ты!

Это произвело впечатление даже на Олимпия, которого, казалось, нелегко поразить.

– А ты знаешь, что войска Ксенофона тоже пали жертвой той же самой напасти? Четыреста лет тому назад! Тысячи отравившихся, в той же самой местности. Мы, историки, занимаемся такими данными, – говорил Варрон. – Теперь, когда я здесь, мне бы хотелось ознакомиться с некоторыми свитками вашей прославленной библиотеки, где собраны все записанные людьми знания. – Он обратился уже не к мальчику, а к моему отцу. – Правда? Говорят, в здешней библиотеке полмиллиона томов?

Отец прервал свою беседу с Помпеем – разговор, так занимавший меня. Конечно, «мед безумия» – интересная тема, но еще интереснее завещание, согласно которому Египет должен

отойти к Риму. Неужели один из наших предков на самом деле совершил такое? Спаси нас, Исида!

– Что? – Отец сложил ладонь чашечкой и приложил к уху.

– Я спросил, неужели правда, что в твоей библиотеке целых полмиллиона свитков? – прокричал Варрон.

Мои сестры вновь закатили глаза в связи с очередным проявлением римского невежества.

– Так говорят, – сказал отец.

– Да, это правда, – подтвердил Мелеагр. – Там действительно хранятся все когда-либо написанные манускрипты. Во всяком случае, все те, что достались Птолемеям.

– Причем, – добавил отец, – у нас находятся главным образом подлинники. Если мы приобретаем документ, то снимаем с него копию и отсылаем прежнему владельцу.

– Слава Александрии! – с улыбкой воскликнул Помпей.

– Может быть, нам устроить экскурсию? – спросил отец. – Завтра, если благороднейший император не против?

Не успел Помпей ответить, как раздался трубный зов, и столовые приборы заменили на еще более великолепные. Теперь подали основные блюда, и среди них немало угощений, незнакомых даже царским детям – я никогда их не пробовала.

Морские ежи в листьях мяты... угорь, запеченный в листовой свекле... хурма... грибы и сладкая крапива... фригийский овечий сыр... родосский изюм... сладкий десертный виноград. Все вокруг повторяли названия блюд. Подали и медовые лепешки, что оказалось неудачным выбором: Помпей и его сподвижники отодвинули их, поскольку медовый запах вызывал у них неприятные воспоминания. Напрасно отец заверял их, что это лучший мед из Коса.

Вино лилось в изобилии, к разным блюдам разные сорта: египетские красное и белое, прославленное вино Тасоса с яблочным ароматом и самое сладкое – прамнианское.

– Его делают из почти высушенного винограда, – пояснил Варрон и причмокнул губами, осушив чашу. – Это так концентрирует сладость, что... мм... – Он снова причмокнул.

Мне вино подали таким разбавленным, что я не могла почувствовать и оценить разницу, но все равно кивнула.

Жаль, что и отцу не добавляли в вино воды; отчасти из-за волнения, он пил чашу за чашей, и на лице его появилась странная полуулыбка. Он стал фамильярно клониться в сторону Помпея, а потом – я никогда этого не забуду! – вдруг послал за своей флейтой и решил сыграть на ней. Да! Чтобы развлечь дорогих гостей, как он пояснил. И поскольку он был царем, никто не смел возразить и сказать, что так поступать ни в коем случае нельзя.

Мне очень хотелось предостеречь его, но я тоже не осмелилась и вынуждена была молча наблюдать, как слуга подал флейту, а отец сошел с ложа и нетвердым шагом направился на открытое пространство, чтобы все могли его видеть.

Я взидала на него в ужасе, со стыдом и смущением, а римляне вытаращились на царственного артиста. Он сделал глубокий вздох, чтобы наполнить легкие, потом поднес инструмент к губам и принялся наигрывать мелодию. Звук получался негромкий, но в зале воцарилась такая глубокая тишина, что каждая нота дрожала в воздухе.

Олимпий повернулся и взглянул на меня с жалостью, но не презрительно, а сочувственно. Мне же хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть сего недостойного зрелища. Царь выступал как уличный музыкант – или как обезьянка для своего хозяина.

И виной всему вино, именно вино! В тот момент я поклялась, что никогда не позволю вину одолеть меня. Кажется, я сдержала клятву, хотя Дионис и сок его лоз доставляли мне немало горестей.

Неожиданно один из римлян засмеялся, и это произвело тройной эффект: вскоре смеялся даже Помпей, а потом взревел от хохота весь зал. Бедный отец воспринял это как знак

одобрения своему искусству, поклонился и даже – ох, вот настоящий позор! – исполнил короткий танец.

Что он там мне говорил?

«Изволь вести себя наилучшим образом. Мы должны всеми способами убедить его в том, что пребывание нашего рода на египетском престоле наиболее выгодно для Рима».

Как мог он забыть о своей собственной миссии и об опасности, угрожавшей Египту? Неужели сила вина так велика?

Когда мой отец нетвердым шагом направился обратно к своему месту, Помпей погладил подушку, как будто царь был ручным зверьком.

– Римляне считают танцы перед публикой постыдным занятием, – прошептал, склонившись к моему уху, Олимпий. – Для тех, кто так делает, у них есть обидные прозвища.

Зачем он говорил это? Чтобы мне стало еще хуже?

– Знаю, – холодно ответила я, хотя на самом деле ничего не знала.

«Мы должны всеми способами убедить его в том, что пребывание нашего рода на египетском престоле наиболее выгодно для Рима. Мы, Птолеми».

Береника и старшая Клеопатра лишь главели по сторонам; от этих Птолемеев проку не было никакого. Почему они ничего не сделали, ничего не сказали, чтобы предотвратить позор?

«Сегодня вечером ты должна вести себя как царица... с достоинством... Какое очаровательное дитя...»

Может быть, я еще могу что-то предпринять? Помпею я, кажется, понравилась, он сразу отметил меня своим вниманием.

Я сошла с табурета и направилась к нему. Он возлежал, опираясь на локоть, и когда я подошла поближе, то увидела: вино подействовало и на него. Взгляд его слегка блуждал, к лицу приклеилась нетрезвая улыбка. На его запястье поблескивал широкий золотой браслет, по которому он рассеянно пробегал пальцами.

– Император, – сказала я, заставив себя ощутить золотой обруч на лбу, напоминающий о моем царском происхождении, – в Александрии есть много интересного, помимо пиршественного зала или музыки. Завтра, при дневном свете, позволь показать тебе наши чудеса: маяк, усыпальницу Александра, Мусейон и библиотеку. Ты согласен?

Одна сторона его рта приподнялась, когда он одарил меня кривой улыбкой.

– Очаровательное дитя, – повторил он, словно эта фраза застряла в его голове. – Да-да, конечно. Ты сама пойдешь с нами?

– Мой отец покажет тебе Мусейон, – неожиданно заявил маленький Олимпий, набравшись смелости и вскочив на ноги. – А я лично знаю смотрителя маяка...

Тут к нему присоединился и Мелеагр.

– Да, вот и Варрон очень заинтересовался библиотекой и Мусейоном. Я сочту за честь сопровождать тебя...

Так мы втроем постарались спасти царя – и Египет.

Глава 3

В ту ночь я осталась одна в своей спальне. Нянька приготовила меня ко сну, и все лампы, кроме одной, были потушены. Съездившись под покрывалами, я взывала к тебе, Исида.

«Помоги мне! – молила я. – Завтра! Завтра я должна исправить то, что содеяно сегодня».

По правде говоря, я понятия не имела, как это сделать. Я даже не могла сказать, с чего мне пришлось в голову устроить для римлян осмотр достопримечательностей. Какое это имело отношение к Помпею, к отцу, к судьбе Египта? Что могла сделать я, дитя? Но я должна была попытаться, а прежде того заручиться помощью Исиды, моей матери, чья сила безмерна.

Дрожа, я тихо выбралась из постели и стала смотреть на светящуюся вершину маяка. Это зрелище меня успокаивало; сколько я помню себя, вид на огромную башню всегда открывался из западного окна.

Я росла, наблюдая за тем, как она меняет цвет в течение дня: жемчужно-розовый на рассвете, абсолютно белый в жаркий полдень, красный на закате, сине-пурпурный в сумерках и, наконец, ночью – темная колонна с пылающей верхушкой; огонь бушевал внутри, усиленный огромным полированным зеркалом фонаря. Маяк возвышался на оконечности острова Фарос. Точнее, бывшего острова, поскольку длинная насыпь соединила его с материком.

Внутри мне бывать еще не доводилось, и было очень интересно посмотреть, как он работает. Основание башни построено квадратом, до двух третей высоты она восьмиугольная, а дальше – круглая. На самой вершине находилась статуя Зевса, поворачивавшаяся вслед за солнцем, а сразу под Зевсом – сияющий сигнальный фонарь на мощном основании, обнесенном мраморной колоннадой. Рядом прилепился изящный храм Исиды Фаросской.

Александрия стоит на море, и зимой, с декабря по февраль, здесь холодно. С моря дуют штормовые ветры, наполняя улицы холодом и солеными брызгами. В эту пору корабли не выходят в море: маяк возвышается часовым над пустынными водами, а суда стоят у надежных причалов наших великолепных гаваней. Но в остальное время он служит путеводной звездой для великого множества моряков, чье плавание начинается и завершается здесь, в двух гаванях Александрии, способных одновременно принять более тысячи кораблей.

Завтра мы попробуем поразить римлян и развлечь их. Мы двое – маяк и я.

Проснувшись, я почувствовала нетерпение: поскорей бы начать задуманное дело. К тому же теперь я получила возможность увидеть воочию александрийские достопримечательности. Кажется, что для царицы ее город должен быть открыт и доступен, но на самом деле меня почти не вывозили за пределы огромного, состоявшего из множества зданий и сооружений дворцового комплекса. Гости со всех концов мира приезжали полюбоваться Александрией – беломраморным видением, мерцающим на фоне аквамариновых вод Средиземного моря; однако мы, царские дети, видели куда меньше простых людей. Правда, то, что видели мы, с нашей выигрышной позиции выглядело восхитительно. Прежде всего, из моего окна открывался вид на бледный перст маяка: он высился в рассветных лучах, а о подножие его разбивались волны. Перед ним раскинулась восточная гавань, окаймленная пролетами широких ступеней, что спускались к манящей воде, – там можно было бродить, собирая морские раковины. А внутри дворцовой ограды находился небольшой храм Исиды, выходящий на берег моря. Ветер насквозь продувал его колоннаду и нашептывал что-то, овеивая изваяние богини.

На территории дворца зеленели пышные сады, где искусные садовники выращивали множество великолепных цветов: красные маки, синие васильки, алые розы. Они пышно распускались на фоне ослепительно-белых зданий. На глади многочисленных прудов плавали голубые и белые лотосы, и дивные ароматы сливались в неповторимую смесь, которую можно было бы назвать «благовонием Птолемеев». Если бы кто-то смог заключить его во флаконы, оно стало бы драгоценным: одновременно пьянящее и освежающее, поскольку морской воздух не позволял цветочному духу застояться.

Дворцовый комплекс строился на протяжении долгого времени, и его здания не походили друг на друга. В самых великолепных покоях полы были выложены ониксом или алебастром, стены – из эбонита. Внутреннее убранство являло собой истинное пиршество роскоши: ложа, украшенные яшмой и сердоликом, столы из резной слоновой кости, скамейки для ног из лимонного дерева. Расшитые золотом драпировки, выкрашенные пурпуром из Тира, прикрывали эбонитовые стены – богатство затмевало богатство. Драгоценные шелка проделали путь с далекого востока, от рубежей Индии, чтобы стать чехлами и покрывалами для нашей мебели, а

полированные плиты полов отражали образы множества рабов, выбранных за свою телесную красоту.

Я могла бы не покидать это волшебное царство, но когда ты растешь среди подобного великолепия, оно начинает казаться обыденным, а внешний мир влечет к себе. Человек всегда тянется к незнакомому, а тем более – к запретному. Юную царевну Клеопатру манил город за дворцовыми стенами, и теперь ей предстояло провести гостей из Рима по тем местам, которые, по правде сказать, были в новинку для нее самой.

Римлян, пожелавших осмотреть город, набралось очень много. Потребовалось немало колесниц и лошадей из царских конюшен. Мелеагр и Олимпий прибыли рано, они явно нервничали. Мой отец появился с пристыженным видом. Мелеагр привлек к участию в экскурсии своих товарищей из Мусейона, а сопровождала нас македонская придворная гвардия – как в качестве почетной свиты, так и (неприметно) в качестве телохранителей.

Вот тут присутствие Олимпия оказалось очень кстати: мальчик знал город как свои пять пальцев и подсказывал мне. И неудивительно: он был свободным горожанином, но не принадлежал к царскому роду, поэтому имел возможность передвигаться по Александрии без ограничений.

Я заняла место в большой церемониальной колеснице рядом с Помпеем. Сбоку от меня уселся Олимпий, очень бледный отец вцепился в поручень, остальные расположились позади. Возницей у нас был капитан гвардии.

Когда мы выехали за пределы дворцовой территории и покатали по широким улицам, раздалась приветственные возгласы – к великому моему облегчению, дружелюбные. Ведь в Александрии никогда не знаешь, чего ожидать, настроение уличной толпы переменчиво, она быстро переходит от восторга к ярости. Сейчас люди, похоже, радовались возможности увидеть своих правителей, но присутствие такого количества римлян могло быстро превратить радость в гнев.

Мы с отцом приветствовали народ, и мне было приятно, когда нам отвечали криками и кидали цветы. Из толпы звучало прозвище отца – Авлет, то есть Флейтист; судя по тону, выкрикивали его доброжелательно.

Широкая улица была вымощена мрамором и обрамлена колоннадами, делавшими ее прекрасной, как храм. Она вела нас к усыпальнице Александра, находившейся на пересечении дорог, проложенных строго с юга на север и с запада на восток. Там наша первая остановка.

Все гости нашего города посещали это священное место, воздавая честь памяти Александра. Именно он разработал план города и назвал его собственным именем, передав тем самым и часть своей магии. Сейчас, по приближении к гробнице, притихли даже самые шумные, обменивавшиеся шутками римляне. Сам Непобедимый лежал в хрустальном саркофаге – кто не проникся бы благоговейным трепетом при виде этого зрелища?

Я была здесь раньше лишь однажды и запомнила гробницу как место, наводящее страх: спуск в темную пещеру, окруженную мерцающими лампами, где под хрустальным куполом лежало мумифицированное тело в золотой броне.

Пока мы шли, Олимпий тихо давал необходимые пояснения:

– Его доставили сюда, а не в Сиву... сохраняли тело в меду... золотой саркофаг расплавили, когда было туго с деньгами... жрецы в Мемфисе отказались хоронить его: сказали, что куда его ни положи, он все равно не успокоится...

– Откуда ты так много знаешь? – спросила я его шепотом.

– Я не знаю и малой доли того, что бы хотел, – ответил он так, словно счел мой вопрос весьма невежественным.

Помпей устремил взгляд на лежащую фигуру, глаза его округлились еще больше, и я услышала, как он невнятно бормочет на своей латыни.

– Он хочет стать новым Александром, – прошептал Олимпий мне на ухо. – Лыстецы говорят, что между ними есть сходство. Он и волосы стрижет в той же манере.

Мне сравнение не понравилось: ведь Александр завоевал Египет.

– Ни капли не похож, – возразила я.

– А многие люди все-таки сравнивают его с Александром, – заявил Олимпий. – Они говорят о его молодости и называют его Магнус – Великий. Он единственный римлянин, удостоившийся подобной чести в двадцать шесть лет. Правда, поговаривают, – тут мальчик наклонился и заговорил так тихо, что я едва его расслышала, – что Помпей *сам* присвоил себе этот титул! И что он буквально заставил Суллу позволить ему отпраздновать триумф.

Олимпий с благоговением взирал на своего кумира.

Я остановилась рядом с ним и – не ты ли, Исида, вложила в мои уста те слова? – произнесла:

– В моих жилах течет кровь Александра. Мы, Птолеми, принадлежим к его роду.

Помпей, казалось, очнулся от своих мечтаний.

– Значит, ты благословенна, царевна, – отозвался он.

– Он хранит нас и нареченный его именем город, к вечной славе, – сказала я. – Он наш покровитель.

Отец, стоявший позади меня, заламывал руки и выглядел испуганным.

Помпей серьезно посмотрел на меня:

– Ты достойна быть потомком Александра.

Дальше путь лежал к Мусейону, названному так в честь девяти муз, покровительниц мысли и творчества. Для римлян провели подробную экскурсию, им представили ведущих ученых и показали читальные залы. Потом настал черед библиотеки – самого большого в мире хранилища письменных текстов. Ее основал Птолемей Второй, и каждый последующий царь ревностно пополнял это выдающееся собрание.

У входа нас приветствовал Аполлоний, главный библиотекарь.

– Мой великий царь, царевна и почтенные граждане Рима, – молвил он, поклонившись так низко, что заскрипели его немолодые кости. – Позвольте мне показать вам этот храм письменного слова.

Он провел нас через несколько залов, соединявшихся словно звенья в цепи. Под высокими потолками тянулись ряды окон, пропускавших в помещение дневной свет. На скамьях за мраморными столами читатели, представлявшие все народы Ойкумены, склонялись над развернутыми свитками. Я увидела грека в тунике, араба в своей просторной одежде, иудея в мантии и капюшоне, египтянина в кожаной юбке, с голой грудью. Все они вскинули головы, когда мы вошли.

Поворачиваясь за нами, как подсолнухи за солнцем, они проводили нас взглядами и вновь углубились в свои манускрипты. Нас между тем провели в одно из хранилищ библиотеки. На полках вдоль стен лежали рукописи. Это походило на улей с вложенными в ячейки свитками, с каждого из которых свисал деревянный ярлычок с названием.

– Идеальный порядок, – одобрительно промолвил Помпей, потянувшись к свитку с надписью: «Гераклид из Тарента».

– Это труды по медицине, император, – подсказал Аполлоний.

Соседний свиток был помечен именем Герофила Халкидонского.

– Непревзойденный лекарь из Александрии, – с гордостью пояснил Аполлоний.

– Помер двести лет тому назад, – буркнул Олимпий себе под нос. – Есть же современные сочинения.

– Все это истинные сокровища, – промолвил Аполлоний с гордостью, жестом обводя манускрипты; он относился к ним как к родным детям. – Рукописи, состоящие из нескольких свитков, хранятся в корзинах на полу. На ручке каждой корзины наклеена бирка с названием.

На Помпея это зрелище явно произвело сильное впечатление.

– Вот образцовый подход к делу и пример для всех нас, сознающих важность сохранения архивов и не желающих, чтобы их деяния выветрились из памяти потомков, – сказал он.

Римляне принялись разворачивать свитки, и произведенный ими шум дал мне возможность шепотом обратиться к всезнайке Олимпию с вопросом:

– А что за история с завещанием, будто бы предоставляющим Риму права на Египет? Я хотела узнать об этом вчера вечером, но ты слишком много говорил!

Пускай теперь объяснит мне сам, если может.

– Ну... – Олимпий на миг задумался, а потом зашептал в ответ: – Твой двоюродный дядя Александр Десятый составил завещание, по которому Египет отдается Риму. Отсюда и их притязания. Но на самом деле нет никакой уверенности в том, что он действительно его составил, а даже если и составил – в том, что оно имеет законную силу.

– Почему бы тогда им не прочесть его и не решить?

Этот способ выяснить истину представлялся самым простым.

– Кажется, оно таинственным образом исчезло, – сказал Олимпий, подняв брови. – Как удобно!

«Для нас или для них?» – задумалась я.

Но шум вокруг нас уже стих, и пришлось прекратить разговор.

Выйдя из библиотеки, мы показали римлянам огромный Гимнасион, где тренировались атлеты, и направились к маяку.

– Добро пожаловать! – Смотритель поджидал нас в широких дверях. – Царь Птолемей, царица Клеопатра, заходите и покажите императору Помпею то, что возведено более двухсот лет назад повелением вашего славного предка Птолемея Филадельфа.

Мы зашли внутрь. Смотритель показал нам огромный запас топлива: величиной с гору, он занимал все помещение.

– Огонь должен гореть днем и ночью, и на поддержание его идет все, что способно гореть: навоз, бумага, древесный уголь. Мы храним наши запасы здесь, а потом их поднимают в корзинах наверх, на высоту четырехсот футов. – Он пригласил нас следовать за ним к центральной шахте и подвел к канатам, свисавшим, казалось, с самого неба. – Но вам придется подняться по огибающей башню винтовой лестнице.

– А почему бы и нам не поместиться в топливной корзине? – спросила я.

– Это невозможно, – ответил смотритель. – Во-первых, подъемник доставил бы вас прямо к огню. Во-вторых, как могу я доверить гордость Египта и Рима каким-то веревкам?

Путь на вершину оказался долгим и трудным. Лестница вилась, мы вновь и вновь огибали башню, и я замечала, как гавань становится меньше, а суда выглядят словно игрушки, которые дети запускают в пруды с лотосами. Чем выше мы поднимались, тем шире раскрывался обзор: были видны и окраины за пределами Ипподрома, и почти весь путь на восток к городу наслаждений Канопу, где заканчивался этот рукав Нила.

Зрелище завораживало, но когда мы обогнули последний поворот ступенек и вышли на вершину, я запыхалась и у меня болели ноги.

Смотритель маяка ждал нас на фоне пламени. Огонь ревел, языки пламени изгибались, как змеи в волосах Медузы, и гудение огня соединилось с наружным ветром, производя страшное завывание. Позади пламени я различала что-то мерцающее и колеблющееся, а потом на виду появился раб в мокрой кожаной одежде. Он поворачивал полированное бронзовое зеркало-щит, скользившее в желобе по периметру огня, чтобы свет усиливался отражением и был

виден далеко в открытом море. Яркость возрастала и за счет того, что щит собирал солнечные лучи. Говорят, будто свет маяка виден на расстоянии в тридцать миль, но в таком отдалении он мерцает, и его легко принять за звезду.

Огонь – думаю, это всякому ясно – был сушим чудовищем, алчным и свирепым. Смотритель маяка тоже носил плотные кожаные доспехи и шлем с забралом и прорезями для глаз (в нашу честь его снял). Он знал нрав своего монстра и облачался, чтобы защититься от него. Жар пламени ужасал; люди могли работать там, не теряя сознания, лишь благодаря постоянному ветру – сильному и холодному на такой высоте.

– Я слышал, здесь стояли стеклянные линзы, – сказал Олимпий.

– Да как это возможно? Жар расплавил бы стекло, – возразил Помпей.

– Такая попытка предпринималась, – подтвердил слова мальчика смотритель маяка. – Нам не удалось отлить цельный кусок стекла, подходящий по размерам, но идея была превосходная. Сумей мы усилить свет хорошей линзой, нам бы не потребовался такой большой костер. И стекло не расплавится, нет, если только не поместить его в самое жерло.

– Мне кажется, – заметил Олимпий, – что при наличии линзы мы могли бы использовать вместо огня солнечный свет.

– Днем – конечно, – сказал его отец. – Но как быть ночью?

Все рассмеялись, однако Олимпий стоял на своем.

– Корабли в ночное время не плавают.

– Но они плавают в облачную погоду, – сказал Мелеагр, – и их настигают шторма. Твои солнечные линзы подвели бы их.

Корабли... паруса... при мысли о них я всегда теряла присутствие духа. Даже сегодняшней переход по дамбе к маяку дался непросто. Я терпеть не могла воду из-за страшной памяти о гибели матери, но мне приходилось жить близ берега и видеть воду каждый день. Плавать я еще не умела, лодок избегала, и даже маленькие лotosовые пруды внушали страх, который приходилось тщательно скрывать. Я боялась, что, если кто-то заметит мою робость, меня ославят трусихой.

– Твой город прекрасен! – провозгласил Помпей, разглядывая панораму. – Белый, красивый, чистый и полный чудес...

– Никто не любит его так, как мы, – вдруг вырвалось у меня. Я чувствовала, что это правильные слова. – Мы сохраним его для тебя. Александрия будет тебя ждать.

Он посмотрел на меня сверху вниз и улыбнулся.

– Я верю тебе, царица. В твоих надежных руках город останется в безопасности.

Тогда ли я ее почувствовала – ту необычную силу, что действует на людей? Я не делаю и не говорю ничего особенного, но у меня есть способность привлекать их к себе и обезоруживать.

Как это происходит, я и сама не знаю. Это обаяние действует только при личной встрече. В моих письмах, увы, никакой магии нет, но дайте мне с кем-то встретиться и поговорить – и я сумею убедить человека в своей правоте. Откуда у меня такая способность, мне неизвестно; должно быть, это дар Исида, моей покровительницы. И она знает: я использую ее дар для того, чтобы уберечь Египет от порабощения Римом.

К счастью, римляне отбыли на следующий день, успев выкачать из моего отца еще больше денег и заручиться его помощью в своих военных предприятиях. Тем не менее они уплыли, уплыли, уплыли... Египет избавлен от них. Помпей и его свита отправились обратно в Рим, дабы вершить там свою политику, и я надеялась, что больше никогда не увижу ни их самих, ни кого-либо из их соотечественников.

Увы, на деле наша судьба оказалась неразрывно связана с судьбой Рима. Три года спустя приезжий римлянин нечаянно убил кошку – животное, священное для египтян. В Александрии вспыхнул мятеж, народ пытался расправиться с чужеземцем, и нам пришлось направить гвардию против собственных подданных, чтобы спасти святоотца. Другого выхода не было: ведь смерть римского гражданина немедленно использовали бы как повод для вторжения, под угрозой которого наша страна жила постоянно.

За эти годы появились на свет два моих младших брата. Обоих назвали Птолемями; если у женщин в нашем роду выбор по части имен невелик, то у мужчин и того меньше. Разница в возрасте между старшей Клеопатрой и старшим Птолемеем составляла восемнадцать лет. Столько же разделяло Беренику и младшего Птолемя. Предполагалось ли, что они поженятся? Странная мысль.

Исида, самая египетская из всех богинь, стала женой собственного брата. Когда Птолеми обрели Египет и заняли его трон, они переняли (хотя и являлись по происхождению чистокровными эллинами из Македонии) древние египетские обычаи, неприемлемые для многих других народов. Один из этих обычаев – браки между братьями и сестрами, принятые прежде у фараонов. Так, мои мать и отец были единокровными родственниками, а мне, в свою очередь, пришлось стать женой своих братьев, хотя бы формально.

Возможно, все-таки пришло время породниться с другими царствующими домами? В нашем поколении разница в возрасте оказалась слишком велика для того, чтобы продолжать прежнюю брачную политику.

Потом мой мир полностью изменился, и снова из-за римлян. Отцу наконец удалось уладить споры насчет завещания, и Рим признал его полноправным царем. Это признание обошлось ему в шесть тысяч талантов золотом – доход всего Египта за целый год. Деньги выплатили троим неофициальным, но фактическим правителям Рима: Помпею, Крассу и Цезарю. В обмен на золото они признали моего отца царем и присвоили ему официальный титул: *Socius Atque Amicus Populi Romani* – «друг и союзник римского народа». Это означало, что римляне признают Египет суверенным государством и обязуются не посягать на его границы. Признание стоило стране очень дорого, но, как выяснил мой дядя, попытка не платить обошлась бы еще дороже.

У моего отца был брат по имени (какое однообразие!) Птолемей. Дядя правил на Кипре. Некогда мы контролировали огромные территории, но со временем постепенно и неуклонно их лишались. Лет тридцать тому назад еще один Птолемей, двоюродный брат, имевший еще меньше решимости, чем другие родственники, отписал Риму по завещанию провинцию Киренаика, включавшую в себя Кипр и Африканское побережье. После его смерти Рим забрал большую часть завещанных земель, однако Кипр оставался в руках наших кузенов. Мой дядя Птолемей правил там, пока Рим не решил аннексировать его владения. У дяди не было ни денег, чтобы откупиться от римлян, ни войск, чтобы отбиться от них. Вместо трона римляне предложили ему пост верховного жреца храма Артемиды в Эфесе, своего рода почетную отставку, но он предпочел покончить с собой.

Нас, родичей, это событие весьма опечалило, однако гнев жителей Александрии обратился в первую очередь против моего отца. Мало того, что из-за платежей в пользу Рима их обложили непомерными податями – их царь потворствует римской алчности даже ценой жизни собственного брата! Так рассуждали несведущие люди. Наверное, им казалось, что отец мог спасти Птолемя Кипрского, хотя никто не сумел бы объяснить, каким образом. Выступить против римских легионов? Это благородный поступок, но совершенно бесполезный. Впрочем, народ путал роскошь с могуществом и приписывал нам большую мощь, нежели та, какой мы обладали на деле.

Так или иначе, отцу пришлось бежать от собственных подданных и, подобно попрошайке, искать помощи в Риме. В ночь своего побега он явился ко мне расстроенный, с блуждающим взором, и объявил, что в полночь покидает дворец и надеется вернуться месяца через два, вместе с копьями римских легионов.

Как он мог решиться на побег? Кто останется править Египтом?

Словно прочтя мои мысли, он сказал:

– Мои вельможи проследят за делами, а отлучусь я ненадолго – лишь для того, чтобы заручиться необходимой военной помощью.

– Но... Если сюда явится римская армия, есть ли надежда, что она потом отсюда уйдет?

К тому времени я уже достаточно хорошо понимала, что в действительности означает римская «помощь».

– У меня нет выбора, – печально промолвил отец. – Что еще остается? Римляне должны меня поддержать, если они хотят собирать с нас деньги. – Он с горечью рассмеялся. – Им выгодно сохранить меня на троне.

Это звучало ужасно, чудовищно. Меня переполнял стыд, но одновременно я думала о том, предпочтительнее ли самоубийство, совершенное моим дядей? Увы, римляне оставляли нам лишь выбор меньшего из зол.

– Да пребудут с тобою боги! – пожелала я отцу. – Да оберегут они тебя.

С этим напутствием он отбыл в Рим, за помощью и защитой.

Глава 4

В отсутствие отца моим другом стал Александр Великий. Конечно, это звучит странно: как мумия может стать чьим-то другом? Но я чувствовала отчаяние. Мне было одиннадцать лет, и по мере того, как шли дни, а отец не возвращался, я все более тревожилась и за него, и за судьбу Египта.

День за днем я спускалась в крипту под поблескивающим куполом из белого мрамора и подолгу смотрела на лежавшего в алебастровом гробу великого полководца. Всегда происходило одно и то же: когда я спускалась к подножию лестницы, расставленные вокруг саркофага мерцающие свечи на миг превращали пол усыпальницы в перевернутое, усыпанное звездами ночное небо, а посреди звезд, подобный солнцу, лежал Александр Македонский. Я медленно приближалась, останавливалась, а потом пристально смотрела на него.

Скажу без обиняков – на живого он не походил. Скорее уж на раскрашенную статую с лицом-маской. Он лежал со скрещенными на груди руками, в золотом нагруднике, но без шлема, и было видно, что его золотистые волосы не потускнели.

– О Александр, – шептала я, – пожалуйста, посмотри на своих потомков! Мы, Птолемеи Египетские, – последние хранители твоего великого наследия. Все остальное поглощено Римом. Сейчас мой отец тоже упрашивает римлян сохранить ему трон. Дошло до того, что собственное царство нам приходится получать из рук Рима за деньги, как арендатор получает клочок земли от землевладельца. Что ты думаешь об этом, великий Александр? Помоги нам! Помоги найти выход из отчаянного положения! Не допусти, чтобы и наш край поглотила ненасытная римская утроба!

Конечно, он ни разу не ответил. Он просто лежал в величественном спокойствии смерти, но его присутствие успокаивало меня. В конце концов, ему при жизни приходилось сталкиваться с еще более тяжкими препонами, но он преодолел их.

Возвращение назад, на слепящий солнечный свет, всегда сопровождалось странным ощущением: это путешествие из царства мертвых назад, в мир живых.

Усыпальница находилась на перекрестке главнейших улиц нашего города – Канопской, пересекавшей город с востока на запад, и дороги Сома, что шла от озера Мареотис на юге к

морю на севере. Всякий раз, когда я смотрела на эту широкую белую улицу с бесконечными мраморными колоннадами, я чувствовала: отдавать такую красоту чужакам нельзя. Отец обязан что-то сделать, чтобы все сохранить. Не знаю, что именно, но обязан.

Между тем горожане продолжали поносить царя и в его отсутствие.

– Как он мог, – кричали в толпе, – покорно отдать римлянам Кипр? Что за слабость для правителя!

Во всех бедах страны винили исключительно его – беспомощного, никчемного царя, прозванного Флейтистом за любовь к музыке. Если раньше прозвище произносили с любовью, то теперь оно превратилось в презрительную кличку.

Пьяный маленький флейтист, слабый царь, изнеженный музыкант – это еще не самые худшие слова, какие мне приходилось слышать в толпе, когда я следовала по улицам Александрии в усыпальницу и обратно. Прежде народ радовался празднествам в честь Диониса, которые устраивал отец, а теперь люди осыпали его насмешками. Царское вино горожане пили охотно, но память у них оказалась короткой. Так что те, кто утверждает, будто я не представляю себе глумящуюся толпу в Риме, ошибаются. Глумящаяся толпа везде одинакова.

Возвращение во дворец всегда было для меня огромным облегчением. (Интересно, как отнесся бы к этому Александр – счел ли бы он мое облегчение постыдным?) В пределах дворцового комплекса по-прежнему царили спокойствие и почтительность, по крайней мере внешняя. Точнее, царили до того дня, когда я вернулась домой и увидела, что здесь произошел переворот.

На первый взгляд все выглядело как обычно и не вызывало мысли о каких-либо переменах. Садовники занимались своими делами – поливали и подрезали растения; слуги вялыми движениями мыли мраморные ступеньки главного дворца, где находились палаты для аудиенций и пиршественный зал. Я уже проследовала мимо – к зданию поменьше, где жили царские дети, и вдруг рослый стражник гаркнул мне:

– Стой!

Голос у него был грубый, тон не допускал возражений. Он стоял, сердито насупившись, и преграждал дорогу в мои покои. Никогда раньше со мной никто так не разговаривал.

– Тебе нельзя входить! – продолжал солдат.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я. – Там опасно? Пожар? Или какое-то животное вырвалось на волю? Может быть, одна из ручных пантер моей сестры оборвала свой поводок и убежала?

– Пока твоя лояльность не удостоверена, у меня приказ задержать тебя. Где ты была? Никто не мог тебя найти!

Он шагнул ко мне, но дотронуться все-таки не посмел: касаться представителя царской семьи не дозволялось никому.

– Моя лояльность? Моя лояльность к кому? Или к чему? – Все это казалось весьма странным. – Я была у гробницы Александра, которую вольно посещать когда угодно.

Еще не закончив фразу, я поняла, что это недоказуемо: в усыпальницу я всегда ходила одна.

– Речь идет о лояльности новым правителям, – немедленно пояснил страж.

Новым правителям? Неужели римляне захватили власть? В гавань вошли их корабли? В порту высадились войска? Странно – я прошла через весь город, но не заметила ни столкновений, ни паники. И иностранных военных кораблей, насколько я могла видеть, у наших причалов нет.

– Ничего не понимаю, – промолвила я.

Это была чистая правда. Я пребывала в полной растерянности, но вдруг почувствовала страх за отца.

– Дочери бывшего царя приняли бремя правления на себя, – объявил он. – Ступай и поклянись им в верности. Их величества ждут.

Мои сестры! Мои сестры, воспользовавшись отсутствием отца и его непопулярностью, захватили власть. Теперь я почувствовала страх. Они запросто могут избавиться и от меня, и от Арсиной, и от мальчиков. Помешать им некому. Все можно сделать быстро – прямо сегодня, пока известие о перевороте не просочилось в город. В конце концов, тут нет ничего нового: Птолемеи всегда устраняли соперников, невзирая на самое близкое родство.

– Значит, ты отказываешься! – сказал он, сделав еще один шаг по направлению ко мне и выхватив меч.

Не исключено, что он получил приказ зарубить меня в случае малейшего колебания. Или в любом случае. Кто обвинит его? Уж точно не слуги, не слишком усердно драившие ступени, но очень старательно делавшие вид, будто ничего не видят и не слышат.

– Нет, – прозвучал мой ответ.

Долго ли я размышляла, не помню; тогда мне показалось, что очень долго, но, конечно, на деле было не так. Мысленно я вознесла краткую молитву Исиде, взывая о помощи.

– Нет-нет, не отказываюсь, – заверила я. – Я их покорная сестра, как и всегда.

– Тогда докажи это.

Он приказал другому стражнику занять его место, а сам повел меня к главному дворцу. Он по-прежнему не прикасался ко мне, но держался в такой близости, что это было еще более угрожающим. Я изо всех сил старалась не выказать своего страха.

Меня отвели в одну из больших дворцовых палат. Это помещение мои сестры, очевидно, сочли подходящим своему новому статусу, поскольку наш отец устраивал здесь аудиенции. Я остановилась перед внешними дверями, инкрустированными изумрудами и черепаховыми панцирями из Индии. Однако сегодня все их великолепие потускнело для меня. Двери медленно распахнулись, и я вошла в зал, где потолки были выложены золотом. В дальнем конце помещения на украшенных драгоценными камнями креслах восседали Клеопатра и Береника, старательно принявшие ту самую позу, в какой принято изображать древних фараонов.

Но в моих глазах это не сделало их царицами; я видела прежних старших сестер.

– Царевна Клеопатра, – заговорила Береника, – да будет тебе известно, что мы имеем честь возвестить о нашем восшествии на престол. Отныне мы именуемся Клеопатра Шестая и Береника Четвертая, правительницы Верхнего и Нижнего Египта. Мы желаем, чтобы ты заверила нас в преданности, как наша дражайшая сестра и преданная подданная.

Я приложила все усилия к тому, чтобы мой голос звучал спокойно, и произнесла:

– Конечно, вы мои дражайшие сестры, а я ваша любящая сестра.

Слово «подданная» было опущено намеренно: я решила не произносить его, пока меня не вынудят, поскольку считала это предательством по отношению к отцу. Заметят ли они мою оговорку?

– Мы принимаем твою преданность, – заявила Береника за обеих. – Народ ясно дал понять, что не желает возвращения на трон нашего отца и не примет его, если он вернется. Но вероятность его возвращения невелика. Римляне не станут содействовать восстановлению его на престоле, потому что, похоже, какое-то пророчество сулит им беды, если Рим вздумает возвращать власть низложенному царю Египта силой оружия. Они приняли его с почетом, дали в его честь несколько пиров, да и только. Конечно, вытянули из него все деньги и еще больше обещаний. Теперь он так задолжал римским заимодавцам, что, вздумай мы принять его обратно, наша страна окажется банкротом.

– Разве так нужно любить свою родину? Называл себя Филопатором, «любящим отечество», а сам продал страну римлянам! – воскликнула Старшая Клеопатра, и в ее голосе звучало сознание собственной правоты. – Египет для египтян! Мы сами позаботимся о своих делах! Зачем платить Риму за царя, когда у нас есть целых две царицы. Я стану царицей областей

Верхнего Египта, а Береника будет царицей Среднего Египта и оазиса Моэрис, – продолжила она. – Мы начнем переговоры о династических браках.

– Но у нас есть братья, – подала голос я, будто хотела помочь. – Разве нам, Птолемям, не полагается заключать браки внутри нашей собственной семьи?

Они расхохотались в один голос.

– Братья! Эти мальчишки! Одному три года, а другой и вовсе младенец! Пройдет долгое время, прежде чем они смогут стать отцами наследников. Нам понадобятся настоящие мужчины, с которыми можно лечь в постель, – сказала Береника.

– Выйти замуж за младенца – все равно что выйти замуж за евнуха! – Клеопатра рассмеялась, но потом резко остановилась. – О, я и забыла: тебе как раз *нравятся* евнухи. Вот и занимайся ими и своими лошадьми, – сказала она с горделивым видом, разведя руками над яшмовыми подлокотниками кресла. – Не вмешивайся в государственные дела, и все будет хорошо. Ведь у тебя есть своя лошадь?

– Да, – ответила я.

Моя лошадь – белый арабский скакун – была для меня воистину лучшим другом. Ведь она, лошадка, увозила меня в пустыню, прочь от дворца и от самой себя.

– Вот ею и занимайся. Катайся верхом, ездь на охоту и учись. Не лезь в дела, что тебя не касаются, и все будет прекрасно. Мы относимся хорошо к тем, кто хорошо относится к нам. Поняла?

– Да, ваши величества, – ответила я, склонив голову, но не преклонив колен.

В том, чтобы назвать их «величествами», по моему разумению, предательства не было: царские дети от рождения равны богам, а боги, само собой, имеют право так именоваться.

Лишь когда я оказалась в относительной безопасности собственных покоев, потрясение и страх бросили меня в дрожь. Мои сестры захватили трон, обратившись против собственного отца. Они совершили тяжчайший грех, но грех этот коренился в проклятии рода Птолемеев. К преступлению толкала кровь, что текла в их жилах, ибо мы, Птолеми, принадлежим к семейству, чьи кровавые распри ужасали мир. Убийства братьев, жен, матерей... каких только злодеяний не было в нашем роду. Правда, я думала, что фамильные нравы смягчились и нашему поколению уже не присуще столь жестокое властолюбие. Но это оказалось ужасной ошибкой.

Отец! Отец низложен собственными дочерьми. И что теперь их остановит? Я, Арсиноя, два мальчика – уничтожат ли и нас?

Довериться некому, посоветоваться не с кем. Я уже подросла, так что давно обходилась без няньки, а доверенным другом так и не обзавелась. Я была совершенно одинока.

Если не считать Исиды.

Но пока мне ничто не грозило; во всяком случае, если я не стану высовываться и собирать вокруг себя сторонников. Но разве у меня оставалась такая возможность? Как и велели сестры, я довольствовалась «евнухами и лошадьми». Как бы презрительно ни отзывались о них сестрицы, евнухи, коих в то время состояло при дворе великое множество, играли немаловажную роль во всех без исключения сферах жизни. Что неудивительно: в нашем мире – и в царской семье, и среди знати – преобладали династические амбиции и фамильные интересы, когда каждый стремился возвеличить свое потомство; лишь евнухи, не имевшие наследников, не внушали подозрений. Они были наставниками царских детей и ближайшими доверенными советниками царей и цариц, сановников и военачальников.

Человек, заинтересованный лишь в удовлетворении личных потребностей, более предан своему господину. Просто удивительно, как много мы совершаем исключительно в интересах потомства и насколько меньше стали бы действовать, живи мы исключительно для себя. Собственно говоря, пренебрежительное отношение к евнухам объяснялось тем же, чем и их положение: они не могли открыто захватить власть, и даже если имели огромное влияние, то

осуществляли его от лица своих господ и были напрямую заинтересованы в сохранении и упрочении положения хозяев. Это делало их идеальными слугами для таких родов, как Птоломеи.

Очевидно, что никто из них не принадлежал к старинному роду евнухов и никто никогда не утверждал, будто его отец и дед были евнухами. Но из одних семей они выходили чаще, чем из других: в этих семьях часть родившихся мальчиков по традиции определяли в евнухи. Выбирались только самые перспективные – ибо какой смысл в подобной жертве, если мальчик не подает особых надежд на успех? Таким образом, когда говорили «евнух», то подразумевалось, что он «одаренный, смысленый и усердный».

Евнухи в Александрии были по большей части греками или египтянами, полностью перенявшими греческий образ жизни и мышления. Попадались среди них каппадокийцы, фригийцы, жители Вифинии и другие представители эллинизированных народов. Надо заметить, что в Египте не принято кастрировать кого-либо принудительно – даже рабов. Евнухами становились добровольно, что несколько оправдывало тех, кто пользовался их услугами.

Обычно эта операция производилась в весьма юном возрасте, но, конечно, не в младенчестве: лучше подождать и удостовериться, что мальчик растет здоровым. Иногда, в особых обстоятельствах, это делалось позднее, даже после того как юноша превращался в мужчину. Такие поздние евнухи отличались от обычных. Они обладали более низкими голосами, да и по внешности могли быть приняты за мужчин.

В ту пору я мало думала о евнухах, привыкнув к их постоянному присутствию. Только отправившись в Рим, я обнаружила, что можно жить в мире без них.

С Мардианом я познакомилась вскоре после того, как стала искать утешения в усыпальнице Александра. Направляясь к гробнице, я всегда надеялась, что буду там одна, но несколько раз заставала толстого мальчишку. Он неподвижно и подолгу, почтительно склонив голову, стоял на коленях перед саркофагом – словно его колени были из железа – или нависал над гробом, уставившись на мумию с восторженным выражением на круглой физиономии. По правде говоря, он меня раздражал. Мне хотелось, чтобы он ушел, но я никак не решалась приказать прогнать его. Я надеялась, что мальчишка уберется сам и мне не придется ни к кому обращаться. Однако толстый мальчик раз за разом оказывался на месте, и мое терпение истощилось. Мне стало казаться, что он намеренно мешает моему общению с Александром. Дошло до того, что стоило мне закрыть глаза и мысленно представить себе усыпальницу, как тут же рядом непременно появлялась голова никчемного мальчишки – зрелище не слишком величественное и не вдохновляющее.

На следующий день я спускалась в крипту и молилась, чтобы мальчишки там не было. На какой-то миг мне показалось, будто мое желание исполнилось, но потом я разглядела его – он опять нависал над гробом, отставив толстый зад. Я не выдержала.

– Убирайся! – воскликнула я, подбежав к нему. – Или приходи в какое-нибудь другое время! Хотя бы рано утром!

У меня не было возможности ускользнуть из дворца до утренней трапезы, так что в это время он вполне мог поклоняться Александру, не мешая мне.

– Увы, это невозможно, – со сдержанным достоинством промолвил мальчик, выпрямившись.

Он был заметно выше меня, а вот о том, что он евнух, я не сразу догадалась. Это стало очевидно только потом.

– Почему? – требовательно спросила я.

– Я свободен только в эти часы.

– Ты знаешь, кто я?

Не хватало еще, чтобы какой-то мальчишка спорил с царевной!

– Да, – ответил он все с тем же странным достоинством. – Ты Клеопатра Младшая. Будь ты римлянкой, тебя звали бы Клеопатра Минор – Малая, что было бы неправильно. Ты играешь не последнюю роль.

– А ты кто?

– Меня зовут Мардиан, царевна, – ответил он. – Я живу в царских покоях. Пока учусь, но надеюсь со временем пригодиться царю.

– А... так ты *евнух*, – догадалась я.

– Да, – кивнул он, не поморщившись.

– Зачем же ты приходишь сюда изо дня в день?

Я могла спросить его об этом, а он спрашивать меня не мог.

– Потому что я хотел бы походить на Александра.

Услышав это, я рассмеялась, но взглянула в его лицо и почувствовала себя неловко. Он не ожидал от меня столь жестокого удара.

– Никто не может уподобиться Александру, – пробормотала я, пытаюсь загладить свою бестактность. – Поэтому тот, кто пытается это сделать, вызывает лишь смех. Вспомни хотя бы обо всех достойных сожаления царях, что звались Александром. Они пытались ему подражать и приказывали изображать себя похожими на него – с развевающимися волосами, с тем же поворотом шеи. Нет, никому из нас не сравниться с Александром.

Я говорила торопливо, стараясь загладить свою оплошность, хотя и не произносила слов извинения.

– Значит, ты тоже хочешь походить на Александра? Ты сказала: «никому из нас».

Он поймал меня.

– Да, – призналась я. – Мне хотелось бы походить на Александра. Наверное, ты бы сказал, что для женщины это еще более несбыточно, чем для евнуха. Наверное, так оно и есть. Но мне хотелось бы походить на него не телесно, а силой духа. Признаюсь, порой он кажется мне куда более живым, чем те люди, что заполняют дворец.

Александр, златовласый, в золотом панцире, молча лежал в гробу, а наши слова вились над его головой.

– Да! И мне тоже! – сказал Мардиан. – Он помогает мне выносить трудности и несправедливости. Когда меня дразнят или насмеваются, я говорю себе: ничего, терпи, ведь завтра ты придешь к Александру.

Он выглядел несколько смущенным оттого, что признался в этом.

– Ты сказал, что живешь во дворце. А где именно? – поинтересовалась я, почти забыв, что еще недавно мечтала от него избавиться. – Может быть, я смогу тебя навестить.

– Я живу в большом здании напротив храма Исиды, что смотрит на восточное море.

Разумеется, я знала это здание: там размещались архив и школа писцов.

– А другие там?.. – Я хотела сказать «такие же, как ты», но заколебалась.

– Нет, в нашей группе из пятнадцати учеников евнух только я, – добродушно ответил он. – Правда, Деметрий, наш наставник по математике, тоже евнух. А еще нас учат грамматик из Афин и ритор с Хиоса.

– Нас учат тому же самому, – промолвила я, скорчив физиономию. – Нашего риторика зовут Феодот, и я терпеть его не могу! Он подлый и низкий, как змея.

– Змеи не низкие и, уж конечно, не подлые, – серьезно возразил Мардиан.

Он выглядел обиженным.

– Что ты этим хочешь сказать?

Всем известно, что у змей такая природа, пусть даже богиня-кобра Уаджет считается покровительницей фараонов Египта и ее изображение с раздутым капюшоном венчает царскую корону.

– Я изучал змей, – сказал он, – и прекрасно знаю, что они вовсе не такие, какими их пытаются представить. Тебе стоило бы посмотреть на моих животных: я держу их в нескольких загонах рядом с конюшнями. Там у меня есть и особое помещение для змей.

– Вот как? А какие еще у тебя животные? – заинтересовалась я.

– Был страус, но он вырос слишком большим для меня. Теперь я держу маленьких животных: ящерок, черепашек, ежеиков. Мне бы очень хотелось завести маленького крокодильчика.

– А мне, Мардиан, очень хотелось бы взглянуть на твоих питомцев, – сказала я.

В тот день мы покинули Александра, уделив ему куда меньше внимания, чем обычно.

Глава 5

Вскоре мне удалось выбраться к Мардиану. Я нагрянула к нему во время занятий, и, хотя мой приход вызвал большое оживление и любопытство, урока геометрии – этой наукой особенно славилась Александрия – наставник не прервал, и мне пришлось дожидаться окончания. Группа состояла по большей части из мальчиков, хотя среди учеников я заметила и девочек – пять или шесть. А также знакомого мне Олимпия.

Он склонился над каким-то папирусом и изучал его с таким воодушевлением, что казалось, он сейчас проглядит в нем дырку. За прошедшее время Олимпий заметно подрос и утратил детскую округлость, что запомнилась мне после нашей встречи на том давешнем пиру... неужели прошло уже пять лет? Теперь его лицо похудело, а большие глаза стали еще более заметны. Ему, наверно, уже исполнилось четырнадцать.

По окончании урока я ожидала, что Мардиан поздоровается, но он словно не замечал меня, продолжая разговаривать с кем-то из товарищей. Наконец, не выдержав, я сама подошла и спросила напрямик:

– Мардиан, ты стыдишься нашего знакомства?

– Нет, что ты, царевна, – испугался он. – Просто я не решался претендовать на знакомство лишь из-за того, что наши пути случайно пересеклись. Было бы дерзко с моей стороны...

– Чепуха! – заявила я, хотя понимала, что многие на моем месте рассуждали бы именно так: случайная встреча – еще не основание для дружбы. – Разве мы с тобой не братья по Александру?

Не успев договорить, я поняла, что «братья» – не самое подходящее слово, поскольку ни он, ни я телесно не относились к мужскому роду. Однако с другой стороны, понятие братства означало нечто большее, чем физическое родство.

– Если ты этого хочешь, я тоже хочу, – промолвил он.

– Хорошо. Значит, договорились. – Я обняла его рукой за плечи. – Еще я хочу, чтобы ты показал мне своих животных. Потом я отведу тебя в наш царский зверинец. А потом...

Мардиан оказался отличным другом, и очень скоро я стала скучать по нему даже после недолгой разлуки. Наша дружба крепла день ото дня: мы вместе делали уроки, собирали цветы, сооружали из обожженных глиняных кирпичиков миниатюрные города, обнесенные стенами. Совместными усилиями мы соорудили колесницу, куда запрягли черных коз, и, исполненные гордости, катались в ней по дворцовой территории.

Придя к Мардиану в следующий раз, я попала на урок истории. Речь шла о Птолемах. Увидев меня, учитель не на шутку встревожился и побледнел.

– Когда Птолемей Восьмой официально приветствовал Сципиона Эмилиана из Рима, он вышел ему навстречу в... То есть я хочу сказать, что его одеяние...

Бедный наставник мялся, и я пришла ему на помощь...

– Оно было прозрачным, – закончила я. – И это выглядело комично, поскольку царь был невероятно толст и после каждого нескольких шагов останавливался, чтобы перевести дух.

Мне ли не знать историю своей семьи, даже с нелестными подробностями? Не стоило учителю смущаться и прерывать урок. Помянутого обжору, доведившегося мне прапрадедом, жители Александрии – они всегда мастерски придумывали прозвища – называли Фискон, то есть Пузырь.

– А высокомерный римлянин сказал следующее: «По-моему, мне удалось порадовать жителей города невиданным зрелищем: они увидели, как их царь ходит пешком. Для него это настоящее атлетическое упражнение».

Ученики рассмеялись.

Что поделать – мои предки всегда сносили унижения со стороны Рима, да и склонность к полноте, к слову, была нашей семейной чертой. Впоследствии я стала строго следить за своим питанием, твердо вознамерившись сохранить стройность. Правда, женщины нашего рода меньше подвержены тучности, чем мужчины.

– Да, царевна, – суетливо кивал учитель.

Я уже сожалела, что вломила на урок, и испытывала неловкость из-за того, что не могу вести себя как нормальный человек, не привлекая к себе внимания. Мне не следовало сюда приходить, но повернуться и уйти прямо сейчас тоже неправильно – это вызвало бы еще большее волнение. Пришлось остаться до окончания урока.

Потом Мардиан подошел ко мне в сопровождении Олимпия.

– Очень рада видеть тебя снова, – сказала я Олимпию. – Но почему ты ни разу не дал о себе знать, хотя учился здесь, под боком? Неужели царевна – пугало, от которого все стараются держаться подальше?

– Ну, главным образом я занимаюсь не здесь, а в Мусейоне, – ответил Олимпий. – Сюда я попал, чтобы выскользнуть из-под родительской тени. Думаю, ты понимаешь, как это бывает сложно. А в Мусейоне мой отец с его ученым именем отбрасывает очень длинную тень.

– Ну, мой толстый предок отбрасывает тень не меньшую! – сказала я со смехом. – Но выскользнуть из-под такого рода зонтика и вправду приятно.

– Так вы знакомы? – удивился Мардиан.

– Мы встречались давным-давно, – ответила я, – когда Александрию посещал Помпей. Нам обоим тогда захотелось побывать на пиру, хотя это было совсем не по возрасту.

– Уверен, Олимпий наповал сразил взрослых своими познаниями, – сказал Мардиан. – Он всегда производит такое впечатление.

– Теперь уже нет, – поправил его Олимпий. – Я вырос, и на меня больше не смотрят как на чудо-ребенка. Такими восхищаются лет до тринадцати.

– Да, – согласился Мардиан. – Всем нравится умный, сообразительный ребенок, но то, что восхищает в малыше, утомляет в отроке.

– Ну а мне, – подхватил Олимпий, – вовсе не хочется никого утомлять.

После того случая мы стали проводить время втроем. Олимпий, хотя он никогда в этом не признавался, был одинок; возможно, сверстников отпугивали его глубокие познания и взрослая манера держаться. Его интерес к врачеванию не угас, и он готовился стать лекарем здесь, в Александрии, где медицинская школа была лучшей в мире. Одиночество не миновало и Мардиана, особенно по мере взросления, когда его отличие от других мальчиков становилось очевидным. Ну а я? Я была царевной с сомнительным будущим – объект любопытства, перешептываний и толков. От меня на всякий случай предпочитали держаться подальше.

А потом наступил день испытания, когда мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы выдержать его. Олимпий с гордостью объявил, что приобрел маленькую парусную лодку. Он приглашал нас на прогулку и надеялся, что для практики ему разрешат воспользоваться внутренней царской гаванью, где вода намного спокойнее.

– Считается, будто все греки подобны Одиссею как прирожденные кормчие. Но у меня этого таланта нет, – признался он. – Однако я все равно люблю воду.

Вода! Теперь передо мной встал выбор: преодолеть свой страх или признать, что он сильнее меня, и всю оставшуюся жизнь не покидать суши. До сих пор это не имело значения, поскольку на морские прогулки меня никто не звал, но настал час, когда нужно определиться.

– Конечно, – сказала я, – ты можешь практиковаться там, сколько хочешь. И привязать лодку у подножия дворцовых ступенек, что спускаются прямо в воду.

– Спасибо, – сказал он. – Уж поверь мне, я научусь управлять лодкой как можно лучше, чтобы не ударить в грязь лицом. Скоро я смогу тебя покатать.

К сожалению, я не сомневалась, что так оно и будет. Я успела понять: если Олимпий берется за дело, то осваивает его в совершенстве, а если что-то обещает, то непременно держит слово.

Лето было в разгаре, точно как... как в *тот* день. Солнце ярко сияло над нашими головами, и вода в неглубокой бухте с песчаным дном стала убаюкивающе теплой. Морские волны были такими же, как тогда, – мягкие, сине-зеленые, с белой каймой пены.

– Идем.

Олимпий стоял по пояс в воде, удерживая качавшееся на волнах суденышко на швартовом тросе. Он ожидал, пока мы дойдем до лодки и взберемся на борт. Я посмотрела на воду, что плескалась у моих ног: здесь совсем мелко и, кажется, безопасно. Но ведь с каждым шагом от лестницы глубина будет увеличиваться. Я вспомнила, как людей учат плавать с помощью надутых шкур животных: бурдюки с воздухом не дают утонуть, и ты постепенно привыкаешь держаться на воде. Сейчас я жалела, что не пошла тем же путем, но было уже поздно.

– Ну же, давайте! – нетерпеливо звал Олимпий.

К тому же Мардиан любезно пропустил меня вперед. Хорошо еще, что на мне была лишь короткая, выше колен, туника и мои ноги не могли запутаться в ткани. Собравшись с духом, я опасливо шагнула в воду одной ногой, потом спустила другую и двинулась дальше. Теперь вода плескалась уже у моих колен.

Я ощущала тягу течения, хотя и не сильную; мягкий песок под моими ступнями подавался, отчего они погружались глубже. Пришла волна, слегка приподняв меня и снова опустив. Мне это не понравилось: чувство было такое, словно меня колышет на сильном ветру.

– А ты не можешь чуть побыстрее? – раздраженно спросил Олимпий. – Я уже устал удерживать лодку.

Я попыталась идти быстрее. Но вода уже была мне по пояс, и чтобы не потерять равновесие, пришлось раскинуть руки. Чем глубже я погружалась, тем более холодной становилась вода. Она уже доходила до груди, но тут, к счастью, я достигла лодки. Оставалось лишь в нее забраться.

Это было на удивление трудно. Вода ощущалась плотной, я словно вязла в ней, а волны, хоть и не сильные, колыхали меня туда-сюда, заставляя терять равновесие. Наконец (как раз в тот момент, когда нахальная волна обдала мое лицо фонтаном брызг) я ухватилась за крепкий деревянный борт, перелезла через него и оказалась на палубе. Мардиан появился сразу после меня; он и не подозревал о моих страхах. Когда мы оба забрались в лодку, Олимпий перевалялся через нос с линем в руках.

– Ну наконец-то. А я уж думал, вы никогда не дойдете! – Он строго посмотрел на меня. – Смешно, конечно, но можно подумать, будто ты никогда и ног в море не мочила!

Он рассмеялся, ибо подобная мысль казалась ему нелепой.

К счастью, продолжать Олимпий не стал. Он пристроился у рулевого весла и занялся парусом. Он поймал налетевший западный ветерок, и нас развернуло вправо; лодка накрени-

лась, и я вцепилась в борт, ощущая неожиданно возникшую в желудке свинцовую тяжесть. А вот мои приятели, судя по улыбкам на их лицах, явно были в восторге.

Что поделаться: люди разные, и то, что для одного – приятная прогулка, для другого может стать тяжким испытанием. Даже близкие друзья не всегда догадываются об этом.

Олимпий правил вглубь гавани, где дрейфовали более крупные суда. Я глянула вниз и со страхом заметила, что дно под нами исчезает. Поначалу я смотрела, как пятна солнечного света играли на песке, видела рыб и морские водоросли, но потом все это стало уходить в глубину и теряться в тенях.

Я почувствовала, как холодная волна паники поднимается к моему горлу, поскольку наш курс явно повторял маршрут того давнего плавания, и мы приближались к месту, где приключилась беда. Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на легком плеске воды о борта.

Неожиданно Олимпий вскрикнул: лодка взлетела на гребень большой волны и ухнула вниз. Так, словно на лошади перескакиваешь высокий барьер и падаешь. Лицо мое окатили брызги, я слизнула с губ морскую соль и сильно сглотнула.

Мы плавали долго, не один час, то приближались к более крупным судам, то удалялись от них. Олимпий пребывал в упоении. На меня он совершенно не обращал внимания, за что я, надо сказать, была ему весьма признательна. Мардиан же неотрывно глядел через борт в воду, надеясь усмотреть кальмара, морского ежа, а то и дельфина. Волны хлестали ему в лицо, но ему было все равно.

Ни навеса, ни каких-либо ограждений на суденышке Олимпия не имелось, как и оравы слуг, которые кричат и прыгают вокруг. От этих воспоминаний я была избавлена. Но вот яркие цвета, звуки и запахи моря нахлынули на меня, как в прошлый раз. Однако я больше не была беспомощным младенцем в чужих руках. Теперь у меня самой хватало сил, чтобы держаться прямо и совладать с новым испытанием.

Наконец – наконец-то! – Олимпий повернул лодку к дворцовому причалу. Солнце уже прошло половину пути к закату; начался прилив, он тянул нас к берегу. К качанию на волнах мы привыкли, Олимпия это уже не повергало в восторг, а меня – в ужас. Я справилась со своим страхом.

– А теперь давайте поплаваем! – неожиданно объявил Олимпий.

Он бросил в воду привязанный к веревке камень, который должен был служить якорем. Груз, булькнув, пошел ко дну, веревка натянулась и дернула лодку влево.

Только этого не хватало – а я-то думала, что все вот-вот закончится! С морской прогулкой кое-как обошлось, но купание... Ведь я не умела плавать!

Олимпий нырнул за борт, чисто и аккуратно вошел в воду и исчез на глубине. Мой желудок сжался в ком, хотя я и знала, что мальчик сейчас вынырнет. Или, скорее, я *надеялась*, что он вынырнет. Так и произошло: Олимпий появился на поверхности с другой стороны лодки и обдал нас с Мардианом стеной брызг.

Мардиан, уже промокший до нитки, издал негодующий вопль и спрыгнул через борт, как пущенный из катапульты камень, отчего на мою бедную голову обрушилось еще больше воды. Потом оба мальчика начали в воде схватку с криками и плеском, стараясь в шутку потопить друг друга. Лишь спустя некоторое время они заметили, что я сижу в лодке.

– А ты чего ждешь? – крикнул Олимпий. – Можно подумать, ты боишься окунуться!

Он хотел лишь поддразнить меня и, конечно же, подумать не мог, что сказал чистую правду.

«Глубоко ли тут? Накроет ли меня с головой?» – гадала я, всматриваясь через борт в волны. Слишком темно, не разглядеть дна.

– Давай прыгай! – звал Мардиан. – Вода не холодная!

Он с явным наслаждением барахтался рядом с лодкой.

Я же испытывала ужас и отвращение – коварная стихия затихла, таилась в засаде, дожидаясь возможности поглотить меня. Никто не отнимет у нее добычу!

– Один раз ты ускользнула от меня, – слышалось в шепоте волн. – Но не навсегда. Разве ты не знаешь, что вода – твой рок?

И тут на меня нахлынуло странное чувство. Я бы не решилась назвать его храбростью, хотя, возможно, это и есть храбрость отчаяния и безысходности.

Да, вода ждет. Она мой враг. Но я буду бороться и попробую захватить ее врасплох. Этого она не ожидает.

Без дальнейших раздумий (способных остановить мой порыв) я прыгнула через борт. В то же мгновение, как я зависла в воздухе над голубой бездной, меня разом охватили ужас и восторг. Вода устремилась мне навстречу, а я бросила свое тело, как плевков в ее враждебное лицо. Мы столкнулись. Вода расступилась под моим ударом, и я, стукнувшись о дно, отскочила вверх. В момент прыжка я задержала дыхание и, только когда моя голова снова оказалась над поверхностью, разинула рот и стала жадно глотать воздух.

Я нелепо молотила руками по волнам и уже снова стала погружаться, однако – о чудо! – не с головой, так что могла дышать. Нащупать ногами дно не удалось, но тут я почувствовала, что движения рук поддерживают меня, и инстинктивно скоординировала их с движениями ног, чтобы оставаться на поверхности.

– Ты изящна, как гиппопотам на суше! – поддразнил меня Мардиан. – Перестань так бултыхаться! Привлечешь морских чудовищ!

– Ты прекрасно знаешь, что никаких морских чудовищ здесь нет, – возразил Олимпий, но я заметила на себе внимательный взгляд его темных глаз.

Может быть, плескалась я и впрямь не слишком изящно, но утонуть уже не боялась: враждебная, внушавшая ужас стихия неожиданно покорилась мне. Это всего лишь теплая колеблющаяся вода. Я испытала такое облегчение, будто тело и впрямь сделалось невесомым. Поражало даже не то, что я справилась со страшным испытанием, а то, как легко оно далось.

С заходом солнца мы вернулись к причалу и привязали лодку. Наша мокрая одежда прилипала к телу, и теперь я видела, насколько Мардиан отличается от других мужчин. Олимпий в свои неполные пятнадцать лет был крепко сбитым и мускулистым. Мардиан же вытянулся в рост, но его конечности – и руки, и ноги – казались непропорционально длинными. В нем совсем не ощущалось той мужественности, что уже была заметна в Олимпии. Мускулы Мардиана оставались вялыми, плечи узкими и сутулыми.

Олимпий поблагодарил нас за то, что мы составили ему компанию, и направился домой, в греческий квартал города. Близился закат, и заходящее солнце придавало мягким волнам багряный оттенок, так что покачивающиеся на якорях корабли отбрасывали на воду пламенеющие отражения.

– Ты ведь никогда раньше не плавала, правда? – тихонько спросил Мардиан.

– Правда, – призналась я. – Но я как раз собиралась научиться, давно пора.

Я обхватила свои колени руками и положила на них голову. Из-за промокшей одежды стало чуточку холодно, но я знала, что туника скоро высохнет.

– Конечно, ты не умела плавать, и это не удивительно, – вновь заговорил Мардиан. Мне захотелось, чтобы он заткнулся. – Ты, наверное, всячески избегала воды.

Надо же, какой догадливый!

В ответ я лишь пожала плечами и с наигранной беззаботностью сказала:

– Мне не с кем было учиться: старшие сестры слишком взрослые, младшая – слишком мала.

– О, будь у тебя желание, ты нашла бы и возможность. – Он помолчал и добавил: – Думаю, если у тебя возникнет какое-то желание, ты всегда сумеешь его осуществить. – В его голосе послышалось восхищение. – Как ты решилась вот так прыгнуть! Неужели не боялась утонуть?

– Еще как боялась, – призналась я. – Но ничего другого мне не оставалось.

– Значит, ты хотела поплыть, – не отставал он. – Тебя ведь никто не заставлял, да и не мог заставить. Кстати, у тебя очень хорошо получилось. В первый раз, когда я пытался плавать, я тонул три раза!

– Я не только хотела, но и была обязана, – сказала я. – Моя мама утонула здесь, в этой самой гавани.

Он побледнел.

– Я знал, что она умерла. Но я не знал как. Прости.

– Я была рядом с ней.

Он побледнел еще сильнее, краски совсем схлынули с лица.

– И ты... помнишь?

– Только цвета, звуки, запахи. И чувство утраты. И воду, что забрала ее.

– Почему ты не сказала Олимпию? Он бы никогда не стал принуждать...

– Я знаю. Но, по правде говоря... Сколько еще могла бы я жить в Александрии, в морском порту, не осмеливаясь ступить на корабль?

Он склонил голову, тщательно подбирая слова, и наконец произнес:

– Да сохраняют боги наш город в его славе и свободе.

– И да вернется мой отец-царь, и да взойдет он вновь на трон! – подхватила я и тут же осеклась, сообразив, что произнесла запретные слова, которые кто-то мог подслушать. – Ну а пока я должна сохранять веру и справляться с тем, что ослабляет меня или вредит мне. Согласись, боязнь воды – не лучшее качество для александрийской царевны.

– Ты одолела это препятствие, – промолвил юный евнух, явно потрясенный случившимся.

– Не без колебаний, – призналась я. – Пусть останется между нами, чего мне это стоило.

Хорошо иметь друзей, живущих без тревог и забот взрослой жизни. К нам, обитателям детских покоев дворца, это, увы, не относилось. Мы четверо находились под охраной и бдительным присмотром, с нас не сводили глаз и обо всем, что бы мы ни делали, докладывали их фальшивым величествам. Я, как старшая, пользовалась большей свободой, однако мое поведение привлекало к себе больший интерес и вызывало большие подозрения. Арсиноя, верная своей капризной природе, постоянно цеплялась к охране и затевала всякого рода разбирательства; судя по их полнейшей бессмысленности, только для того, чтобы лишний раз привлечь внимание к своей персоне. Это казалось мне большой глупостью: ведь если ты считаешь, что тебя окружают враги, лучше держаться как можно более незаметно.

Два маленьких Птолемея были слишком малы, и от них заговоров пока не ждали. Мальчиков интересовали лишь мячики и деревянные игрушки.

А я вступила в тот возраст, когда мое тело стало меняться, что неизбежно привлекало ко мне внимание. Теперь меня, как взрослую девушку, могли использовать в политических целях. Я всегда отличалась стройным телосложением, лишнего веса не набирала, а если мне и случалось поправиться, то быстро худела снова за счет своей подвижности. Лицо мое было продолговатым, с тонкими детскими чертами.

Но примерно в то время, когда отец уехал в Рим, во мне начали происходить перемены. Сначала я перестала прибавлять в росте, а мои руки и ноги пополнели. Щеки округлились, угловатость сменилась плавными линиями, а вместе с тем добавилось силы. Мячи я теперь бросала куда дальше, чем раньше, могла самостоятельно передвигать мебель и делать многое из того, что еще недавно было мне не по силам.

А мое лицо! Нос, как будто по собственной воле, начал удлиняться, а мои маленькие губки превратились в большой рот. Правда, прежний красивый изгиб губ сохранился. Лицо,

что смотрело на меня из полированных серебряных зеркал, уже казалось взрослым. А взрослое лицо может таить взрослые мысли. Предательские мысли?

Эти перемены застали меня врасплох. Раньше я никогда не присматривалась к тому, как меняются черты по мере созревания и взросления. Думая о том, как выглядел тот или иной человек в детстве, я воображала себе его миниатюрную версию. Например, наш неприятный наставник Феодот – как мне казалось – всегда был таким же, только с возрастом усох. Теперь я гадала о том, как изменюсь в итоге, и внимательно наблюдала собственное преобразование. Результат меня тревожил – к нынешней своей внешности я привыкла, а какова будет новая?

Конечно, мне хотелось стать красивой, об этом мечтают все девушки. Ну а если не выйдет, то хотя бы миловидной. А вдруг я окажусь мерзкой уродиной? Какая несправедливость: дожив до двенадцати лет, превратиться из милой девочки в неведомо кого!

Как-то раз я случайно услышала, что один купец говорил о будущем ребенке своей жены. Его спросили, на что он надеется, и я ожидала услышать про здорового или умного малыша. Вместо этого – никогда не забуду! – купец сказал:

– Если родится девочка, я уповаю на то, что она не будет некрасивой.

Я долго задавалась вопросом, родилась ли у него девочка и не оказалась ли она некрасивой.

И вот теперь я (когда никто не мог меня застать за таким занятием) всматривалась в зеркала, пытаясь разглядеть свое будущее лицо.

Мои грудь и талия тоже менялись. Поначалу то был лишь намек, но через год после отъезда отца перемены стали явными. Мне хотелось, чтобы грудь перестала увеличиваться, потому что это был самый очевидный, бросающийся в глаза признак взросления. Я стала надевать плотную нижнюю одежду под широкие платья, чтобы утягивать грудь, когда направлялась на встречу со старшими сестрами-царицами: я хотела сохранить облик невинного ребенка как можно дольше. Но в моих покоях эти пелены приходилось снимать: ходить стянутой неприятно и даже болезненно.

Сложность моего положения заключалась и в том, что рядом со мной не было взрослой женщины, которая могла бы помочь и что-то подсказать. Охранники мужского пола, приставленные ко мне сестрами, для этой цели определенно не годились.

Конечно, в нормальной семье младшая сестра поговорила бы со старшими. Но у нас в первую очередь все были Птолемеями, а женщинами и сестрами – во вторую и третью.

И тут пришло то, на чем кончается детство, – главный признак женственности, означающий способность к вынашиванию детей. У меня это впервые случилось летом, когда мне минуло двенадцать, а отец отсутствовал уже больше года. Я была готова к этому и не подумала, что умираю или болею, как думают порой невежественные девочки. Суть события была мне ясна. Если меня что-то и встревожило, то лишь внезапно обрушившееся понимание: слово «ребенок», общее для мальчиков и для девочек, более ко мне не относится.

Я стала женщиной, и, помимо всего прочего, это означало возможность вступления в брак. То есть теперь меня могут выдать замуж за какого-нибудь чужеземного царя и отослать из Египта. Там пойдут дети, тревоги за них... А ведь я совсем недавно сама была ребенком и не успела по-настоящему почувствовать себя взрослой.

Это пугало меня больше всего: больше, чем незаконное правление моих сестер, больше, чем Рим, даже больше, чем смертоносная вода гавани. Природа сделала меня взрослой, а природу не уговоришь и не разубедишь.

Только Исида, моя добрая хранительница и мудрая наставница, могла меня понять. В первые дни после произошедшей во мне великой перемены я долгие часы проводила в храме у моря, глядя на статую богини.

Исида была воплощением этих тайн, совокупностью женского начала – женственности и материнства. Неудивительно, что женщины преклонялись перед той, в ком воплощалась сама

их суть. Я могла лишь молить ее защитить меня в пугающем путешествии в страну взрослой жизни.

Глава 6

Отчасти, чтобы отогнать эти мысли, отчасти бунтуя против той роли, что мне (без моего согласия!) уготовила природа, я решила создать группу единомышленников – «общество Имхотепа», названное в честь легендарного врача и зодчего Древнего Египта. Членам общества предстояло заняться изучением египетского языка и старой письменности, а значит, у них должно быть главное: желание проникнуться духом давно ушедших предков и прислушаться к тому, что они шепчут нам из бездны былого.

На первых порах в общество захотели вступить многие мальчики и девочки, как соученики Мардиана, так и дети дворцовых служителей разного ранга. Возможно, поначалу их привлекло то, что во главе общества стояла царевна, но, поскольку мы работали весьма и весьма усердно, со временем они отсеялись. Остались лишь те, кого искренне интересовало наше дело. Мы хотели научиться читать письма на древних монументах.

Впрочем, соблазняло и то, что само существование общества следовало держать в тайне. Почему? Наверное, потому что дети – а я твердо вознамерилась не отказываться от собственного детства без борьбы – любят секреты, позволяющие им ощущать собственную значимость и смелость. Мы гордились тем, что сумели создать в переполненном соглядатаями дворце тайное общество, неведомое посторонним. И конечно же, предпочитали не думать о том, что наш секрет никто не раскрыл лишь по той причине, что другие тоже считали нас детьми, и наши дела не заслуживали их внимания. Даже мои сестры, подозрительные по натуре, привыкли относиться ко мне как к малолетней дурочке и ослабили бдительность.

И в течение последующих двух лет, пока мой отец оставался в изгнании, мы тайком рыскали вокруг Александрии, выискивали древние памятники, изучали старинные рукописи в нашей библиотеке и порой декламировали друг другу древнеегипетские стихи. Еще мы – чрезвычайно смело, как нам казалось, – заходили в еврейский квартал и рассматривали их синагогу, самую большую в мире. (Действительно ли все «самое большое в мире» находилось в Александрии? Во всяком случае, тогда я была в этом уверена.) Зал синагоги был так велик и вмещал столько народу, что люди в задних рядах не могли ни видеть, ни слышать происходящего впереди, и о ходе церемонии им давали знать с помощью сигналов специальные служители, находившиеся в середине зала.

В Александрии проживало весьма внушительное количество евреев. Поговаривали, что иудеев здесь больше, чем в Иерусалиме. Это всегда озадачивало меня: ведь великий вождь Моисей, согласно еврейскому преданию, вывел их предков из Египта, где они терпели муки и пребывали в рабстве. Исход из Египта иудеи праздновали как избавление. Почему же они вернулись сюда, да еще в таком множестве? В греческом переводе священной иудейской книги – выполненном здесь, в Александрии – говорится, что бог евреев запретил им возвращаться обратно в Египет. Почему они ослушались?

Мы побывали на рыбалке в папирусовых болотах Мареотиса – огромного озера, расстилавшегося за городом со стороны, противоположной морю, и протянувшегося на много миль к западу. В другой раз мы получили разрешение посетить одно из мелких заведений бальзамировщиков, которые как мухи облепили снаружи западные стены города неподалеку от гробниц. Хотя египтяне уже не возводили столь величественных и искусных усыпальниц, как в прежние времена, состоятельные люди по-прежнему предпочитали, чтобы их тела бальзамировали. Греков традиционно кремировали, но погребальные – как и многие другие – обычаи разных народов у нас в Александрии перемешались, и многие чистокровные эллины выражали желание после смерти попасть на бальзамировочный стол Анубиса. В мастерских бальзамировщи-

ков царило деловое оживление, и в тот день, когда мы отправились туда на экскурсию, внимания бойкого и добродушного владельца заведения дожидались три тела, отправившиеся на запад, в страну смерти.

– Если работать по правилам, как положено, на все уйдет семьдесят дней, – пояснил нам хозяин. – Сорок дней – на высушивание в соли, потом наложение пелен. Правда, теперь у нас в большинстве случаев все делается ускоренно. Нынче ведь люди спешат, торопятся неведомо куда. Особенно греки. Город задает такой темп жизни, что это сказывается и после смерти, когда спешить вроде бы и некуда.

Он показал нам несколько разновидностей гробов, многие из которых были покрыты иероглифами. Я преисполнилась гордости, когда поняла, что могу прочесть большую часть надписей.

О, мы еще много чем занимались: например, собирали славившиеся на весь мир александрийские мази и благовония. Такие, как желе на основе толченых листьев тополя, или ароматный состав из Мендеса под названием «египтянин», представлявший собой смесь бананового масла, мирры, камеди и кассия, или «метофин» из масла горького миндаля, кардамона, сладкого тростника из Генисарета и гальбана. Популярная мастика получалась при соединении лилейного масла с другими маслами и жирами. Мы изготавливали собственные составы, добавляя в жир истолченные розовые лепестки и несколько капель росы лотоса, но результат нас не устроил. Египетские благовония не имеют себе равных, но ингредиенты и пропорции каждого из них держатся в строжайшей тайне. Наблюдать за процессом приготовления нам не позволили ни в одной лавке.

Все эти действия подводили нас к самому главному, давно задуманному предприятию – посещению пирамид. Они находились недалеко от Мемфиса, где заканчивалась Дельта, и все рукава Нила соединялись воедино. Дорога туда из Александрии была долгая – несколько сотен римских миль вдоль одного из притоков Нила. Нам, конечно, следовало попросить разрешения отправиться в путь или, по крайней мере, кого-то уведомить. Однако ребяческое желание самостоятельности и стремление к приключениям таковы, что дети скорее умрут, чем признают свою слабость и попросят помощи и защиты у взрослых. Мысль о возможности в кои-то веки улизнуть от всех приводила меня в восторг.

Конечно, все равно было необходимо подготовить себе алиби. Дядя Мардиана – Небамун, дворцовый служитель невысокого ранга – неохотно согласился взять нас, но только потому, что хотел сам навестить родственников в Мемфисе.

Своему дворецкому (на самом деле он охранял меня) я сообщила, что собираюсь посмотреть на начавшийся разлив Нила, чей западный рукав находился милях в пятнадцати от города. Мой служитель счел это безопасным и не возражал. Остальные пятеро заговорщиков сообщили взрослым то же самое, и их также отпустили.

На рассвете мы отправились в дорогу. Три царские колесницы по широкой улице Сомы доставили нас к причалам озера Мареотис. Там уже царило оживление: рыбаки вернулись с раннего лова и разгружали добычу, а за ними дожидались своей очереди лодки, доставлявшие товары со всего Египта. Вино из виноградников Мареотиса и Дельты, финики, папирус, драгоценные сорта древесины, пряности из земель Пунт и Сомали, порфир из восточной пустыни, обелиски из Асуана – все это привозили к озерным причалам Александрии.

Чтобы доставить нас в Мемфис, Небамун нанял суденышко – небольшое, но достаточно вместительное. Там имелось место для сна, ведь путь занимал несколько дней. Ветер в ту пору главенствовал северный, он дул против течения, что было нам на руку.

Мы направили паруса на восток как раз на восходе солнца. Лик Ра, достославного светила, поднимался из окаймлявшей водную гладь зеленой щетины папируса и тростника. Ранний ветерок, поигрывая на воде, наполнил наш парус, и мы отплыли навстречу Ра.

До дальней стороны озера, где каналы соединяются с Нилом, мы добрались уже ближе к вечеру. Лодочник бросил взгляд на небо и сказал, что нам следует бросить якорь, укрывшись на ночь среди камышей и огромных листьев кувшинок. Мы, разумеется, отнеслись к этому с горячим одобрением. Проснувшись посреди ночи, я услышала плеск воды, мягко ударявшей о борта лодки, шуршание стеблей папируса и крик ночной цапли где-то в зарослях. Во дворце на золоченой кровати мне никогда не спалось так хорошо.

На рассвете с болота поднялись туманы, как будто ночные духи рассеялись, убоявшись явления лика Ра. В скором времени мы уже плыли по Нилу, точнее, по его так называемому Канопскому рукаву.

В школе на уроках географии нас заставляли учить названия всех семи рукавов Дельты, и каждый образованный египтянин знал, что Канопский, Больбитинский, Себеннитский, Фатнитский, Мендесийский, Танитский и Пелузийский рукава отходят от основного русла Нила, как семь лепестков от черенка лотоса.

Канопский рукав неширокий. С обеих сторон его окружают виноградники и финиковые пальмы. Влажное плодородие прилежащих земель бросается в глаза благодаря исключительно сочной зелени, с живым цветом которой не сравнится ни малахиту в дворцовых залах, ни изумрудам в браслетах знати. Зеленый цвет – самый любимый в Египте, ибо это цвет жизни, цвет плодоносящей земли, с таким трудом отвоеванной у пустыни.

Река приняла зеленоватый оттенок. Как мне говорили, он называется «нильской зеленью», потому что нигде в мире не найдешь другого цвета, чтобы точно ему соответствовал.

– Но когда Нил поднимается, цвет меняется, – сказал Небамун. – Хапи, бог Нила, наполняет его дарующим жизнь бурым веществом, что приносит река с далекого юга, от своего истока. Когда вода разливается по нашим полям, жизнетворный ил смешивается с нашей почвой и обновляет ее силой своей магии. Вскоре подъем начнется снова. Это всегда происходит после восхода Сириуса на небосклоне.

Я улыбнулась. Неужели он действительно верит в Хапи, жирное божество Нила, и в его кувшины, питающие реку? Я знала, что один из моих предков, Птолемей Третий, пытался обнаружить исток Нила, ибо греки стремятся найти всему научное, а не божественное объяснение. Точнее сказать, они в первую очередь прибегают к науке, а когда она не дает ответа, вспоминают о богах. Однако предпринятые поиски результата не дали. Возможно, там и вправду Хапи.

Я откинулась назад и опустила руку в воду; пока мы плавно двигались, казалось, что лодка катится по бескрайним зеленеющим полям, по огромной равнине – такой изобильной и щедрой, что она казалась обителью блаженных. Плодородие достигалось за счет тысяч оросительных каналов, распространявших нильскую воду, и неустанного труда ослов – животные вращали колеса, обеспечивавшие подъем воды. Повсюду виднелись скопления домов из глинобитных кирпичей, поля были полны людей. Все это разительно отличалось от Александрии с ее голубым морем и белым мрамором; основными здешними цветами были зеленый и бурый. Другое важное отличие – все люди казались похожими друг на друга: одинаково одетые, с одним и тем же цветом кожи и волос. Не то что у нас в столице, где проживает великое множество народов и каждая улица напоминает базар.

Зато на реке пестрели самые разнообразные лодки: юркие тростниковые скорлупки с загнутыми носами, широкие грузовые баржи, перевозящие зерно и строительный камень, рыбацьи суденышки с маленькими парусами и прогулочные лодки с тростниковыми навесами от солнца. Царило такое оживление, будто мы прибыли на праздник.

Неожиданно Небамун указал на вытоптаный прибрежный виноградник, откуда к реке вела дорожка вроде бычьей тропы.

– Гляньте-ка! Это гиппопотам!

– Откуда ты знаешь? – спросил Мардиан.

– Ох, племянник, ты стал настоящим дворцовым жителем. А если б ты провел детство возле Нила, как я, то сразу же распознал бы следы этого зверюги. Смотри: вон там он вылез из воды и двинулся к винограднику, эта тропа осталась после него. Потом он повернул в сторону. Должно быть, его прогнали, и он вернулся в воду далеко впереди, выше по течению. Нам надо быть настороже: зверь может дожидаться нас впереди. Терпеть не могу гиппопотамов! Из-за них путешествовать по реке опасно.

– Разве крокодилы не опаснее? – уточнил Олимпий.

Небамун посмотрел на него так, словно изумлялся невежеству горожан, а потом указал на прибрежные тростники, где можно было разглядеть нечто вроде нескольких буро-зеленых бревен. Я напрягла зрение и заметила чуть выступавшие над водой выпуклые глаза.

– Видите, где они залегли. Спины греют на солнышке. Спору нет, для пловцов крокодилы опасны, как и для тех, кто неосторожно подходит к самой воде. Но не для лодок. Другое дело – проклятые гиппопотамы! Они лежат, почти скрытые водой, а потом внезапно выныривают под днищем и опрокидывают судно! А если проголодаются, то отправляются разорять поля: они ведь едят все, что может вырастить человек. Крокодил способен проглотить пловца, но он не будет вторгаться на вашу территорию, крушить ваши лодки и вытаптывать ваш урожай. Нет уж, по мне крокодил куда безобиднее.

– Если гиппопотам такой гадкий, почему египтяне сделали его самку богиней деторождения? – спросил Олимпий с обычной пытливостью юного ученого.

– Да, Таурт, – пробормотал Небамун. – Должен признаться, на этот вопрос мне трудно ответить. Лично мне трудно воспринимать гиппопотам, даже его беременную самку, в качестве символа материнства.

– А крокодилы? – не отставал Олимпий. – Ведь есть и бог-крокодил.

– Я слышал о храме крокодилов, где их почитают, – подхватил Мардиан. – Может, расскажешь?

Небамун призадумался.

– Это близ Мемфиса, в оазисе Моэрис, – сказал он наконец. – Самому мне там бывать не доводилось, но люди рассказывают, будто паломники приносят там жертвы у озера со священными крокодилами. Некоторые из крокодилов имеют на шеях золотые обручи, усыпанные драгоценностями, и браслеты на передних лапах.

Мы представили себе это зрелище и покатались со смеху.

– Собек – так зовут бога, воплощенного в священном крокодиле. А место, где находятся храмы этих священных животных, называется, если перевести на понятный вам язык, Крокодилополис!

Теперь мы визжали от смеха. Вы только вообразите себе крокодила, увешанного золотыми безделушками в драгоценных камнях, с браслетами на когтистых лапах и коварным взглядом из-под сверкающей диадемы. Достойного жителя великого города Крокодилополиса.

– Ты просто нас дразнишь, – пробормотала я сквозь смех. – Не может такого быть, чтобы город назывался Крокодилополис.

– Клянусь Амоном, я говорю правду! – воскликнул Небамун.

– Тогда ты должен пообещать, что повезешь нас туда! – заявил Мардиан. – Докажи нам, что не шутишь!

– Мы не успеем...

– Ты только что сказал, что это рядом с Мемфисом!

– Смотри что понимать под словом «рядом». Сначала нужно доплыть по одному из малых рукавов Нила до оазиса Моэрис, потом добраться до дальнего края оазиса. Дорога займет столько же времени, что и возвращение в Александрию, а мы не можем отсутствовать так долго. Меня хватятся, да и вас тоже.

– А если все же у нас будет время? – не унимался Олимпий.

– Не будет, – отрезал Небамун. – К тому же, увидев пирамиды и Сфинкса, вы забудете про Крокодилополис.

Услышав это название, мы снова расхохотались.

В тот вечер мы сделали остановку у берега близ водяного колеса и утоптанной тропы, спускавшейся к воде. Крокодилов здесь можно было не опасаться – они не любят места активной человеческой деятельности. Тот гиппопотам, которого остерегался Небамун, не появился.

На закате мы перебрались через борт лодки, чтобы поплавать; я уже научилась довольно хорошо держаться на воде. Вода медленно текла мимо нас к морю, мы спускали на волны маленькие тростниковые лодочки, а потом сами старались перегнать их вплавь. Поскольку обгоняли мы их по течению, это было легко, но возвращение назад, против течения, отняло все силы. Мы устроили игру в прятки в камышах и разыграли сражение между Гором и злобным Сетом в папирусном болоте, переполошив в ходе «боя» большое количество уток и зимородков. Перепуганные птицы на лету обмахивали нас крыльями, словно огромными веерами.

Перед рассветом мы возобновили плавание и к вечеру добрались до того места, где все рукава Нила сходились и река соединялась в одно общее русло. Закатное солнце-Ра в ипостаси дряхлого старика Атума, увядающего на западе, плескалось на широкой груди реки в своем волшебном золоте; когда мы плыли там, я ощущала божественный трепет.

– Здесь мы переночуем, а завтра вы увидите пирамиды! – сказал Небамун.

– Надеюсь, они меня не разочаруют, – промолвил Олимпий, вторя нашим мыслям.

Невыносимо думать, что пирамиды могут не оправдать наших ожиданий. Тогда надежда умрет во мне, и я никогда больше не отважусь предпринять долгое путешествие в неведомое.

– Ох уж эти греки, – сказал Небамун. – Вечно сомневаются и заранее ждут, что увидят не то, чего ожидают.

– Да, это наше проклятие и наша слава, – согласился Олимпий.

– А римляне воспринимают вещи такими, как они есть, и придумывают способы их использовать, – сказала я то, что думала.

– Ты хочешь сказать, разрушить, – молвил Мардиан.

– Вряд ли они всегда настроены на разрушение, – заметила я. – Думаю, их действия не подчинены какому-то зловредному плану.

– Да, они просто каждый раз принимают новое решение: уничтожить, разрушить, стереть с лица земли. Тут нет места неопределенности. Посмотри, что они сделали с Карфагеном – сровняли его с землей, распахали почву и засыпали солью.

– Грецию они не разрушили.

– Они разрушили ее дух.

Я рассмеялась.

– Как будто что-то может разрушить греческий дух! Непохоже, чтобы ты потерял его!

– Ну разумеется, греческий дух не исчез полностью: что-то распространилось по миру, что-то переняли сами римляне. Однако по большей части все, что было по-настоящему греческим, погибло. А если и сохранилось, то только в Александрии, где теперь греческого духа больше, чем в самих Афинах.

– Все преходяще, – заметил Небамун. – Кроме пирамид.

Большую часть ночи я не смыкала глаз от волнения, но проснулась все равно очень рано, задолго до того, как лодка возобновила движение. Как же иначе – ведь меня ожидала первая встреча с величайшими чудесами Древнего Египта. Наша страна славилась колоссальными монументами и изваяниями, наводившими на мысль о том, что здесь проживают исполины с невероятной мощью и мудрецы, обладающие непостижимым тайным знанием.

Хотя, если уж на то пошло, какими секретами мы могли похвастаться на самом деле и какой от них прок перед лицом могущества Рима? Возможно, египтяне и по сию пору сохра-

нили знания, позволившие когда-то возвести пирамиды, но разве это защитит нас против римских легионов, римских осадных машин, римских катапульти?

Только мощь богов способна им противостоять. Я понимала это даже тогда. О Исида, Амон и Осирис!.. Но ведь у них есть Юпитер и Геркулес...

Свежим и прозрачным, солнечным, но не жарким утром мы плыли вверх по Нилу, глядя на западный берег и с нетерпением ожидая, когда же появятся пирамиды. Бескрайняя зелень полей Дельты сменилась более узкими полосами растительности по обе стороны реки, сразу за которыми, будто кто-то провел четкую границу, начиналась пустыня. Золотистый песок лежал ровно и бесстрастно, словно лик бога, уходящий в вечность за пределы зрения.

Солнце поднялось выше, воздух на горизонте подернулся мерцающей дымкой, а потом, еще очень далеко от нас, вершины пирамид поймали солнечный свет и вспыхнули.

– Смотрите! – закричал Мардиан. – Смотрите! Смотрите!

Они казались сверхъестественно огромными, когда мы видели их издалека. По мере приближения, пока мы скользили вверх по течению, они словно немного съежились и превратились в очень большие сооружения вроде нашего маяка. Ну а после высадки на берег, когда мы смотрели на них через заполненное ослами и тележками пространство, они уже выглядели почти обычными.

Чтобы одолеть примерно три мили, отделявшие нас от пирамид, мы наняли повозку с осликом, ибо солнце поднималось все выше, вокруг никакой тени, а песок раскалился так, что обжигал ступни. Мы плыли по безбрежному золотистому песчаному морю, и наша цель походила на огромные кучи того же песка, если бы не четкие грани строений. Ветра не было, лишь неподвижность и жара.

Теперь пирамиды росли, заполняя собой небо. Когда мы остановились у подножия одной из них и подняли глаза, нам почудилось, что ее вершина и вправду касается солнца. Теперь я знаю: пирамида походила на гору, но до того случая мне не доводилось видеть гор, и зрелище меня потрясло. Мне, привычной к горизонтали – морской глади, прямым широким улицам Александрии, ровным полям вдоль реки, – трудно было постичь этот порыв вверх.

Полированные камни поблескивали, отражая солнце, как янтарное зеркало – твердое, огромное, непроницаемое. Не было никаких орнаментов, рельефов, выступов, карнизов, окон – лишь гладкий каменный склон, уходящий в небо. Я почувствовала, что у меня закружилась голова, и не диво: от песка тянуло жаром, яростный свет слепил глаза. Неожиданно у меня возникло чувство, что оставаться там опасно. Пирамида хотела причинить нам вред, сразить нас.

– Тень! – воскликнула я. – Есть где-нибудь тень?

Солнце стояло прямо над головой, и гигантские сооружения не отбрасывали тени.

Небамун достал припасенные зонты.

– Я могу предложить только это, – сказал он.

Я поблагодарила его за предусмотрительность и заботу.

– Однако, – добавил Небамун, – мы найдем тень под подбородком Сфинкса. Можем подождать там.

Он сел верхом на ослика и направился к Сфинксу, чьи глаза озирали окрестные пески. Казалось, каменное чудовище должно внушить нам тот же, если не больший трепет, но по сравнению с пирамидами Сфинкс показался почти дружелюбным. Он предложил нам тень, к тому же он похож на человека и не заключает в себе ничего мертвого и враждебного.

Мы расстелили наши одеяла на песке между лапами огромного существа, держа зонтики над головой и почти не разговаривая, словно великая тишина этого места отменяла досужие разговоры. Рядом поднималась насыпь, и мы поняли, что некогда по ней волокли к строящейся пирамиде каменные блоки – много веков назад.

В тени Сфинкса мы наблюдали за тем, как проходит день. Порой ярко-голубое небо пересекала черная точка – пролетал стервятник. Порой песок шевелился – маленькая змейка зарывалась поглубже, чтобы укрыться от жары. Но в целом все оставалось недвижимо: это место пребывало в хватке смерти.

Интересно, задумалась я, кто лежит внутри этих пирамид и что захоронено вместе с ними? Должно быть, драгоценности, домашняя утварь, книги и инструменты. Где-то там, в крошечной темноте и полной изоляции, в сердце пирамиды изображены звезды и Нут, богиня неба – словно для того, чтобы обмануть мертвых фараонов, заставить их поверить в то, что они не заточены навеки в затхлых погребальных камерах, а покоятся под безбрежным ночным небом.

Постепенно пирамиды меняли окраску. В полдень они были почти белыми, потом цвет смягчился до желтоватого, а когда солнце опустилось ниже, они приняли его теплое свечение с розоватым оттенком. Маленькие зверьки – ящерики, змейки, мышки – начали шевелиться и покидать свои укромные убежища. Мы также появились из-под лап Сфинкса и обошли вокруг пирамиды. Теперь большие длинные тени протянулись на одну сторону, и косой свет позволял разглядеть на склонах все неровности и шероховатости. То здесь, то там камни крошились, время вгрызалось в их плоть. Они простояли тысячелетия и простоят еще столько же; но даже они, причастные к вечности больше, чем какое-либо другое творение людей, все же не защищены от безжалостной враждебности времени.

Заходящее солнце высвечивало валуны и рябь лежащих вокруг песков, показывая, что пирамиды высятся не в пустоте, но в богатом обрамлении, которое становится видимым лишь при определенном освещении.

Небо было розовым и пурпурным, цвета смешивались, поднимаясь вверх от ярко-красной точки на горизонте. Вдруг, откуда ни возмись, задул ветерок – теплый, как растопленная мазь, тихий, как давняя смерть.

– Идем, – сказал Небамун. – Пора уходить. Темнеет очень быстро, и нам не следует оставаться здесь после того, как истает свет.

С этими словами он, проявив немалую прыть, запрыгнул на осла.

Каковы пирамиды ночью? Тьма на фоне тьмы?

Я хотела остаться. Но я была мала, и приходилось слушаться взрослых.

Глава 7

Ничто не повторяется дважды. Я ожидала, что путь обратно будет походить на дорогу туда, и на определенном отрезке так оно и было: те же самые речные берега, каналы, заросли финиковых пальм. Но когда мы добрались до Александрии и увидели белые городские башни, мерцающие на солнце, в глаза нам бросилось необычное многолюдство и суета.

– Какие новости? – крикнул Небамун, когда мы приблизились к причалу.

– Клеопатра умерла!

Я знала, что это не обо мне, но услышать вот так внезапно о смерти человека с твоим именем было страшновато.

– Отравлена! – заявил другой человек с пристани. – Я уверен в этом!

– Где Береника? – спросил Небамун.

– Во дворце. А где еще ей быть?

– Она не сбежала, если ты об этом, – добавил его товарищ. – Но возможно, только пока.

Одна царевна уже сбежала – младшая Клеопатра. Ее повсюду ищут. Римляне приближаются.

– Римляне? Какие римляне? – воскликнула я.

– Римские римляне из Рима, – саркастически ответил горожанин. – Разве есть другие?

– Тут ты не совсем прав, – возразил его товарищ. – Эти как раз тащатся из Сирии – три легиона, посланные, чтобы вернуть на престол Птолемея. Надо же, он их все-таки купил.

– А пророчество? Как же пророчество? – спросила я, когда мы сошли с лодки на берег. – Считается, что книги Сивиллы запрещают любую вооруженную помощь Египту.

– Деньги открывают любые ворота, – хмыкнул горожанин. – Ты умный ребенок, раз слышала о книгах Сивиллы, но тебе следует знать, что золото одолевает пророчества.

– Идем! – призвал Небамун, поворачивая к улице Сомы.

Он встревожился и понял, что должен вернуть нас во дворец как можно скорее, хотя в сложившейся ситуации там его, скорее всего, подвергнут порке.

– Небамун, не бойся, – сказала я. – Это моя затея, я и возьму на себя вину. И приму наказание.

В том, что сестрица с удовольствием накажет меня, сомневаться не приходилось, но удастся ли Небамуну избежать порки – сказать было сложно.

Неужели она действительно отравила Клеопатру? Не уничтожит ли она заодно и нас с Арсиной?

Я почувствовала, что слабею от страха.

Вернувшись во дворец, я не стала ожидать, когда сестра пошлет за мной, и направилась прямо в ее покои. Комнаты были наполнены профессиональными плакальщицами: они рыдали, били себя в грудь и оглушительно завывали. Я попросила разрешения пройти прямо к царице, где упала на пол в печали и страхе, ожидая ее. Я услышала, как шаги Береники приблизились и остановились.

– О, сестра! – воскликнула я. – Неужели это так? Неужели Клеопатра умерла? А я, наверное, добавила к твоему горю тревогу из-за своего исчезновения. Прости меня!

Поскольку я и правда сильно горевала, притворяться мне не пришлось.

– Вставай, кончай рыдать. Да, наша сестра мертва. Грибы открыли ей дверь в царство Осириса. Нужно быть осторожнее с ними. Я вообще избегаю грибов.

Я глянула на нее, бесстрастную и, судя по всему, ничуть не расстроенную смертью Клеопатры. Я подумала, что это неправильно: ведь смерть касается всех. Потом, приглядевшись, я заметила на лице царицы легкую улыбку; сестра очень старалась сдержать ее.

– Где ты была? – сурово спросила она. – Как ты осмелилась покинуть дворец и отсутствовать несколько дней, не уведомив меня? Впрочем, ты еще дитя. Выкладывай, кто тебя надоумил!

– Я сама все придумала и заставила Небамуна, дядю Мардиана, взять с собой меня и несколько других детей. Это мы его надоумили, а не он нас.

Только бы она мне поверила!

– «Взять тебя» – куда?

– Посмотреть на пирамиды и Сфинкса.

Я ожидала, что она рассердится, но она рассмеялась. И тут я поняла, в чем дело. Сестра опасалась моей причастности к интриге или заговору и успокоилась, поняв, что речь шла всего лишь о детском любопытстве. На меня нахлынула волна облегчения – значит, вредить мне она не станет. Во всяком случае, сегодня.

– Неловко признаться, – промолвила Береника, – но я их никогда не видела.

– О, они похожи на мечту! – сказала я. – Один их вид вселил в меня гордость за то, что я египтянка.

– Ты не египтянка. Ты – гречанка из рода Птолемеев! – напомнила Береника.

– Птолеми здесь триста лет, и фактически мы уже египтяне.

– Что за чушь ты говоришь! Еще одна из твоих дурацких идей! В наших жилах нет ни капли египетской крови. И не имеет значения, сколько времени мы здесь!

– Но...

Я хотела сказать, что мы стали египтянами по духу, если не по крови, но она меня оборвала.

– Если кусок красного гранита пролежит рядом с куском серого гранита тысячу лет, разве он изменится? – воскликнула она.

– Люди – не камни, – упорствовала я.

– Порой они бывают такими же твердыми.

– Но не ты, – сказала я, пытаюсь ей польстить. – В тебе есть доброта и нежность.

На ее лицо вернулась легкая улыбка.

– Надеюсь, их почувствует и мой муж.

– Муж? – Я чуть не поперхнулась.

– Да. Я только что вышла замуж, и тут наша сестра Клеопатра покинула нас. Она превратила дом радости в дом скорби. Но таковы превратности судьбы.

– Кто же... Кто он?

– Царевич Архелай из Понта, – ответила она.

На сей раз на ее лице расцвела настоящая улыбка. Должно быть, ее муж был красив и она любила его.

– Надо же, я отлучилась на несколько дней, а сколько всего произошло! – вырвалось у меня.

– И это далеко не все, – сказала сестра. – Мы готовимся к защите от наемников нашего отца! На римские деньги – взятые займы, конечно! – он нанял римлян, чтобы вторгнуться в Египет и попытаться вернуть трон.

Ее голос дрожал от негодования и гнева.

– Но как же пророчество Сивиллы? – снова спросила я.

– Цицерон нашел способ его обойти! Да, великий римский оратор, что гордится своим благородным происхождением, ничем не отличается от купца, совершающего сделку на базаре. Единственная разница: торгует он словами, а не делами.

– Но как он сумел?

Неужели никто мне не объяснит? Я ведь знала это пророчество, гласившее: «Если царь Египта обратится за помощью, не отказывай ему в дружбе и поддержи его, но не посылай с ним войска, ибо если ты сделаешь это, то столкнешься с опасностями и трудностями». Как можно обойти столь недвусмысленное указание?

– Вроде бы Габиний, римский наместник Сирии, должен послать царя вперед, а свои войска вести сзади. Тогда получается, что он не «посылает войска с ним», а только «поддерживает» его, – фыркнула Береника. – Мы должны быть готовы встретить их.

Отец возвращается! Римляне восстановят его на троне! Меня охватил восторг, который я всеми силами старалась скрыть.

– Я буду неотлучно у себя, – заверила я ее. – Можешь больше не тревожиться обо мне. Я очень сожалею, что своей необдуманной выходкой заставила тебя беспокоиться.

О необходимости наказать Небамуна сестра забыла – римская армия вытеснила из ее головы все обыденные заботы. Это хорошо; а я укроюсь в своих покоях и буду надеяться, что она забудет и обо мне.

Дальнейшее произошло очень быстро. Такова была твоя воля, о Исида: ты пожелала отдать замышлявших зло в руки тех, против кого строились козни. Ты пожелала, чтобы мой отец, Птолемей Двенадцатый Филопатор Неос Дионис, вернулся на свой престол. Ты привела войска Габиния к Пелузию на границе Египта и позволила ему, преодолев сопротивление тамошнего гарнизона, открыть путь на Александрию. Именно ты ввергла сторонников Береники в смятение, повлекшее за собой поражение ее армии и гибель ее молодого супруга, однако

твоим же благоволением командир римской кавалерии выказал милосердие к побежденным египтянам и удостоил Архелая почетного погребения, тем самым снискав расположение жителей Александрии. Звали того римского командира Марк Антоний, и в ту пору ему было двадцать семь лет.

Именно ты привела в движение эти силы, и именно по твоему соизволению в столь короткий срок произошли столь важные события, определившие мое будущее.

Поскольку изменницу Беренику ожидала публичная казнь, я становилась старшей царевной в роду. Следовательно, мне предстояло стать царицей.

Царица. Я буду царицей. Вновь и вновь я повторяла эти слова, но, в отличие от сестер, не намеревалась торопить время. Пусть предназначенное свершится в срок. Они проявили нетерпение, попытались обмануть судьбу, но их потуги лишь расчистили мне путь к трону.

Эта мысль вызвала у меня улыбку.

Я царица. Третий ребенок, девочка. Ну как такое может случиться, если не волей Исиды? Воистину, нити судьбы в ее руках!

Моя радость при виде отца не знала границ. Я обняла его и с удивлением увидела, что теперь наши с ним глаза находятся почти вровень. За три года его отсутствия я сильно изменилась.

– Ты вернулся! Благополучно!

Это казалось невозможным, но это свершилось, как бывает в ответ на молитвы.

Отец смотрел на меня, словно припоминал, кто перед ним.

– Ты выросла, мое милое дитя, – промолвил он наконец. – Ты станешь царицей, какую заслуживает Египет.

– Сейчас мне четырнадцать, – напомнила я ему на тот случай, если он упустил мой возраст из виду. – Я надеюсь, что не стану царицей еще долго – да царствует фараон миллион лет, как говорили древние.

– У тебя прежняя улыбка, – мягко произнес отец. – Я хранил ее в сердце эти годы.

Однако этот добрый и сентиментальный человек заставил нас присутствовать на казни его дочери Береники. Я до сих пор удивляюсь, как в нем соединились столь разные черты.

Я пыталась отговорить его на том основании, что смерть – дело интимное и человек должен иметь возможность умереть не на глазах у зевак. Но отец настоял на своем.

– Кара непременно должна быть публичной, поскольку публичной была измена, – заявил он.

Точно так же отец настоял и на присутствии восстановивших его власть римлян: пусть видят, на что пошли позаимствованные у них деньги.

Перед казармами придворной гвардии поспешно соорудили скамьи, где нам пришлось занять почетные места. Отец представил мне римских военачальников. Авл Габиний был приземистым коренастым мужчиной, с виду сугубым прагматиком и реалистом, каким и должен быть человек, осмелившийся ради денег пренебречь пророчеством. Ну а начальник его кавалерии Марк Антоний. . . Я нашла его привлекательным молодым человеком с искренней улыбкой.

Честно говоря, это все, что я запомнила о нем после той первой встречи.

Беренику вывели и поставили перед казармами со связанными за спиной руками и повязкой на глазах. Потом повязку сняли, чтобы она могла видеть тех, кто обрек ее на смерть.

– Ты признана виновной в измене и узурпации трона в отсутствие законного царя, – произнес нараспев Потин, молодой, но уже ставший королевским министром евнух. – За это ты понесешь наказание и умрешь.

– Можешь ты сказать что-либо в свое оправдание? – спросил царь.

Разумеется, это была лишь формальность. Приговор уже вынесли и вряд ли отменят, что бы мы ни услышали.

– Раб римлян! – вскричала она. – Вон они сидят!

Она кивнула в сторону Габиния, Антония и Рабирия – заимодавца, что финансировал кампанию.

– Уселись крепко, теперь их уже не выгнать из Египта, и все из-за тебя! Так кто же изменник, отец?

– Довольно! – вмешался Потин. – Это твой последний вздох!

Он подал знак солдату, которому предстояло задушить осужденную, и гигант, чьи предплечья были толщиной с ляжки обычного человека, подошел к сестре сзади.

Береника, напрягшись, неподвижно ждала. Она закрыла глаза, солдат обхватил ее горло и резко сжал пальцы. Казалось, сестра очень долго сдерживала дыхание; потом ее тело взбунтовалось, и она стала корчиться, словно пыталась ослабить хватку. Однако что можно сделать, если руки связаны за спиной? Солдат, сжимая шею Береники, оторвал ее ноги от земли и удерживал в таком положении, пока жизнь не покинула сестру и тело не перестало дергаться. Конечности вытянулись, ступни обвисли, одна сандалия со стуком свалилась с ноги. Лицо ее приобрело ужасный темный цвет, и я отвела глаза. Потом послышались тяжелые шаги: поднесли носилки, мертвую погрузили на них и унесли. Одна нога Береники, та, что потеряла сандалию, свисала и волочилась по земле. Но ей уже было все равно.

Отец во время экзекуции не выказывал никаких чувств, хотя лицо его побелело. Сидевший рядом с ним Габиний поморщился, Антоний отвел взгляд. Оба они были солдатами, вид смерти их не смущал, однако они предпочитали гибель на поле брани, а не подобную хладнокровную расправу. С другой стороны от меня сидели мои родичи, для которых в первую очередь и предназначался этот акт. У Арсиной, когда палач выступил вперед, вырвался резкий вздох. Два мальчика – шести и четырех лет – вертелись, не находя себе места. Даже они понимали, что это не игра, что Береника уже не спрыгнет с носилок. В тот день мы многое поняли и увидели по-новому.

Я наблюдала за устрашающей церемонией и вдруг уразумела, что Береника, сама того не желая, оставила мне наследство – осознание того, что женщина (конечно, сильная женщина) может править и одна. Предыдущие царицы из рода Птолемеев приходили к власти через свои браки, но Береника доказала: женщина может взять власть и только потом выбрать себе мужа. Или обойтись без него, если ей так угодно. Кроме того, в моем сознании укоренилась прямая связь между римскими войсками и деньгами, обещанными отцом. Их войска и наши деньги – грозное сочетание.

И наконец до меня дошло: при всей ненависти египтян к римлянам каждый из них по отдельности не обязательно является демоном. Некоторые вполне привлекательны и обладают хорошими манерами, как, скажем, Габиний или этот Антоний. Расхожее мнение, будто все римляне – сущие варвары (я поверила в это после пира в честь Помпея), не соответствовало действительности.

Приглядевшись повнимательнее, я заметила и кое-что еще: римляне вовсе не единодушны, в том числе и в своем отношении к помощи отцу. Одни считали это решение правильным, другие отвергали его; для одних истина состояла в следовании пророчеству, для других – в получении практической выгоды. Иными словами, Рим не представлял собой монолит, а раз среди римлян есть противоречия, значит есть и возможность на этом сыграть.

Разумеется, в то время подобные мысли еще не обрели окончательную форму, однако сам факт наличия разногласий среди римлян позволял надеяться, что мы не совсем беспомощны. В броне нашего противника имеется брешь; значит, он тоже уязвим – если не для стали, то

для золота. Отец, например, сумел убедить римлян действовать в своих интересах с помощью денег. Деньги – вот что необходимо в первую очередь.

Отец ясно дал понять, что привечать римлян в Александрии будет недолго. Весьма скоро им предстоит удалиться, но прежде должен состояться праздник Диониса в ознаменование возвращения к власти законного царя. Отец видел в себе наследника таинственного бога вина, радости и драмы; соответственно этому он выстраивал свою жизнь. В великих празднествах Бахуса (так называли Диониса римляне) он искал высвобождения, экстаза и сопричастности высшему: всего того, чего он не мог обрести в Александрии в обычной жизни, при всем великолепии нашего Города городов.

Готовясь к предстоящей официальной процессии, я остро ощущала, что стану объектом пристального любопытства. Прежде я была никому не интересной третьей царевной – и вдруг сделалась наследницей. Разумеется, на меня будут устремлены оценивающие взгляды. Я прошла через великие муки, выбирая себе наряд и прическу. Когда хлопоты закончились, я почувствовала, что сейчас загляну в зеркало и получу ответ на свой давний вопрос. Я красива? Я просто мила? Или я особенная? Открыла ли для меня Персефона сосуд своего очарования?

После долгого размышления я решила распустить волосы по плечам. В юные годы я могла позволить себе причесываться, как девочка, а поскольку волосы у меня уж точно хороши – черные, густые, блестящие, чуть вьющиеся, – то я не считала нужным прятать их от людей раньше времени. Ну и конечно, естественным выбором стало платье из тонкого белого полотна – ничто не сочетается с черными волосами удачнее, чем белый наряд. Для моей стройной фигуры подошел бы стиль Древнего Египта, но для нынешнего события более подходил эллинский покрой с его струящимися, летящими складками.

По крайней мере, мне больше нет нужды скрывать грудь. Со смертью Береники необходимость в том отпала, и я могла позволить своему телу говорить за себя. Что касается груди, то даже на самый строгий взгляд в ней не было ни малейшего изъяна.

Закончив наряжаться, я представила в зеркале рядом со своим отражением облик Арсинои, обладавшей красотой в общепринятом представлении – той самой, о какой мечталось и мне.

Я подвинула зеркало, чтобы образ сестры исчез, и стала всматриваться в собственное отражение, пытаясь представить себя со стороны. И не испытала разочарования.

«Если бы я увидела эту девушку, – подумалось мне, – то непременно захотела бы познакомиться с ней».

Я пожалала плечами, положила зеркало и принялась выбирать украшения. Может быть, это лучший вердикт, на который кто-либо мог надеяться: «Если бы я увидела эту девушку, то непременно захотела бы познакомиться с ней».

Теперь, когда мы в пышной церемониальной процессии двигались по широким улицам Александрии, я наблюдала за столпившимся по обе стороны народом. Шествие началось у дворца, проделало путь мимо усыпальницы Александра, мимо длинной колоннады Гимнасиона, мимо библиотеки, храма Сераписа, искусственного холма, где разбит парк Пана, мимо театра – мимо всех достопримечательностей нашего великого города. Огромная возбужденная толпа приветствовала нас радостными восклицаниями. Чтобы увидеть процессию, люди залезали на крыши, взбирались на колонны, оседлывали статуи. Мы двигались вслед за Дионисом и его винными мехами, и поджидавшие нас горожане уже были веселы и доброжелательны. Те самые люди, прежде готовые разорвать отца в клочья за то, что он не выдал им на расправу римского солдата, убившего священную кошку, теперь во всю мощь своих глоток выражали преданность и любовь к царю. Интересно, кому достанется их любовь завтра?

Далеко позади нас, обозначая конец процессии, шел человек, наряженный Геспером – вечерней звездой.

Наконец мы достигли места назначения – Стадиона, преобразованного в павильон, где и должны были происходить празднества. Над его открытым полем укрепили крышу, сплетенную из перевитых плющом и виноградными лозами жердей; ее поддерживали колонны в форме священного жезла Диониса. Яркий солнечный свет пробивался сквозь зеленые листья, когда мы вошли в пещеру бога, дабы слиться с ним в хмельном экстазе.

Вернее сказать, туда вошел мой отец. Как ярый почитатель Диониса, он ревностно искал единения с богом через вино. Пока все мы лишь пробовали на вкус новый сбор с виноградников Канопского рукава Нила, лучших в Египте, отец залпом осушил чашу. Потом, когда начались танцы – ибо актеры и музыканты вдохновлены Дионисом и их действие приравнивается к богослужению, – он словно бы вошел в транс: водрузил на голову священный венец из плюща, достал свою флейту и начал играть.

– Танцуйте! Танцуйте! – приказал он всем вокруг себя.

Египтяне повиновались, но римляне воззрились на него в недоумении.

– Я приказал: танцуйте! – потребовал царь и махнул своей флейтой в сторону одного из римских военных.

– Эй, ты! Деметрий! Танцуй!

Деметрий посмотрел так, будто ему приказали прыгнуть в малярийное болото.

– Я не танцую, – отрезал он, отвернулся и зашагал прочь.

– Вернись!

Царь попытался схватить складку его туники, но поскользнулся, и венок из плюща сполз ему на глаза.

– Ой!

Солдаты Габиния тихо ржали, а мне стало очень стыдно. Я знала, что во время вакханалий подобное поведение считается нормой, но в ценящем достоинство Рима подобные оргии не в чести: по мнению римлян, это не священнодействие, а постыдный пьяный разгул.

– Вот почему его называют Авлетом – флейтистом, – произнес голос неподалеку.

Он принадлежал Марку Антонию.

– Да. Однако жители Александрии дали ему это имя в знак приязни, – натянуто промолвила я. – Они почитают Диониса и обычаи его чествования.

– Я вижу.

Он обвел жестом вокруг, указывая на толпу.

Мне показалось, что этот римлянин хочет противопоставить свое ханжество жизнелюбью и веселью других присутствующих, но тут я заметила, что он и сам не забывает прикладываться к серебряной чаше.

– По крайней мере, ты не считаешь, что египетское вино осквернит твои губы, – сказала я.

Он протянул опустевший кубок, и слуга тут же его наполнил.

– Вино у вас хорошее, – отозвался он, смакуя напиток. – Я очень люблю вино и стараюсь везде, куда бы ни забросила меня судьба, пробовать новые сорта. Я пил и хианское, и раэтское, и коанское, и роδιанское, и несравненное прамнианское.

Сорта вин он перечислял, как любящий отец имена любимых детей.

– А прамнианское и правда такое вкусное, как о нем рассказывают? – спросила я, чувствуя, что тема для него приятна.

– Правда. Оно сладкое, как мед, его не выдавливают из винограда Лесбоса, а позволяют соку сочиться и вытекать самому.

Он вел беседу непринужденно и открыто, и я вдруг поняла, что этот римлянин мне нравится. И не только обхождением. На свой лад он был красив: крепкая шея, широкое лицо и торс с рельефными мускулами.

– Да, я чту Диониса, – промолвил Марк, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. – А еще люблю актеров. В Риме я предпочитаю их сенаторам.

Он прервал разговор, когда к нам, пошатываясь, подошел изображающий бога отец в сопровождении смеющихся женщин, одетых менадами.

– В Риме танцы на людях считаются позором для свободного человека, поэтому Деметрий и отказался, – пояснил Антоний. – Пожалуйста, скажи об этом царю, когда он перестанет быть богом, а станет самим собой.

Как дипломатично он выразился – не «когда он протрезвеет», а «когда станет самим собой». Этот римлянин, казавшийся таким неримским, пришелся мне по душе.

Но он не задержался в Александрии надолго: не прошло и месяца, как Антоний и Габиний отбыли, оставив три легиона для поддержания порядка. Третий римлянин остался – Рабирий, снискавший себе дурную репутацию мытаря и ростовщика. Он вознамерился сам, лично выкачать из египтян деньги, что задолжал отец, а потому заставил назначить его царским казначеем и начал бесстыдно обирать население. Правда, с жителями Александрии, которые всегда были себе на уме и не отличались раболепием, такой номер не прошел: они прогнали взашей сборщиков новых податей вместе с иноземным казначеем. Отцу повезло, что его в очередной раз не скинули с престола.

В Риме и Габинию, и Рабирию пришлось предстать перед судом сената, Габинию – за пренебрежение велениями священного оракула Сивиллы, а Рабирию – за то, что он официально поступил на службу к иноземному царю. Габиний отправился в изгнание, а ловкий Рабирий выкрутился.

Молодой Марк Антоний, лишившись своего командира, поступил под начало другого полководца – Юлия Цезаря.

Глава 8

Теперь в моей жизни произошла очередная резкая перемена: если еще недавно я мечтала только о том, чтоб подольше оставаться ребенком и не привлекать к себе внимания, то теперь оказалась на виду и появлялась на публике вместе с отцом. Поскольку у него не было жены, мне досталась роль царицы, и надо было выглядеть достойно, чтобы со временем стать ею на самом деле. Мои прежние учителя перешли к младшим детям, а ко мне приставили настоящих ученых из Мусейона и бывших послов, обучавших меня тонкостям дипломатии. Кроме того, я должна была присутствовать на всех заседаниях отцовского совета.

Я даже немного скучала по прежнему своему положению, дававшему куда больше личной свободы; человек никогда не ценит того, что имеет, а утраченное зачастую видит только с лучшей стороны. С «обществом Имхотепа» мне пришлось расстаться, и самые близкие друзья, Мардиан и Олимпий, несколько отделились, как будто не знали, как им теперь со мной держаться. Никогда прежде не чувствовала я себя столь одинокой. Чем выше возносит человека судьба, тем полнее его одиночество.

Однако желала ли я изменить свое положение? Нет.

Обучение искусству управлять страной оказалось делом нелегким, подчас мучительным. Чтобы править не на словах, а на деле, царю необходимо быть в курсе всех событий и ежедневно принимать решения по великому множеству вопросов. Государственные дела весьма тщательно рассматривались и обсуждались на заседаниях совета. Отец возглавлял совет, а я садилась рядом и внимательно слушала.

Распорядиться об очистке каналов... увеличить сбор пошлин... направить зерно в области, пострадавшие от недорода... Да, государю необходимы широчайшие познания во многих

областях, а также мудрость суждений и воля, дабы принимать решения. Царь, не обладающий этими качествами, лишь именуется царем, на деле же всецело зависит от своих советников и чиновников.

При этом выбор советников сам по себе является большим искусством. На высоких постах нужны люди самые одаренные, самые усердные, достойные великой страны. Однако чем более значительной личностью является тот или иной чиновник, тем труднее полагаться на его верность. Познав все слабости и недостатки монарха, он может не справиться с искушением и обратиться против царя.

А если окружить себя лишь преданными глупцами, это чревато бедой иного рода. Правителя поджидает множество ловушек, и любая из них только и ждет, когда владыка сделает опрометчивый шаг.

На протяжении первого года после отцовского возвращения две темы главенствовали на заседаниях царского совета: злокозненный Рабирий и государственный долг. Как оказалось, сверх первоначально оговоренной суммы в шесть тысяч талантов Габиний вытребовал еще десять, и совокупный долг отца перед Римом составил шестнадцать тысяч. Египет буквально шатался под таким бременем. Неудивительно, что со временем недовольство переросло в возмущение.

Правда, в ту пору подобные проблемы решались радикальными способами.

Сначала народ искренне радовался благополучному возвращению царя, но когда римляне предъявили счет за реставрацию, поднялся ропот, грозивший превратиться в бунт.

Отец попытался уговорить Рабирия скостить часть долга. Одни советники предлагали повысить налог на ввозимые товары, чтобы собрать деньги, другие считали необходимым просить о продлении срока выплаты.

Я не могла забыть о том, что страна состоит из отдельных людей, и, следовательно, правитель не должен забывать о частных интересах подданных. Конечно, царю не обойтись без строгости, однако люди становятся более услужливыми в ответ на доброту и милосердие.

– Мне кажется, деньги придется собрать в оговоренный срок, чтобы не платить процентов, – решила я однажды подать голос. – Но может быть, прежде чем объявить о сборе новой подати, следует провозгласить всеобщую амнистию? Простить недоимки и мелкие преступления, явив людям царское великодушие.

Кто-то из советников собрался возразить, но отцу мои слова понравились.

– Что ж, неплохая мысль! – молвил он.

– Такое проявление широты и щедрости произвело бы на народ хорошее впечатление, – продолжала я, развивая идею.

– Да, но во сколько это «впечатление» обойдется казне? – парировал один из казначейских советников.

– Потери будут небольшие, ими можно пренебречь. Мы облегчим сбор нового налога, а что касается старых недоимок – я сомневаюсь, что их удалось бы собрать полностью.

– Я подумаю над этим, – сказал отец.

В итоге он сделал так, как я предложила.

Теперь отец мог чувствовать себя в безопасности: покровительство Рима, подкрепленное легионами Габиния, обеспечивало надежность его власти. В свои пятьдесят он мог наконец насладиться покоем и не отказывать себе в радостях жизни. Он по-прежнему поклонялся Дионису, не забывал о флейте, задавал ночные пиры с чтением стихов, а как-то раз пригласил весь двор поохотиться в западной пустыне, вознамерившись превзойти как древних фараонов, так и своих предков, первых Птолемеев.

Фараонов так часто изображали на львиной охоте, что отец вбил себе в голову, будто и он обязан добыть хищника. На стенах храмов уже красовалось множество фресок, на которых он

сокрушал своих врагов, но это его не останавливало. Возможно, охотничьи подвиги древних царей имели примерно то же отношение к действительности, что и «победы» отца; но он в конце концов уверовал, будто все происходило на самом деле. Дабы царь смог добыть льва, в путь выступило целое войско: две сотни ловчих, псарей, загонщиков, поваров (пока льва найдут, царю с гостями и свитой негоже оставаться голодными). Фараонов принято изображать летящими на колесницах, но мы ехали на верблюдах, поскольку для пустыни эти животные подходят лучше. Львов загоняли все дальше в пустыню, и нам предстояло искать их там.

Некоторое время мы двигались вдоль морского побережья, но вскоре свернули и направились вглубь суши вдоль хребта, где, по заверению охотников, и прятались звери.

Я покачивалась на спине верблюда, наслаждаясь движением. От палящих лучей мою голову защищал изысканный головной убор. Львы меня не заботили: мне было все равно, найдем мы их или нет, а вот возможность полюбоваться диким безлюдным краем волновала и радовала. Вокруг расстилалась равнина, окрашенная всеми оттенками золотистого и бурого цветов. Время от времени нас еще настигал свежий ветер, налетавший со стороны моря, он шелестел песком, то вздыхая, то завывая. Ночью мы спали в роскошных узорных шатрах, на кроватях под пологам из тончайшего шелка, укрывавшими от песка и насекомых. На маленьких столиках, инкрустированных слоновой костью, мерцали светильники, а в ногах на циновках ночевали слуги. Великолепнейший царский шатер был достаточно велик для того, чтобы отец мог собирать там всех детей после вечерней трапезы.

Снаружи доносился свист ветра, а мы возлежали на подушках у ног царя. Мы играли в шашки или кости, Арсиноя порой брала в руки лиру – у нее были незаурядные способности к музыке. Вспоминая эти мгновения, я будто снова чувствую легкий и сухой воздух пустыни. Четыре маленьких Птолемея рядом, каждый из них амбициозен, каждый исполнен твердой решимости прийти к власти, когда нынешний благодушный царь отойдет в мир иной. Царь, что клюет носом над своей чашей.

Я внимательно наблюдала за Арсиноей. Мне исполнилось шестнадцать, а ей тринадцать, и с каждым годом она становилась все красивее. Ее алебастровая кожа светилась, как жемчуг, черты лица почти идеальны, глаза вобрали в себя цвет александрийского моря. Правда, характер у нее довольно вздорный, капризный, но красавицам прощается и не такое.

Старшему из моих братьев, в будущем предназначавшемуся мне в мужья, было около восьми лет. Что можно сказать об этом мальчишке? Глядя на его темноволосую голову, склонившуюся над игральными костями, я думала, что и рада бы полюбить его, да он отличается скверным нравом, нечестен и эгоистичен – из тех, кто мошенничает в игре и изворачивается, когда его ловят за руку. Не исключено, что и сейчас он использовал подложные кости. К тому же царевич был трусом. Я видела, как он удирал от самых безобидных собачонок и даже от кошек.

Младшему Птолемею следовало бы родиться первым, чтобы я могла соединиться с ним. Решительный и бодрый, он был в избытке одарен теми качествами, которых недоставало его брату. Он и Арсиноя составили бы пару получше, чем старший Птолемей и я.

Но разве это не ужасно? Разве не страшно, что дети, лежа у ног отца и предаваясь невинным играм (на первый взгляд – счастливое семейство на отдыхе), размышляют о таких вещах? Увы, именно это и означало «быть Птолемеем»: в нашем роду все родственные и человеческие привязанности отступали перед властолюбием и амбициями. Разница между нами заключалась лишь в том, что одни ради власти пошли бы на любую подлость и злодеяние, тогда как для других существовали ограничения.

В тот памятный вечер Арсиноя возлежала, откинувшись на подушки, перебирала струны и что-то тихо напевала. Я не без удовольствия отметила, что голос у нее не так хорош, как игра. Светильники моргали, отец с мечтательным выражением лица подносил к губам очередную чашу с вином.

– Дай немного и мне, – неожиданно сказала я. – На твоём лице я вижу неземное блаженство; его источник и вправду должен быть ниспослан богами.

Слуга подал мне чашу, я пригубила вино, и оно действительно оказалось прекрасным – насыщенное, сладкое и золотистое.

– С Кипра, – пояснил царь. – Он издавна славен своими винами, что выдерживаются очень долго и не дают горечи. – Мрачная тень набежала на отцовское лицо. – Кипр. Наш утраченный Кипр!

Он потянулся к флейте, чтобы, как обычно, сыграть тоскливую мелодию, а потом удариться в слезы.

– Расскажи мне побольше о Кипре! – попросила я, вовсе не желая в очередной раз лицезреть жалостное представление. Именно эта отцовская черта не нравилась мне – не склонность к вину сама по себе, а пьяная слезливость. – Что произошло там между тобой и Катонном?

По дороге в Рим отец остановился на Кипре, где Катон производил опись бывшего имущества Птолемеев.

– Катон! Знаешь, как его называют в Риме? «Суровый пьяница». Как можно совместить одно с другим? – Отец рассмеялся дребезжащим пьяным смехом. – Римляне отобрали Кипр у моего брата! Просто забрали остров себе, и бедному брату пришлось выпить яд.

Слезы навернулись на его глаза.

– Но что же Катон? Какое он имеет к этому отношение?

– Они послали Катона, чтобы он произвел полную опись казны и тем самым завершил присоединение острова, сделав его частью провинции Киликия. Но страшно даже не это. Дело в том, что, когда я прибыл туда, Катон... Катон... Он принял меня, сидя на горшке!

Я ахнула. Мне было известно, что с отцом обращались не слишком почтительно, но о таком я и помыслить не могла. Как же низко должны пасть Птолемеи, если римский чиновник принимал царя, пусть и беглого, справляя нужду! Насколько широко известна эта история? Знают ли Габиний и Антоний?

– Запах был скверный, – добавил царь. – Очень скверный. Я думаю, Катон говорил правду – его желудок расстроен настолько, что слезть с горшка он просто не решался.

– Будь он проклят с его желудком! – внезапно воскликнула Арсиноя.

А нам казалось, что она не прислушивается.

– Да, – согласилась я, – Катон заслужил проклятие, и оно на него падет.

– У него есть враги, – промолвил отец. – Катон крайне консервативен. Он старается показать себя хранителем старого благородного римского духа, но время для таких настроений стремительно уходит. Цезарь смахнет его с доски, как я смахиваю эти шашки.

Отец неожиданно взмахнул рукой, сбив несколько костяшек на пол.

– Тот самый Юлий Цезарь, что перекупил наш долг у Рабирия? – уточнила я. – Когда он явится в Египет требовать денег?

– Никогда, – ответил отец, – если нам повезет. Он по уши завяз в Галлии, желая превратить ее в очередную римскую провинцию. Его считают величайшим полководцем со времен Александра, но наш покровитель Помпей с этим решительно не согласен. Нет, дитя, Цезарь явится сюда только в том случае, если скovyрнет Помпея. А конец Помпея будет означать конец Египта. Так что будем молиться о том, чтобы Цезарь никогда сюда не пришел.

Он тихо икнул.

– Должно быть, Цезарь окружен врагами, – сказала Арсиноя. – С одной стороны Катон, с другой – Помпей.

– Так-то оно так, – кивнул отец. – Но он, похоже, сделан из железа, и ничто его не пугает. Цезарь полностью полагается на удачу и все время искушает ее. – Отец рассмеялся хриплым каркающим смехом. – Представьте себе: он сделал сестру Катона своей любовницей.

Мы все завизжали от смеха.

– Любовь – это оружие, – заметила Арсиноя, и я поняла, что у нее на уме: «С моей внешностью оружие у меня есть».

– Такое оружие мы, Птолемеи, никогда не пускали в ход, – заявил отец. – Это удивительно, если иметь в виду, что все другие виды оружия нами опробованы.

– Может быть, никто в нашем роду не был настолько привлекателен, чтобы внушить сильную страсть? – предположила я.

– Вздор! – отрезал отец.

Время шло, отец оставался у власти, поскольку римляне продолжали грызться между собой и им было не до Египта. Что касается нас, то, помимо обычных повседневных дел, нам приходилось участвовать в великом множестве публичных мероприятий.

Как-то раз александрийцы выразили желание посвятить нам новый парк с цветниками, аллеями, прудами и изваяниями, разбитый на окраине города. Как всегда в таких случаях, мы прибыли на церемонию в полном царском облачении и регалиях; мы казались живыми статуями среди каменных. Впрочем, мне уже минуло семнадцать и к любым ритуалам я привыкла.

Однако та церемония немного отличалась от других, и прежде всего надписью, высеченной в камне по велению отца: «Владыки и величайшие боги». Выходит, Птолемеи причислились к сонму богов, а не просто земных правителей?

Отец с горделивым видом созерцал открытие монумента и слушал поразительную речь.

– О возлюбленные боги и богини, мы повергаем себя к стопам вашим... – произносил нараспев городской чиновник.

Люди один за другим подходили и склоняли перед нами головы, а потом вставали на колени. При этом, как я видела, многие дрожали, словно боялись вдохнуть некий божественный туман, губительный для смертных. Кто может сказать, что здесь было притворством, а что – истинной увлеченностью происходящим?

Затем слово взял отец.

– Отныне и вовеки мои божественные чада именуются Филадельфами – «пребывающими в братской любви». Да свяжет эта любовь тех, в чьих жилах течет наша священная кровь.

Стоя плечом к плечу с моими родичами, я прекрасно понимала: такое невозможно. Но это желание отца трогало душу.

Потом мы собрались в отцовской личной столовой, дабы завершить церемонию трапезой. Арсиноя первой скинула свое золоченое одеяние. Как она заявила, платье было слишком тяжелое, чтобы таскать его на себе в домашнем кругу.

– Разве золото не по плечу богине? – попыталась поддразнить ее я, когда парадный наряд осел на полу кучей мятой парчи, а на Арсиное осталась лишь тонкая голубая туника, под цвет глаз.

Сестра в ответ пожала плечами. Либо она не видела разницы, либо и без золота считала себя богиней благодаря своей красоте.

Отец занял место во главе семейного стола. Он выглядел усталым, как будто и его тяготил вес торжественного одеяния. До сих пор мне никогда не доводилось видеть его таким, и я неожиданно поняла, что он сильно постарел.

Он взял со стола агатовую чашу и, пока виночерпий наливал ему вина, задумчиво смотрел на нее. Потом он произнес:

– Эта чаша сделана на родине наших предков, в Македонии. Я хочу, чтобы вы помнили: сейчас мы окружены золотом, но когда-то мы пили из каменных чаш.

Отец сделал маленький глоток. Потом еще один.

– Вам понравилась церемония? – спросил он.

Мы все послушно кивнули.

– Она удивила вас?

– Да. Непонятно, зачем ты присвоил нам эти новые титулы, – сказала я, поскольку остальные предпочитали молчать.

– Я хочу, чтобы вы оставались священными особами и друг для друга, и для посторонних, даже когда меня не будет.

Он сделал это из предусмотрительности или почувствовал, что надо торопиться?

– Как это тебя не будет? – спросил младший Птолемей, примостившийся на табурете; пусть с мягким сиденьем, обитый драгоценными камнями, но это был табурет.

– Папа умрет, и его не будет, – невозмутимо пояснил старший Птолемей, девятилетний реалист.

– О! – протянула Арсиноя, до сего момента с меланхолическим видом жевавшая луковое перо.

Да, ничего не скажешь, теплая семейка.

– Весьма предусмотрительно с твоей стороны заглядывать так далеко вперед, – промолвила я. – Но ведь это не самая срочная забота?

Вообще-то, я задала вопрос. Но отец предпочел не отвечать.

– Хороший правитель обязан принимать меры предосторожности. Сейчас я хочу рассказать вам о своем завещании. Один экземпляр я отправил в Рим, поскольку они проявляют такой... интерес к нашим делам и провозглашают себя хранителями нашего благоденствия. Не сделай я этого, римляне могли бы обидеться; прецедент уже имеется.

Он сделал несколько глотков – каждый следующий больше предыдущего.

– Одна копия останется здесь, у нас, – продолжил отец. – И это тоже мера предосторожности. Бывает, что завещания теряют, подделывают... мало ли что. Так или иначе, чтобы исключить разночтения, вы должны услышать мою волю из моих собственных уст.

Я заметила, что Арсиноя перестала жевать и выпрямилась.

– Конечно, вас не должно удивить то, что моей наследницей объявляется Клеопатра, – сказал отец, повернувшись ко мне с улыбкой. – Она старшая и уже обучалась делу правления.

Но его глаза говорили больше: «Она дитя моего сердца, и я отдаю ей предпочтение».

Я не глядела на Арсиною, но знала, что она обиделась.

– Соправителем станет мой старший сын Птолемей. В положенное время они поженятся согласно обычаю.

Оба мальчика захихикали, будто сочли все это глупым и странным. Что ж, возможно, наш обычай действительно таков, однако вопрос был серьезный и не допускал шуток.

– Отец, – подала голос я, – а не устарел ли обычай? Не пора ли его отменить?

Он печально покачал головой.

– Может быть, он устарел, но отказ от него создаст куда больше проблем. Стоит объявить об этом, и все искатели удачи царского рода устремятся на наши берега. И начнется история, как в старой сказке: претенденты на руку наследницы отираются возле дворца и совершают подвиги, предложенные отцом или богами. Я же не испытываю желаний устраивать состязание женихов, мне и без того дел хватает.

– Меня всегда удивляло, как эти женихи решаются попытать счастья, – заметила Арсиноя. – Ведь отвергнутые всегда погибают.

– Ну, – рассмеялся отец, – дело, наверное, в том, что царевны наделены смертельной красотой.

После трапезы отец попросил меня остаться. Остальные разошлись. Хмурая Арсиноя подняла свое одеяние и небрежно потащила его за собой, словно желая продемонстрировать, как она презирает дары царя, коль скоро он не предложил ей самый главный.

– Так вот, дитя мое, – сказал отец, заняв место рядом со мной. Мы сидели на скамье с мягкими подушками, откуда открывался прекрасный вид на гавань. – Я должен тебе сказать кое-то еще.

– Что? – спросила я, уже догадываясь.

– Думаю, было бы разумно объявить тебя соправительницей.

– Но на всех церемониях я и так выступаю...

– Я хочу сделать это официально. То есть провозгласить тебя царицей.

– Царицей... сейчас?

Это казалось чудом – обрести высшую власть без необходимости мешать радость с горем утраты.

– Для меня это огромная честь, – промолвила я, совладав с нахлынувшими чувствами.

– Значит, в скором времени последует еще одна церемония, – сказал отец.

Он закашлялся. Кашель усилился до приступа удушья, и тут до меня дошло, что его приготовления вовсе не преждевременны.

– Отец, пожалуйста, не заставляй меня выходить замуж за моего брата! – попросила я, понимая, что это необходимо сделать сейчас. – Он плакса и ябеда, а когда вырастет, станет еще хуже.

Но царя было не переубедить даже мне. Он покачал головой.

– Нет уж. Радуйся тому, что я вопреки общепринятому порядку не назначил его наследником через твою голову. До сих пор первенство в правлении никогда не принадлежало женщинам.

– Ты не решился бы так поступить! – заявила я, но сказала это с любовью.

Я положила голову на плечо отца и подумала, как редки в нашем семейном кругу подобные доверительные прикосновения. Мы, Птолемеи, сторонились друг друга и обходились без простой человеческой ласки. Он вздохнул, потом решился погладить меня по голове.

– Да, скорее всего, я не решился бы. У тебя слишком сильная воля, тебя нельзя отпихнуть в сторону. И это хорошо.

– Мне не нравится твой советник Потин, – выразила я давнюю неприязнь. – Может быть, тебе стоит заменить его.

– Вот-вот! – рассмеялся он. – Один человек с сильной волей уже пробует на прочность другого.

По части воли он мне не уступал, что не удивительно – это от него я унаследовала собственное упрямство.

– Мне не нравится Потин, – повторила я. – Ему нельзя доверять. По-моему, хуже ничего быть не может.

– А я как раз собираюсь поставить его во главе совета регентов.

– Мне не нужен совет регентов. Я взрослая женщина.

– Тебе семнадцать, а твоему будущему соправителю, дорогому маленькому Птолемею, всего девять. Умри я сегодня ночью, *ему* без совета регентов не обойтись.

– Ты так делаешь мне назло!

– Ты утомляешь меня. – Отец вздохнул. – Довольствуйся тем, что тебе предложено. И смирись с Потинем! – Он помолчал. – Вообще-то, я собираюсь прожить до того времени, когда Птолемею потребуется не совет регентов, а сиделка, по его старческой немощи.

Отец снова закашлялся, и я взяла его за руку.

В скором времени я впервые стояла рядом с отцом в царственном облачении и слышала судьбоносные слова. Царица Клеопатра, Владычица Обеих Земель. Я чувствовала, что приняла тяжкое бремя, однако тут же обнаружила в себе неведомые доселе силы и готовность справиться со всем. Какие бы испытания ни ожидали меня, эта милостиво дарованная таинственная сила пребудет со мною и поможет противостоять трудностям. Ничто из того, что я

читала или слышала прежде, не содержало и намека на подобное преобразование, воспринятое мною как неожиданный, но щедрый дар.

В старых преданиях говорится, что получивший дар не должен слишком задумываться о его природе, не то боги воспримут это как знак неблагодарности и недоверия. Поэтому я приняла их милость от всей души.

Тридцатый год царствования Птолемея Авлета стал первым годом царствования Клеопатры...

Итак, волею богов я взошла на трон.

Глава 9

В конце зимы следующего года, когда штормовые ветра перестали хлестать море и о подножие маяка уже не разбивались чудовищной высоты волны, я много времени проводила за чтением стихов – и древнеегипетских, и греческих. Я говорила себе, что читаю поэтические тексты для совершенствования в египетском языке; но, строго говоря, дело обстояло не так. Я читала стихи, потому что речь там шла о любви, а мне было почти восемнадцать лет.

«Поцелуйи возлюбленной моей на другой стороне реки, поток течет между нами, крокодил таится на песчаной отмели. Но я ступаю в воды, вхожу в поток. Храбрость моя велика пред водами, волны не зыбки, но тверды, как твердая земля. Любовь придает мне силы. Ах! Она дала мне заклятие, чары, смиряющие воды».

Обычно я читала по ночам, отпустив слуг, и компанию мне составляла лишь масляная лампа; тогда стихи воспринимались совсем не так, как в те часы, когда я изучала их с наставником. На уроках основное внимание уделялось формальным моментам, точности перевода, глагольным формам и прочему в этом роде. А наедине со стихами я воспринимала заключенную в них волнующую магию.

«О! Будь я ее рабом, следующим за ней по пятам, и тогда я бы радовался совершенству и красе всех членов ее».

Я погладила рукой свою ногу, пытаюсь оценить ее красоту, и стала натирать кожу ароматическим маслом.

«Любовь к тебе наполняет все мое существо, как вино смешивается с водой, благоухание со смолой, сок с мякотью. И ты спешишь увидеть возлюбленную твою, как скакун устремляется на поле битвы».

Я поежилась. Такие чувства казались божественными, точнее, близкими к божественному безумию.

Я отложила свиток. Там было еще несколько стихотворений, но я решила оставить их на следующую ночь.

Однако я не находила покоя. Поэзия слишком взволновала меня, и вместо того, чтобы готовиться ко сну, я мерила шагами спальню. Ночь на море выдалась беспокойной, и до моего слуха доносились протяжные скорбные стоны волн, набегавших на камни и откатывавшихся назад. Раз за разом. Снова и снова.

А потом в отдалении зазвучали флейты и голоса. Шум, как мне казалось, доносился с востока, со стороны моря. Но звуки приближались, и их уже никак нельзя было спутать с плеском волн или с чем-то еще. Музыка и голоса – но откуда? Теперь они звучали так, словно музыканты играли под землей, под фундаментом дворца. Звуки усиливались, достигли наивысшей громкости и стали слабеть, удаляться. Наконец они смолкли, истаяв вдали. Прислушиваясь к последним слабым отзвукам, я легла и незаметно заснула.

На следующее утро меня разбудили очень рано. Царь умер. Он умер ночью, и я мигом поняла, что за музыку мне довелось слышать. Сам бог Дионис со свитой явился во дворец, чтобы под звуки флейт увести за собой своего преданного слугу.

Я проснулась. Отец мертв! Только вчера я видела его, он пребывал в добром расположении духа, и если даже здоровье его было хрупким, больным он себя не чувствовал. Право же, не чувствовал. Но он умер. Отец умер, а я не простилась с ним по-настоящему: мы лишь пожелали друг другу спокойной ночи. Какой коварный обман! Разве можно навсегда расстаться с любимым человеком, отбывающим в самое дальнее путешествие, и не сказать ему каких-то особенных слов?

Я захотела его увидеть. Он лежал на постели с закрытыми глазами и казался спящим. Его конец не был мучительным: он отбыл в иной мир радостно, призванный любезным его сердцу Дионисом.

– Его надлежит подготовить к захоронению, – сказала я.

Ему предстояло упокоиться посреди могил наших царственных предков, неподалеку от усыпальницы Александра. Но организация похорон будет непростым делом.

– Все необходимые распоряжения уже отданы, – прозвучал за моей спиной отчетливый ответ.

Это голос Потина.

– Отдавать распоряжения должна я, – указала я. – Я царица.

– Да, но не самодержавная, а соправительница Птолемея Тринадцатого, при божественной особе коего мне оказана честь состоять опекуном. – Он произнес это с нажимом, подчеркивая каждое слово. – Кроме того, царице не пристало заниматься мелочами.

– Царица, которая не снисходит до повседневной рутины, очень скоро оказывается беспомощной во всем, что касается важных дел, – ответила я, бросив на него суровый взгляд.

Как и следовало ожидать, отца еще не убрали для погребения, а мы с Потиним уже скрестили мечи.

– Но раз ты взял это на себя, займись организацией похорон и подготовкой к моей коронации.

– Твоей и Птолемея Тринадцатого.

Это становилось утомительным.

– Да. – Здесь я уступила ему. – Пожалуйста, соблаговоли устроить все как можно скорее. Мы обратимся к народу со ступеней храма Сераписа, а потом нас коронуют по обычаю Птолемеев. Но затем я желала бы короноваться еще и в Мемфисе, по древнему ритуалу фараонов. Позаботься об этом.

Теперь ему, по крайней мере, было чем заняться.

Рослая фигура Потина удалилась, я обернулась к отцу. Смерть сильно изменила его, он как будто уменьшился, и сердце мое исполнилось горькой печали. Я жалела его, испытавшего столько невзгод и приложившего столько сил ради того, чтобы вернуть трон.

«Ты трудился и страдал не напрасно, отец, – мысленно поклялась я. – Твои жертвы не пропадут даром. Египет не станет римской провинцией».

Спустя месяц мы с Птолемеем ехали на позолоченной церемониальной колеснице во главе коронационной процессии по улицам Александрии, заполненным толпами любопытствующих граждан. Был прохладный ветреный день. Мне исполнилось восемнадцать, а ему – всего десять, так что даже при моем не очень-то высоком росте брат едва доставал мне макушкой до подбородка. Однако он привставал на цыпочки и воздевал руки, чтобы его видели люди, приветствовавшие процессию громкими криками.

На второй колеснице следовали Арсиноя и Птолемей Младший, а за ними катила свита, включавшая, разумеется, полный состав совета регентов – несносного Потина, наставника Птолемея по имени Феодот и военачальника Ахиллу. Потин, отличавшийся, как многие евнухи, непропорционально длинными ногами, возвышался над обоими своими товарищами. Выгля-

дели советники самодовольно: судя по всему, будущее рисовалось им безоблачным. За ними маршировала придворная македонская гвардия.

Выступив на территории дворца, мы обогнули гавань, у храма Нептуна проехали через Форум, свернули на запад и миновали Сому.

«Александр, гордишься ли ты мною?» – хотелось спросить мне по приближении к усыпальнице.

И я мысленно услышала его ответ: «Пока нет, ибо ты еще не совершила деяний, коими можно было бы гордиться».

За Сомой у Гимнасиона нас поджидало еще больше зевак, а чуть дальше толпа народу, главным образом из числа ученых и взыскующих знания, собралась на ступенях Мусейона. Приверженцы различных философских школ различались по величине и форме бород.

Наконец впереди показался холм, увенчанный грандиозным храмом Сераписа. Единственный в Александрии природный, а не насыпной холм представлял собой самое подходящее место для почитания бога нашего города. Это святилище знали во всем цивилизованном мире: огромное сооружение, от одного вида которого захватывало дух. Его впечатляющий контур вырисовывался на фоне неба с движущимися облаками на заднем плане. Внутри беломраморного строения находилось изваяние бога, выполненное из слоновой кости; пусть не столь грандиозное, как статуя Зевса Олимпийского, но тоже весьма впечатляющее произведение искусства.

Мы двинулись вверх по склону холма, в священные владения божества, а толпа народа осталась внизу. Люди наблюдали, как мы сошли с колесниц и стали медленно и торжественно подниматься по храмовым ступеням навстречу поджидавшим нас жрецам, облаченным в пурпур.

Жрецы накинули нам на плечи ритуальные мантии и провели внутрь – в прохладный, темный, отдающий гулким эхом мраморный зал. Когда мы медленно подошли к статуе Сераписа, перед ним вспыхнул священный огонь.

– Хорошее предзнаменование, – возгласил один из жрецов. – Бог приветствует вас.

Они принесли серебряный сосуд с двумя ручками и налили немного воды в золотую чашу. Нам надлежало омочить в ней пальцы, а потом коснуться ими своего языка.

– Бог избрал вас на царство! – провозгласили жрецы.

Они подошли к усыпальнице позади статуи и вынесли небольшой сундучок, обитый железными обручами и запертый на осыпанный драгоценными камнями замок. У одного из жрецов на шее висел ключ; открыв сундук, жрец дрожащими руками извлек оттуда две полоски материи. Македонские венцы.

Жрец вручил мне повязку.

– Возьми и надень ее сама, – молвил он.

В сумраке храма я смотрела на скромный кусок материи – он воплощал в себе великую власть. Ибо сам Александр носил не золотую корону, как другие правители, а вот такую головную повязку.

Я взяла ткань, наложила себе на лоб, соединила сзади концы и завязала их узлом на затылке.

– Отныне ты царица.

Мне казалось, что полоска материи сдавила мое чело, как обруч, превосходящий тяжестью золотую диадему.

Тот же ритуал повторили для Птолемея.

– Теперь обратись к Серапису и скажи: «Мы принимаем державу, править которой ты призвал нас, и уповаем на то, что будем достойны твоей высокой милости».

Признал ли нас бог? О Исида, это ведомо лишь тебе. Действительно ли боги всегда внимают обращенным к ним словам или же они порой устают и отвлекаются на что-то иное?

Потом мы снова вышли на открытую галерею храма. Солнце слепило наши успевшие привыкнуть к полумраку глаза, толпа внизу издавала восторженные крики, ветер слегка раздувал одеяния, словно в знак благословения.

Свершилось. Я стала царицей. Вместе со священной головной повязкой я возложила на себя обязанность лелеять и защищать то, что отныне было моим, – город, его жителей и весь Египет.

– О мой народ! – Я призывала всех разделить со мной радость. – Да пошлют мне боги счастье, чтобы всегда быть достойной вашей любви, и мудрость, чтобы сохранить Египет для вас!

Коронация в Мемфисе проходила совсем по-другому. Второй раз в жизни меня везли по Нилу, но как не похоже это было на предыдущее путешествие. На сей раз мы плыли не на маленькой лодчонке с навесом, а на золоченой царской ладье с длинными рядами весел. Народ по пути следования бросал свои дела и выбегал на берег реки, только ослики продолжали неустанно вращать водяные колеса. Люди встречали нас улыбками, в их голосах звучала искренняя радость. Мы с Птолемеем стояли на палубе и приветствовали своих подданных.

Когда мы плыли мимо пирамид, я вдруг осознала: отныне и они принадлежат мне. Да, весь Египет стал теперь моим – и его древние памятники, и безбрежные пески, и даже Нил! Переполюнявшие меня чувства были так сильны, что я не находила слов.

Мемфис располагался неподалеку от пирамид, и речной причал к нашему прибытию украсили стягами и гирляндами из лотосов. Дорогу окаймляли финиковые пальмы, их пыльные ветви смыкались над головами, образуя навес. Пальмы шелестели, словно приветствуя нас. Сквозь ветви я разглядела стены из известняка, окружавшие внутренний дворец и храмы; из-за них Мемфис называли «Городом белых стен».

Здесь издавна короновались фараоны, и здесь же был провозглашен владыкой Египта Александр. Его преемники поступали так же, отдавая дань исконным традициям и древним богам.

До Александра Мемфис был величайшим и важнейшим городом Египта, резиденцией фараонов и местом проведения священных мистерий Осириса. Сегодня нам предстояло пройти посвящение в эти мистерии. Обряд проводил верховный жрец бога Птаха, облаченный в длинное полотняное одеяние с наброшенной сверху леопардовой шкурой. Церемония велась на египетском языке, и я испытывала законную гордость, ибо единственная из семьи удосуужилась выучить его и понимала, что к чему.

В полумраке внутреннего храма мы получили символы владычества фараонов: золоченый крюк, цеп, скипетр, льняные одеяния из Нижнего Египта и церемониальные кожаные передники. На головы нам водрузили уреи – золотые изображения священной кобры, покровительницы Египта.

Я схватилась за рукоятки крюка и цепы, крепко сжала эти сакральные, так и льнувшие к моим рукам жезлы и мысленно поклялась не расставаться с ними до тех пор, пока смерть не вынудит меня разжать хватку. Они принадлежат мне – а я им.

Но на этом церемония не завершилась. Ритуал наделения властью требовал, чтобы новоиспеченные фараоны впрягли в ярмо и провели по улицам священного быка Аписа. Это должно показать народу: мы достаточно сильны, чтобы защищать его; одновременно нам надлежало вновь и вновь повторять клятвенное обещание не проявлять жестокости по отношению к тем, кто пребудет под нашей властью, как ныне пребывает под нашим игом бык.

У твоего храма, Исида, мы принесли и другие клятвы. Помнишь ли ты тот день? День, когда я связала свою жизнь с тобой торжественными обетами. Мы обещали жрецу, что не будем вносить изменения в календарь, добавлять или вычитать дни и переносить праздники,

но позволим тремстам шестидесяти пяти дням совершать свои циклы согласно установлению. Также мы поклялись хранить и оберегать землю и воду, вверенные нашему попечению.

Лишь после этого из храма вынесли священные двойные короны, дарующие власть над Верхним и Нижним Египтом. Некогда такие короны делались из золота и были очень тяжелы, но теперь их заменили мемфисскими диадемами, изготовленными из позолоченного полотна, лен для которого вырастили на поле бога Птаха.

Так прошла моя свадьба – ибо в этот день я сочеталась вечным браком с моей страной. До сих пор я храню диадему и коронационное одеяние, как хранят свадебный венец и платье. Мои четыре союза с земными мужчинами не в счет, ибо они были преходящи. Истинный же мой супруг, мой возлюбленный, данный мне раз и навсегда, – это Египет.

Теперь все должные ритуалы и церемонии были совершены, и я приступила к правлению. На этой стезе мне пришлось столкнуться с сопротивлением совета регентов, действовавшего от имени находившегося под его опекой Птолемея Тринадцатого. Советники настаивали на скорейшем заключении брака. Я возражала, ссылаясь на то, что торжества не следует устраивать слишком часто: народ любит праздники, но не стоит доводить дело до того, чтобы люди ими пресытились. На данный момент пышных царских похорон и торжественной коронации достаточно.

Я собрала совет за черепаховыми дверями тронного зала в алебастровом дворце, куда еще совсем недавно, робея, являлась на аудиенцию к своим сестрам. Сейчас советники восседали на инкрустированных драгоценными камнями креслах, а я расхаживала перед ними по залу. Все они были гораздо выше меня ростом, и мне следовало об этом помнить.

Длинноногий Потин, самый рослый из всех, но ожиревший и дряблый, с его длинным носом и пронизательными, близко посаженными глазами, смахивал на священную птицу ибис, хотя, конечно же, ничего святого в нем не было.

– Ваше величество, – произнес он нараспев тонким вкрадчивым голосом, – если вы и вправду так думаете, вы не понимаете народа. В таком деле, как праздники и зрелища, не бывает излишеств.

– К тому же народу не терпится увидеть царскую свадьбу, – подхватил Феодот, мой бывший наставник, потом перешедший к Птолемею.

Плюгавый коротышка, он имел обыкновение глупо хихикать и пытался прикрыть плешь, отпустив длинные локоны и зачесывая их поверх лысины. Да еще повязывал голову лентой, как распорядитель Гимнасиона.

– Не могу понять, что за спешка, – сказала я. – Мой брат Птолемей – не иноземный царевич, брак с которым важен с точки зрения заключения государственного союза. И вряд ли мы с ним, поженившись прямо сейчас, можем в скором времени одарить страну наследником.

– Такова воля твоего отца! – рявкнул Ахилла, предводитель египетских войск.

Он родился в Верхнем Египте, откуда всегда происходили лучшие бойцы. Темнокожий и сухопарый, Ахилла походил на ожившего воина с древней фрески, хотя его доспехи, нагрудник и поножи были новейшего образца. Как и многие египтяне, желавшие приблизиться к власти, он взял себе греческое имя, хотя на самом деле его звали «Угодный Амону» или как-то в этом роде.

– И его воля будет выполнена, – заявила я. – Я почитаю своего отца. Разве я не добавила к своим титулам еще и Филопатор – «любящая отца»?

Я взглянула своим врагам (ибо кем они были, как не врагами?) прямо в глаза.

– Повиновение – лучший способ почтить родителя, – заявил Потин.

– И лучший способ почтить вашу царицу, – напомнила им я. – Вы мои подданные, хоть и советники Птолемея.

В отличие от брата я советников не имела – вокруг не было ни единого человека старше меня, на кого я могла бы положиться. Со всех сторон окружали враги, друзья же были еще моложе и куда менее влиятельны, чем я сама. Троица противостоявших мне вельмож, казалось, воплощала в себе могущество Египта.

Мои слова они выслушали хмуро.

– Мы, безусловно, чтим тебя и повинемся, – промолвил Ахилла со своим резким египетским акцентом. – Но и тебе не пристало пренебрегать своим долгом по отношению к брату и соправителю.

– Ему воздастся все, что положено, – заверила я.

Так или иначе, царю Птолемею Тринадцатому уже отвели место во дворце и в истории. Ну а что с остальными нашими родичами? Что будут делать отстраненные от трона Арсиноя и Птолемей Младший? Просто жить во дворце и ждать своей очереди? Кружить над нами, как стервятники? Я поежилась.

– Мне не нужны распри, – заявила я, полагая, что лучше сразу расставить все по своим местам. – Однако я царица, и я буду по-настоящему править и в своем дворце, и в своей стране.

О, если бы они не были настолько выше меня ростом! Тем, кто уверяет, будто рост и физическая сила ничего не значат, не приходилось закидывать голову, чтобы посмотреть противнику в глаза, или подтаскивать табурет, чтобы выглянуть в высокое окно.

– Римляне, как обычно, подают нам плохой пример, – промолвил с презрением Ахилла, прицепившись к первой части моего высказывания и игнорируя вторую. – Похоже, их распри оборачиваются очередной гражданской войной, на сей раз между Юлием Цезарем и Помпеем. Если нам очень повезет, они уничтожат один другого.

Он фыркнул, как учуявшая след борзая.

– Если Помпей обратится к нам, придется откликнуться, – сказала я.

Помпей был союзником моего отца и теперь, если его припечет, мог потребовать нашей помощи. Кроме того, именно Цезарь отвечал за сбор денег, которые Египет задолжал Риму, и я желала ему поражения. Правда, едва ли это сулило особые выгоды Египту – мы разоримся, вооружая Помпея для борьбы с Цезарем. К тому же, даже если Цезаря не будет, долг останется и сбор его возьмет на себя кто-то другой.

– Зачем? Египет далеко от Рима. Мы оставим его призывы без внимания, – возразил мне Потин.

И этот человек считал себя мудрым и дальновидным советником? Я не удержалась и насмешливо улыбнулась.

– Как ребенок, притворяющийся, что не слышит, когда мать велит ему идти спать? Нет, Потин, это путь трусов, и ни к чему хорошему он не приводит. К тому же город Рим и правда не близко от Александрии, до него двенадцать тысяч миль; но мощь Рима заключена в легионах, расквартированных, например, в Иерусалиме, за триста миль от нас. Помните, как быстро прибыл сюда Габиний с войсками?.. Нет, если призыв исходит из Рима, мы не можем сделать вид, будто не слышим. Правда, мы можем попытаться ответить так, чтобы это принесло нам наибольшую выгоду.

– И как же? – спросил Феодот.

Я почти забыла о нем – настолько затмевали его двое других советников.

– Что мы согласны помочь, но на это нужно время.

– Именно так ты только что ответила нам относительно твоего брака, – указал Потин. – Этим никого не одурачить.

– А я и не думаю никого дурачить, – ответила я как можно более величественно. – Существует множество причин для отсрочки брака – объективных, реально существующих препятствий. И неужели вы хотите сказать, что ваша просьба поскорее сочетаться браком с моим царственным братом – то же самое, что повеление Рима?

– Это не повеление... – начал Ахилла, но я оборвала его.

– Нам с вами незачем играть словами. Вы выдвинули требование, а я его пока отклонила. На сегодня этого достаточно. Все свободны.

Они низко поклонились, хотя их лица помрачнели от досады и злости. Пятясь, советники вышли из зала. Я не жалела о своей резкости, ибо они вынудили меня. Я поняла, что время любезностей миновало.

И что мне необходимо обзавестись преданными сторонниками.

Ежедневно мне приходилось заниматься множеством мелочей. Погрузившись в их круговорот, легко было принять это за истинную суть правления и тем самым совершить недопустимую ошибку. Однако столь же недопустимо для настоящего правителя пренебрегать мелкими делами. Воистину, властвовать – великое и сложное искусство, и нет числа умениям, необходимым для правителя. Неудивительно, что так много людей не справляются с тяжким бременем власти.

Отцовские покои – самые пышные во дворце – до сих пор пустовали. Я стеснялась поселиться в них, пока не поняла, что это глупо. Если я буду жить там, я окажу дань уважения отцу. Кто, кроме меня, вправе претендовать на это?

Царские покои занимали верхний этаж алебастрового дворца. Они протянулись от северо-западной оконечности Локийского мыса – где окна смотрели на маяк через лазурные воды гавани – на юго-восток, к открытому океану. Морские ветры продували палаты насквозь, отчего ониксовые полы всегда были восхитительно прохладны, подобно сладкому фруктовому льду, которым мы лакомились летом. В залах играли лучи света. Они пересекали пол по мере того, как солнце проделывало путь от одного окна к другому, превращая апартаменты в большие солнечные часы. Ночью комнаты заливала луна. Море наполняло дворец столь щедрыми звуками, что пропадало всякое желание приглашать музыкантов и дополнять голос волн мелодиями человеческих инструментов. Воистину, царские покои казались волшебным воздушным чертогом.

Я бродила по ним и размышляла, что оставить как есть, а что изменить. Меня поразила страсть отца к собирательству. Чего только не было в его палатах: африканские кровати черного дерева, инкрустированные слоновой костью из страны Пунт; искусно сработанные металлические столы из Дамаска; разукрашенные подушки из Сирии; тканые ковры из Индии и шелковые занавеси из дальних стран Востока. Стояли расписные греческие вазы, канделябры из нубийского серебра и водяные часы из Рима. Из того, что делали в Египте, отец особенно ценил базальтовые статуэтки богов и тончайшие сосуды многоцветного стекла, которыми славилась стеклодувы Александрии. Царские покои напоминали некий всемирный рынок, где собрались не обычные торговцы, но величайшие искусники, подлинники мастера своего дела. Прозрачные оконные занавески из белого шелка трепетали и хлопали на легком ветерке, словно старались высветить прекрасные вещи в разных ракурсах и показать их во всей красе.

Отцовская гардеробная – комната величиной с обычную залу для приемов – была битком набита хламидами, мантиями, сандалиями и плащами. Я улыбнулась, вспомнив, как он любил наряжаться для торжественных церемоний. Жаль, что его платья, в отличие от водяных часов, не могут перейти ко мне...

Тут я неожиданно почувствовала, что в комнате я не одна. Кто-то стоял за моей спиной. Я мигом обернулась и узнала знакомое лицо одной из дворцовых служанок.

– Я тебя не заметила, – сказала я. – Как тебя зовут?

– Хармиона, царица, – ответила та глубоким хрипловатым голосом. – Прости меня. Я не хотела тебя напугать.

– Ты была хранительницей царского гардероба?

– Да. Замечательная работа, – с улыбкой проговорила девушка, и я отметила ее не сильный, но отчетливый македонский акцент.

– Ты македонка? – спросила я.

На эту мысль наводила и ее внешность: рыжеватые волосы и дымчатые серые глаза.

– Да, царица. Его величество взял меня к себе на службу, когда гостил в Афинах. – Последовала скромная, почти неуловимая пауза. Мы обе знали, что Афины мой отец посетил после своего низложения, по пути в Рим. – Говорят, наши семьи состоят в дальнем родстве.

Хармиона мне понравилась. Не могу сказать точно – то ли меня очаровал ее голос, то ли манера держаться.

– Ну и каковы теперь твои планы? Вернешься в Афины или останешься здесь, при моем гардеробе?

Честно признаться, я остро нуждалась в хранильнице одежд. Нянька, занимавшаяся мною в детстве, в нарядах практически не разбиралась. От нее я выучилась лишь тому, что подпалыны выводят молоком, а пролитое на тунику вино посыпают солью.

Хармиона расплылась в улыбке:

– Если сочтешь меня достойной, я буду безмерно счастлива остаться с тобой.

– Достойной? Уж если ты умела управляться со всем этим, – я обвела жестом поблескивавшие груды парчи и шелков, – то с моими платьями справишься без труда. Понять бы еще, что делать с отцовскими нарядами.

– Прибереги их, пока у тебя не родится сын, который сможет их носить.

– Ну, боюсь, это случится еще не скоро и все платья выйдут из моды.

– Напрасно боишься, царица. Парадные царские облачения не так быстро выходят из моды, как обычная одежда...

Что ни говори, в голосе ее заключалось какое-то волшебство – как будто перед тем, как произнести слово, она убаюкивала его в колыбели.

Так я начала подбирать мою личную свиту. Мардиана я предполагала назначить главным придворным писцом; в последнее время мы виделись редко, но дружба наша не ослабла. Олимпия, изучавшего в Мусейоне медицину, поджидало место моего личного врача. Я доверяла ему, и если он будет рядом, мне не придется опасаться отравы. Однако мне остро недоставало опытного военного, чтобы противопоставить его Ахилле. Среди воинов я друзей не имела. В моем распоряжении была македонская придворная гвардия, охранявшая дворец, однако три римских легиона, набранные преимущественно из здоровенных варваров, галлов и германцев, подчинялись собственному военачальнику, а египетскими полками командовал Ахилла. В случае конфликта, даже если все македонцы поддержат меня, численное превосходство останется за легионами и египтянами. Мне же останется лишь положиться на милость судьбы.

Глава 10

В седой древности Египет с востока и запада защищали непроходимые пустыни, и лежавшая в долине Нила страна была практически недосыгаема для остального мира. Тогда к нашим границам приближались лишь бедуины, что пересекали западные пески на верблюдах. Теперь же целые армии могли подойти к нашим восточным границам из Сирии. Египет стал частью большого мира; если когда-то он существовал сам по себе, то теперь все крупные события в чужих землях непосредственно влияли на нас. Именно поэтому первый кризис, возникший во время моего царствования, зародился вовсе не в Египте.

Причиной его явились проклятые парфяне. Они совершали набеги на Сирию, что была римской провинцией, и тамошний наместник Кальпурний Бибул решил отозвать римские легионы из Египта, объединить их со своими войсками и использовать против Парфии. Он пору-

чил это своим сыновьям, отдав размещенные у нас легионы под их командование. Однако солдаты, обжившиеся в Египте, не захотели уходить. Разгорелся мятеж, сыновья наместника были схвачены и убиты бунтовщиками.

Солдаты ликовали, как глупцы, не видящие дальше собственного носа. Вместе с ними веселились и граждане Александрии, поскольку любой акт неповиновения Риму приводил их в состояние радостного возбуждения. Более всех торжествовали Потин и его приспешники. Как же – ведь Риму нанесен удар, пусть даже в виде убийства мирных послов.

События вынудили меня созвать совет. Я уже восседала на троне, когда члены его вошли в зал, подталкивая перед собой Птолемея, словно заложника.

– Мой брат займет место здесь, рядом со мной, – проговорила я, указав на второй трон. Я подумала, что полезно хоть ненадолго отделить его от этой своры. – А вы садитесь здесь.

Им всем, включая приглашенного мною Мардиана, предстояло сидеть на общей скамье – правда, изукрашенной драгоценными камнями.

Стоял чудесный ясный день. На волнах гавани мягко покачивался флот.

– Вы знаете, с какой целью созван этот совет, – сказала я. – Сыновья римского наместника Сирии, посланные возглавить легионы, убиты взбунтовавшимися солдатами.

– Мы тут ни при чем! – выкрикнул Птолемей. – Сами римляне римлян и убили! Это не наше дело!

Потин самодовольно кивнул.

– Вот, значит, как ты наставляешь юного царя? – возмутилась я. – Птолемея извиняет его юность, но если ты сам так считаешь, то разум у тебя ребяческий, и ты не имеешь права участвовать ни в каком совете, даже если речь идет об ослином навозе.

Улыбка сошла с его физиономии. Вот и хорошо.

– Легионеры не желают покидать Египет, – сказал Потин. – Они обосновались здесь, женились, завели детей.

– Иными словами, они уже не солдаты, а гражданские люди? – уточнила я. – Раз так, мы в них не нуждаемся: исполнять свои обязанности они уже не могут, а гражданского населения нам и без них хватает. В Александрии миллион горожан.

Я выдержала паузу, обвела их взглядом и заявила:

– Вы должны задержать убийц и выдать их Бибулу.

– Нет! – воскликнул Феодот. – Это значило бы признать его нашим господином. Египет – независимая страна!

– Настоящая независимость подразумевает еще и выполнение законов, принятых в цивилизованном мире, – возразила я. – Показать, что власть контролирует положение в стране и способна исправлять ошибки – признак силы, а не слабости.

– Правда в том, – усмехнулся Потин, – что ты боишься римлян. Поэтому ты склоняешься перед ними и унижаешь себя.

Как смеет он говорить это? Я перед кем-то склоняюсь? Я унижаю себя?

– Это ты унижаешь Египет, выставляя нас укрывателями преступников, – промолвила я, оправившись от возмущения. – Вижу, ты совсем не любишь свою страну.

– Да я люблю Египет больше, чем ты можешь вообразить!

– Ну так послужи Египту. Найди убийц. Приведи ко мне. Если у тебя нет желания послать их Бибулу, я сделаю это от своего имени. – Я посмотрела на брата: – Хочешь что-нибудь сказать?

Он покачал головой.

– Хорошо. Потин, приказ тебе ясен.

Рослый евнух сидел неподвижно, как каменная статуя в храме.

На совете я вела себя уверенно, но, когда все разошлись, вдруг засомневалась. С одной стороны, мое решение было законным и справедливым, однако разумно ли оно с политической точки зрения? Скорее всего, это оттолкнет от меня большую часть населения Александрии. Впрочем, оскорбление римлян навлечет на нас куда более грозную опасность, чем недовольство или даже бунт. Рим никогда не забывал и не прощал обид. Я оказалась в ситуации, когда удобного выхода просто не было.

Убийцы – трое обычных с виду людей – были схвачены и препровождены к Бибулу. Римский магистрат удивил нас тем, что поступил в строжайшем соответствии с законом. Речь шла об убийстве сыновей Бибула, однако он заявил, что не имеет права карать убийц, подлежащих суду сената. Пусть торжествует правосудие, а не кровная месть.

О римский закон! Попади мне в руки убийцы моих детей, я позабыла бы про все законы на свете, кроме извечного права матери мстить за кровь ее чада. Законы хороши до поры, однако они не совершенны и не заменят собой справедливость. Греческие боги знают об этом больше, чем римское право.

История с Бибулом вызвала в народе сильное возмущение и настроила всех против меня, поэтому я почти убедила себя в том, что убийство – провокация Потина. (Я знаю, что на самом деле это не так. Но ответь, Исида: боги благоприятствовали ему?) Теперь люди говорили, что я «лизоблюдка», «рабыня Рима» и истинная дочь своего отца, потерявшего престол как раз из-за пресмыкательства перед иноземцами. Гнать ее прочь! Долой!

А в скором времени в Египет прибыл сын Помпея с просьбой предоставить войска и провизию для предстоящей войны с Цезарем. Нам пришлось согласиться, и в результате сотни наших солдат на шестидесяти кораблях отправились сражаться за чужие интересы. Помпей и его сторонники были изгнаны из Италии пресловутым Цезарем, действовавшим без оглядки на сенат – так, словно он повелевал своей судьбой. Говорили, что он удачливее всех, что его главное оружие – скорость и неожиданность, что он всегда обрушивается на врагов раньше, чем те успевают понять, кто против них выступил. Говорили, что он преодолевает сотню миль в день, нанося молниеносные удары.

Здесь я позволю себе опровергнуть некоторые клеветнические измышления. Их стали распространять в мой адрес позднее, с подачи Октавиана. Это он распустил слухи о том, будто бы во время посещения Помпеем Младшим Александрии мы с ним стали любовниками. Я встречалась с ним, я устраивала для него пиры и с гордостью показывала ему город, но он ни разу не коснулся моей руки – такой поступок нарушил бы правила этикета. Я была девственницей и хранила свое целомудрие, как Афина. К тому же Помпей не отличался привлекательностью!

Кроме совета и народа, против меня выступил сам Нил. При последнем разливе вода не поднялась до требуемого уровня, что означало неизбежный голод. Наши ученые разработали точную схему соответствия подъема воды и видов на урожай, и критический уровень назывался «локоть смерти». В тот год воды великой реки не поднялись выше роковой черты.

Над разливом рек властны лишь боги, однако виноватыми обычно оказываются правители. Я приказала раздавать зерновые пайки из старых запасов, но вышло так, как всегда бывает в подобных случаях: народу хлеба не хватало, зато его было достаточно у спекулянтов. Люди умирали с голоду. В Александрии начались бунты. В сельской местности возникла угроза восстаний. Чем выше по Нилу, тем сильнее проявлялось недовольство. Жители Верхнего Египта находились далеко от столицы и никогда не имели тесной связи с государством Птолемеев. Теперь же они и вовсе начинали думать об отделении.

Примерно в то же время умер священный бык Гермонтиса, и надлежало найти ему премника. Эта замена осуществлялась путем сложной церемонии, разработанной до мелочей, в ходе которой нового священного быка препровождали по Нилу к храму, где ему предстояло обитать. В древности подобные водные процессии возглавляли фараоны, но ни один из Птолемеев никогда в таком обряде не участвовал. Между тем Гермонтис, лежавший в нескольких милях вверх по течению от Фив, был одним из очагов брожения, и я сочла политически целесообразным принять участие в церемонии. С одной стороны, это позволяло на время удалиться от интриг двора, а с другой – сулило надежду на укрепление моей позиции и, может быть, умиротворение беспокойных областей.

Царскую ладью приготовили, и я отправилась в путь. Я с нетерпением ожидала путешествия; по моим расчетам, оно должно было продлиться дней десять.

Сидя под навесом на корме ладьи, я наблюдала за проплывавшими мимо землями. Чем выше мы поднимались – мимо пирамид, мимо Мемфиса с его поблескивавшими в лучах солнца белыми стенами, – тем заметнее становились последствия обмеления Нила. Его берега по-прежнему окаймляли зеленые пальмовые рощи и поля с красно-черной почвой; стояли те же глинобитные хижины, ослики вращали те же колеса. Полоса земли, непосредственно прилегающей к реке, с виду почти не изменилась, но стала уже. К плодородным берегам подступали золотистые, порой пепельно-белые пески. Над ними возвышались обожженные солнцем каменные утесы. Ширина зеленой прибрежной полосы разнилась – от неполной мили до десяти миль; однако эта зона жизни всегда оставалась в пределах поля зрения, а позади брала свое мертвая пустыня.

Ночь наступала мгновенно: стоило рыжему шару солнца погрузиться в обмелевший Нил, окрасив его на миг кровавым багрянцем, как приходила чернильная тьма и на небосводе высыпали миллионы звезд. Вместе с тьмой наступала тишина, и, несмотря на разгар лета, разливалась прохлада.

Через три дня после Мемфиса мы проплыли мимо каменного города. На мой вопрос, что это за место, капитан сердито проворчал:

– Город фараона-отступника, да забудется навеки его проклятое имя!

Я, однако, его имя помнила – Эхнатон! Правда, известно мне о нем было немного: он пытался распространить новую религию, основанную на почитании единого бога Атона. Жрецы Амона в Фивах постарались вытравить память об Эхнатоне, и теперь мы смотрели на развалины – все, что осталось от фараона и его замысла. Я могла лишь порадоваться тому, что мои венценосные предки никогда не пытались раздавить или принизить какую-либо религию, так же как и навязывать кому-то свою. Птолемеи, в том числе и мой отец, не скупилась на строительство в Верхнем Египте храмов старым богам, и мы можем гордиться тем, что оставили по себе замечательную память – такие знаменитые храмы, как святилища в Эдфу, Эсне и Ком-Омбо.

Вскоре после того, как заброшенный город злосчастного фараона остался позади, мы проплыли мимо расположенных на восточном берегу алебастровых карьеров Хатнуба, откуда родом большая часть наших сосудов для мастик и благовоний.

Два дня спустя мы миновали последний греческий аванпост на Ниле – город, основанный первым Птолемеем в четырехстах милях от Александрии. Дальше иностранное влияние теряло силу.

На девятый день нашего путешествия мы достигли места, где Нил совершал резкий поворот, и поплыли на восток. Близ самого локтя излучины, у города Дендера высился храм Хатор, богини любви. Это недавнее сооружение, его достраивали по велению моего отца. Правда, с воды я разглядела лишь поднимающиеся над бурой стеной из глинобитного кирпича резные колонны и пожалела, что из-за нехватки времени не могу остановиться и осмотреть святыню.

У следующего изгиба Нила – там, где река снова поворачивала на запад, – стоял городок Копт, известный мне в силу своего важного торгового значения. Здесь, где Нил ближе всего подходит к Красному морю, лежали маршруты верблюжьих караванов, направлявшихся к портам за товарами из страны Пунт и Аравии. Мой отец был сильно заинтересован в этом торговом пути; он считал, что Египту следовало смириться с торговой гегемонией Рима в Средиземноморье и усиленно развивать торговлю с Востоком и Индией.

Предыдущие Птолемеи основали на побережье Красного моря ряд городов, получивших имена их цариц: Клеопатрис, Арсиноя, Береника. Береника – самый южный город, он долгое время служил пунктом паромной переправы пойманных в Африке слонов. Однако в последнее время торговля слонами приходила в упадок, поскольку они уже не обеспечивали, как прежде, решающего перевеса на поле боя. Юлий Цезарь разработал тактику борьбы против этих гигантов, и они уже не внушали ужас своим видом.

Юлий Цезарь... Я невольно задумалась об этом человеке, поражавшем своей неистощимой изобретательностью в области военного дела. Взять тех же слонов – почему никто до него не догадался использовать их слабые места? Оказалось, что под градом камней и метательных снарядов животные впадают в панику, поворачиваются и обращаются в бегство, топча свои же войска. Столетиями слоны считались самым грозным оружием, но Цезарь, похоже, покончил с их господством на полях сражений. Как Помпей победит такого воина? Я жалела, что нам пришлось выступить на его стороне, ибо это могло обернуться для Египта большой бедой.

Миновал еще день, и мы добрались до Фив с их циклопическими храмами. Этот город был оплотом древних верований, а жрецы здешних храмов Амона по-прежнему имели огромное влияние на местных жителей. Птолемеи Четвертый столкнулся здесь с сопротивлением туземной династии. В конечном счете он сумел установить контроль над Фивами, но это стоило ему утраты других, по большей части заморских, владений Египта, вернуть которые так и не удалось.

Жрецы и храмовые служители выстроились на спускавшихся к воде ступенях и приветствовали проплывающий караван заунывным пением священных гимнов. На фоне огромных зданий их фигурки казались крохотными. Над водой витал аромат курившихся благовоний.

На другом берегу Нила, напротив Фив, простиралась безжизненная земля, где среди камней были высечены гробницы фараонов. Именно здесь находился погребальный храм великой царицы Хатшепсут – совокупность террас, уступов и ниш, вырубленных в монолитном утесе. Некогда святилище украшали фонтаны и миртовые деревья, но время обратило в пыль все, кроме сухого, как кость, камня. Неподалеку стояли великие погребальные храмы Рамзеса Второго и Рамзеса Третьего, а также колоссы Аменхотепа Третьего – сидящие статуи около сорока локтей в высоту. Однако жрецы, призванные совершать поминальные службы, давно умерли, как и древние владыки. В этом царстве смерти ничего не происходило, и заброшенные святилища, как выбеленные временем кости, впитывали в себя жар пустыни.

Чуть дальше на западном берегу Нила показался Гермонтис, конечный пункт нашего путешествия. В отличие от Мемфиса или Фив, в этом маленьком городке не было ничего примечательного. Лишь храм, где обитал священный бык, воплощение самого Амона, да подземные катакомбы – там хранились мумифицированные останки его предшественников. Когда мы подплывали, жители городка во главе с бритоголовыми жрецами в белых полотняных одеяниях высыпали к берегу. На их лицах было написано нетерпеливое любопытство.

«Неужели это действительно царица? – думали они. – Позволено ли нам к ней приблизиться? Правда ли, что она богиня?»

– Ваше величество, – возгласил старейший жрец, – священный бык радуется тому, что вы собственной персоной соблаговолили прибыть для участия в церемонии препровождения его в храм.

Быков я не любила, но в данном случае и сама радовалась тому, что приняла решение приехать.

После смерти прежнего воплощения божества нового священного быка согласно приметам искали повсюду вдоль берегов Нила. Однако нашли, к величайшему восторгу его хозяина, не так уж далеко. Теперь предстояло погрузить это животное (как и положено, серо-коричневое, с белыми рогами и белым хвостом) на специально построенную баржу, стоявшую у причала в нескольких милях выше по течению, возле места, где его отыскивали. Быка уже обрядили в венец из золота и ляпис-лазури с сеткой на морде, чтобы отгонять мух, украсили цветочными гирляндами, а копыта – как я заметила, когда его заводили по сходням на палубу, – выкрасили в красный цвет. Новоявленный бог выглядел внушительно и величественно, и я надеялась, что впереди его ждет безмятежная сытая жизнь при храме и множество коров, готовых удовлетворять его желания. Разумеется, порой его будут отвлекать на нудные церемонии, но тут уж ничего не поделаешь: от обременительных обязанностей не избавлены и боги.

Весла с окованными серебром лопастями вспыхивали в солнечном свете, разбрасывая серебристые брызги. Ладья, покачиваясь, плыла к святилищу, унося мирно стоявшего на палубе быка навстречу его судьбе.

Как и подобало, прибытие бога в святилище сопровождалось торжествами. Жрецы устраивали пиры для собравшихся со всей округи людей. Такой праздник случался нечасто, ибо быки при храме живут, как правило, долго, лет по двадцать.

Для меня и моих сопровождающих верховный жрец задал особый пир: нас угостили дарами этой земли – луком-пореем, чесноком, чечевицей, горохом, шпинатом, салатом и морковью. Подали козлятину, баранину и мясо диких животных – газелей и горных козлов. Говядины, из почтения к священному быку, на столе не было.

– Мы запишем все на священной таблице, дабы восславить царицу, почтившую нас своим посещением, – возгласил верховный жрец. – Пока люди умеют читать, твое благочестивое паломничество не изгладится из памяти.

Мне подали блюдо с овощами, политыми маслом дерева бак и приправленными пряными травами.

– У вас изобильный стол, – заметила я. – Как вам удалось собрать столько снеди, что хватило не только нам, но и всему множеству празднующих?

Он удрученно опустил глаза.

– Должен с сожалением признаться вашему величеству, что нам было непросто. Урожай нынче скудный. В этом году Нил не облагодетельствовал нас своей щедростью. Ты видела, на каком уровне над водой находятся причалы? Обычно лодки пристают прямо к ним, а теперь требуется лестница, чтобы взойти на пристань.

– И как же вы справляетесь с этой напастью?

– Голода пока нет. Мы молимся и уповаем на то, что сумеем пережить трудные времена и дожидаться нового разлива Нила.

Хотя от Нубии нас отделял трехдневный путь, я заметила среди присутствующих – как слуг, так и жрецов – немало темнокожих нубийцев.

– О да, – промолвил жрец, когда я обратила на это внимание. – Уроженцы Нубии часто избирают духовное поприще. Их привлекает храмовая служба, и они исполнены веры, так что мы всегда рады их приветить.

За столом мне прислуживала тоже нубийка: рослая женщина, двигавшаяся столь грациозно, что ее можно было принять за обученную танцовщицу. Когда я высказала свое предположение, наш хозяин покачал головой.

– Нет, это ее естественная манера. Таковы нубийцы: гибкость и изящество характерны для каждого их движения, ставят ли они блюдо на стол или просто поворачивают голову. Чувство телесного достоинства присуще им от рождения.

– Как тебя зовут? – спросила я женщину, замороженная грацией ее движений.

– Ирас, царица, – ответила она и, увидев в моих глазах недоумение, пояснила: – То есть «эйрас» – шерсть, из-за моих волос.

По-гречески она говорила отменно. Интересно, где ей удалось так выучить язык? Должно быть, она из образованной семьи, училась в Фивах или Гермонтисе. При этом ее густые курчавые волосы, подрезанные с боков в нубийском стиле, и впрямь походили на шерсть.

– Я сделаю все, что от меня зависит, для увеличения урожая, – пообещала я верховному жрецу. – Я знаю, что требуется углубление оросительных каналов. Они засорены илом. Я исправлю это.

– Я каждый день буду молиться о том, чтобы все получилось, – сказал жрец вслух.

Я догадалась, что на самом деле он подумал: «Я каждый день буду молиться о том, чтобы ты осталась на троне и смогла выполнить обещание».

После церемонии, продлившейся сутки без перерыва, мы отдохнули в примыкавшем к храму дворце. Я уже собиралась отправиться в обратный путь, когда ко мне прибыл гонец, ухитрившийся вдвое сократить время в пути, плывя одновременно под веслами и под парусом. Он привез пугающую новость: регентский совет от имени Птолемея Тринадцатого захватил власть и объявил меня низложенной. Враги использовали мое отсутствие.

Для меня это стало тяжелым ударом: едва успев вкусить высшей власти, я уже лишилась ее. В такое трудно было поверить. Как они осмелились!

– Мне жаль, что я сообщаю столь мрачную весть, – сказал гонец. – Но правда лучше неведения, и тебе лучше услышать ее от друзей до того, как о случившемся объявят официально на всю страну. Это даст тебе возможность обдумать план действий.

Да. План действий. Пусть не надеются, что я покорно подчинюсь узурпаторам. Этого не будет!

Спокойно поблагодарив вестника, я попросила его подождать, позвала Ирас – ее отдали мне в услужение на время нашего краткого визита – и велела принести гонцу воды для умывания и вина, чтобы подкрепить силы. Нубийка грациозным жестом пригласила его в соседнее помещение, а я подошла к окну.

Снаружи солнечные лучи уже проникли сквозь висевшую над рекой золотистую рассветную дымку и вызолотили прибрежный тростник. На воде, покачиваясь, поджидала царская ладья. Я устроилась на подоконнике, глубоко вздохнула и задумалась.

Что же мне делать? Я находилась в Верхнем Египте – области, традиционно настроенной против властей в Александрии. Однако я, кажется, смогла завоевать расположение местных жителей. Не попытаться ли мне поднять здесь армию? Лучшие воины родом как раз из этих краев, в том числе и сам Ахилла.

Но чем им заплатить? Никаких денег у меня с собой не было: узурпаторы в Александрии держали теперь под контролем и казну, и македонскую придворную гвардию, и египетскую армию. Мне не на что снарядить здесь войско, не говоря уж о том, чтобы его обучить. Популярность и любовь народа, конечно, радуют, но в военном отношении от них толку мало. Попытка вернуться к власти на столь зыбкой основе не принесет ничего, кроме кровопролития.

Эти мысли промелькнули в моей голове так быстро, что я поразилась, – за пару вздохов. Я ухватилась за подоконник.

– Царица, – послышался легко узнаваемый голос Мардиана, тихий и высокий, но, слава богам, не визгливый. С наступлением соответствующего возраста его голос окреп и не стал противным, как у многих кастратов.

– Ты ведь знаешь, что наедине можно, как раньше, называть меня по имени, – сказала я, не оборачиваясь.

– Клеопатра. – Он выговорил мое имя так, словно эти звуки ласкали его слух. – Что нам теперь делать? – Он помолчал и добавил: – Могу сказать одно: сдаваться нельзя.

– Об этом и речи не идет, – промолвила я и повернулась к нему. – Я не стану рассуждать об измене – к этому мне не привыкать. Я выросла в море измены, обмана и предательства, как окунь в Ниле, и чувствую себя в родной стихии. Я не утону.

– Но что мы будем *делать*? В практическом плане. Наша принципиальная позиция ясна, но какой конкретно образ действий мы выберем?

– Терпение, Мардиан! Я узнала о случившемся всего пять минут назад. Дай мне подумать!

Именно тогда я обратилась к тебе, Исида, с мольбой о помощи. С просьбой очистить мою голову от гнева, тщеславия и обиды, дабы я могла трезво и непредвзято рассмотреть сложившееся положение и принять решение в соответствии с твоей божественной волей. Люди, особенно в затруднительном положении, зачастую теряют голову, хватаются то за один придуманный выход, то за другой, мечутся и окончательно сбиваются с пути. Чтобы не допустить этого, я собрала всю свою волю, сжала в руке твое серебряное изображение, которое всегда носила на шее, и застыла в молчании.

Шло время. Я почувствовала (хотя мои глаза были закрыты), что солнце поднялось выше, его лучи уже начали проникать в комнату. Дворец и храм пробуждались, с внутреннего двора доносились голоса служителей: жрецы, затянув гимн, двинулись к стойлу быка, чтобы совершить положенный ритуал.

Я ждала.

А потом на меня снизошло озарение. Ты явилась и благодатным прикосновением избавила меня от растерянности и страха. Я – твоя дочь, твое воплощение, и мне суждено править. Дабы вернуть власть, я должна покинуть Египет и отправиться в город Ашкелон в Газе, освобожденный от власти Иудеи моим дедом и пользовавшийся благоволением моего отца. Его жители поддержат меня, и я смогу заручиться поддержкой Nabatei – соседнего арабского царства. Кроме того, оттуда рукой подать до римской провинции Сирия, где ко мне тоже относятся хорошо, поскольку в свое время я пошла навстречу Бибулу.

Так тому и быть.

– Мы отправимся в Газу, – сказала я Мардиану.

Он очень удивился.

– Покинем Египет?

– Так поступали и раньше. Я не первая из Птолемеев, кому приходилось бежать и искать помощи за границей, чтобы вернуться к власти. Сейчас это наилучшее решение, особенно с учетом того, что в Египте голод, а все ресурсы в руках наших врагов. Ашкелон для нас предпочтительнее.

– Может быть, – согласился Мардиан и сразу перевел разговор в деловую плоскость. – Но как мы туда попадем?

– В нашем распоряжении царская ладья.

– Огромное судно, видное издали, его ни с чем не спутаешь.

– Враги не станут искать нас на Ниле. Они удовлетворены тем, что захватили Александрию, и пока они ее удерживают, власть в их руках. Ну что ж, придется изгнать их оттуда. Мы должны атаковать.

– Вижу, ты не зря ходила в усыпальницу Александра. Его уроки тобой усвоены.

– Конечно, – улыбнулась я. – Мы вдвое ускорим плавание, посадив на весла дополнительных гребцов, спустимся вниз по течению, а потом оставим ладью и последуем вдоль старого канала Нехо к Красному морю и Горьким озерам.

– То есть не воспользуемся обычной дорогой между Египтом и Газой, проходящей вдоль побережья.

– Совершенно верно. Ведь ее наверняка охраняют у крепости Пелузий. А мы проскользнем за их спинами. Время пока на нашей стороне – официальное известие о смене власти достигнет Фив или Гермонтиса лишь через несколько дней. Мы к тому времени уже будем в пути.

Правда, как оказалось, известия распространяются не только обычными способами. Верховный жрец немало удивил нас: он явился с посохом в руке и сообщил, что видел сон, согласно которому в Египет пришло некое зло. И он считает своим долгом предупредить меня об этом.

– Твой сон правдив, – промолвила я, а потом рассказала о гонце и наших новостях. – Поэтому, во избежание лишних сложностей, мы отбудем как можно скорее.

– Ну, на одну ночь вы можете задержаться, ничего не опасаясь, – заверил он, и мы приняли его предложение. Отдохнуть нам действительно не помешало бы.

После ритуальных вечерних жертвоприношений новому быку и Амону жрец благословил меня и мой двор. Напоследок он сказал:

– В качестве прощального дара я отдаю тебе часть того, что составляет плоть нашей земли: служанка Ирас отправится с тобой. Все мы любим ее – стало быть, это можно рассматривать как жертвоприношение богине. Пусть Ирас станет живым напоминанием о нашей земле. К тому же, – он улыбнулся, – такая жертва не в пример полезнее, чем хвалебные стихи, ожерелье или коза.

Мне этот дар был особенно приятен, ибо я уже успела привязаться к нубийке.

На следующее утро, когда меня с почестями провожали к лодке, жрец вложил мне в руку папирус.

– Ты должна знать, что враги начали действовать, – промолвил он.

Я развернула свиток и прочла его. То был направленный в Верхний Египет приказ совета регентов. Он предписывал направить все имеющиеся запасы зерна и провизии в Александрию и категорически, под страхом смерти, запрещал снабжать съестными припасами кого бы то ни было, под каким бы то ни было предлогом. Мои враги вздумали уморить нас голодом.

Я рассмеялась и порвала депешу в клочья. Эти самонадеянные глупцы просчитались – в Газе им до меня не дотянуться. А когда мы выйдем их из Александрии, я устрою пиршество и прикажу подать ту снедь, что они прибрали к рукам. Да, я и мои сторонники будем семь вечеров подряд объедаться финиками, фигами, арбузами, лепешками, редисом, огурцами, утятинной и гусятиной. Неприятная пища, выхваченная из жадной пасти врага, доставляет больше удовольствия, чем самые изысканные яства.

Следуя вниз по реке, мы не встретили никаких препятствий. Гребцам, конечно, пришлось попотеть, ибо течение было вялым, а нам требовалось двигаться как можно быстрее, однако народ на берегу встречал нас дружелюбно. Новости распространялись быстрее, чем можно было подумать, и люди уже знали о перевороте в Александрии. Тем не менее они открыто выражали мне свою преданность и желали удачи.

Когда на виду показались монументальные обелиски священного Гелиополиса, мы приблизились к дельте Нила, где полосы прибрежной зелени были шире. Вскоре священная река разделилась на рукава, и по самому восточному из них – Пелузийскому – мы направились навстречу восходящему солнцу.

Эта часть Египта более всех прочих подверглась иноземному влиянию, ибо на протяжении тысячелетий неоднократно заселялась пришлыми народами. В давние времена здесь жили израильтяне, после них пришли гиксосы.

Проделав некоторый путь, мы увидели на восточном берегу остатки старинного канала. Вход в него, как в древности, преграждал каменный шлюз, но он никем не охранялся, поскольку канал давно высох и зарос тростником. Здесь нам предстояло оставить ладью и передвигаться дальше по высохшему руслу на верблюдах или ослах. Кое-где были видны лужи или мелкие застойные озера – все, что осталось от некогда оживленного водного пути. На какой-то момент я почувствовала трепет перед грандиозностью моей задачи: поддерживать существование страны, где все прогнило, заплесневело, заросло сорняками, впало в упадок и нуждалось в обновлении или, на худой конец, приостановке процесса разрушения. Для этого требовались люди и деньги. Именно подобная рутина, а не войны и нападения выпивают из правителя все соки и отправляют его в мир иной, а в памяти людской он не оставляет ничего примечательного. Кому понравится, если его единственной эпитафией будет: «Царь такой-то, содержавший каналы в чистоте»? А между тем необходимо не просто поддерживать их в чистоте, но делать это постоянно, как нечто само собой разумеющееся, преследуя при этом иные цели – великие и славные.

Канал следовал естественному руслу, а мы двигались вдоль его края. Было время, когда здешний край отличался плодородием, и местами еще можно было разглядеть остатки межей, разграничивавших поля. Но когда исчезла вода, исчезли и урожаи, а к тропе подступала каменная пустошь с редкой и чахлой растительностью.

Канал протяженностью в пятьдесят миль соединял Нил с озером Тимсах – одним из Горьких озер, питавших Красное море. Ближайший порт носил мое имя – Клеопатрис, но он лежал возле так называемой «порченной гавани», обмелевшей и заросшей.

– Это недалеко от того места, где мы будем переправляться, – сказал командир моей стражи. – При благоприятном ветре Тростниковое море вполне можно перейти вброд.

– Как тот легендарный египтянин, что возглавил иудеев? – спросил Мардиан.

Воин его не понял.

– Не знаю, кого ты имеешь в виду, – сказал он. – Эта переправа известна с древних времен. Правда, она коварна и надо все время смотреть под ноги.

– Я говорил о Моисее, – пояснил Мардиан. – В книге, где собраны иудейские предания, написано, что он увел народ Израиля из Египта. Но само имя Моисей – египетское, оно имеет какое-то отношение к Тутмосу.

Воинского командира это не заинтересовало.

– Когда мы доберемся до Тростникового моря, нужно будет остановиться и проверить уровень воды, – продолжил он.

– А вот в истории про Моисея, – не унимался Мардиан, – говорится, будто там было так глубоко, что вся армия потонула.

– Уровень воды колеблется, бывает и глубоко, – признал воин. – Давайте молиться о том, чтобы сегодня оказалось не как в те времена.

Издали уже можно было видеть поблескивавшую воду, темно-голубой оттенок которой говорил о застойности и насыщенности горькими солями. Даже камыши и тина в застойных водоемах не те, что в чистой пресной проточной воде.

Когда мы добрались до берегов, я почувствовала тошнотворный запах гнили и разложения. Вокруг камышовых стеблей расплывались маслянистые кольца, поблескивавшие на солнце. Правда, жизнь была и здесь: в камышах щебетали птицы, перелетая со стебля на стебель.

– Можно идти! – с воодушевлением объявил командир, получив донесения своих разведчиков. – Проводники покажут безопасный путь. Мы найдем тростниковые лодки, а животных проведем налегке, без всадников и вьюков.

Так и сделали. Я переправилась в утлой папирусной лодчонке, куда постоянно просачивалась вонючая вода. Лодка с трудом протискивалась сквозь заросли тростника, хлеставшего

нас по рукам и лицам. Но хуже всего была вонь. Растревоженная нашим продвижением вода, пузырясь и булькая, испускала столь смрадные газы, что меня чуть не вывернуло наизнанку. А когда лодка качнулась и я, чтобы сохранить равновесие, ухватилась за стебель, на ладонь налипла маслянистая жижа, смешанная с солью. Неудивительно, что песчаный противоположный берег показался нам таким красивым и чистым, какой только можно себе представить. Переправа растянулась всего-то на пару миль, но то были самые неприятные из множества миль, пройденных нами под египетским солнцем.

Преодолев без происшествий оставшиеся тридцать пять миль по пустыне, мы вышли к Средиземному морю. Его ярко-голубые воды были подобны небу, а белые пенистые гребни волн словно отражали плывущие по небу белые облака. Наш путь лежал вдоль побережья, хотя мы по-прежнему старались держаться подальше от оживленной караванной дороги.

До Газы, бывшей земли филистимлян, удалось добраться без труда. В богатом городе Ашкелоне я встретила радушный прием и нашла сторонников, готовых вооружиться и выступить против узурпаторов. Вскоре повсюду распространилось известие о том, что царица Клеопатра собирает армию.

Глава 11

Жаркой ветреной ночью я лежала в своей палатке и не могла заснуть. Мои войска стояли лагерем на самой границе с Египтом, неподалеку от того места, где мы проходили несколько месяцев назад. Теперь за мной следовала почти десяти тысячная армия из египтян и набатейских арабов – все как на подбор отменные воины.

Правда, у моего брата – или, лучше сказать, у Ахиллы – войск было больше. В его распоряжении имелись и бывшие легионеры Габиния, и свежее пополнение из египтян. Эти силы преградили нам путь и заняли Пелузий – крепость, охранявшую восточные границы Египта. Мы не могли пройти мимо них и не могли захватить Александрию ударом с моря, поскольку враги перекрыли вход в гавань подводными цепями и держали наготове сторожевой флот.

Два месяца. Целых два месяца продолжается это противостояние, и вот уже год, как я потеряла Александрию. Оба войска ни в чем не испытывают нужды: меня хорошо снабжают из Ашкелона, а их из Египта. Но долго ли это продлится? Кто нанесет первый удар?

Я ворочалась на скрипучей складной походной койке. Волосы на лбу взмокли от пота, сон был неровным и беспокойным. Сквозь дверную сетку проникал ветер, жаркий, как поцелуй возлюбленного; точнее, именно таким поцелуй возлюбленного представлялся мне по снам, стихам и в собственном воображении. Мерцал светильник. По другую сторону палатки на своей подстилке ворочалась и постанывала Ирас. Она в очередной раз перевернулась и вздохнула.

Была середина ночи. Все спали. Почему же ко мне не идет сон? Я снова закрыла глаза. И тут, за очередными порывами жаркого ветра, мне почудилось, будто кто-то остановился у входа. Поднял сетчатый полог, вошел... Я не совсем понимала, сон это или явь – на первых порах казалось, что передо мной предстала рослая женщина с рогом изобилия, эмблема нашей династии. Она молчала. Я не видела ее лица. Да, это сон.

Но спустя мгновение появился другой, реальный посетитель, и когда он поднял полог, звук был совершенно иным.

– Мардиан? – Я мигом узнала знакомую фигуру.

– Тсс! – Он наклонился и подошел к моей постели. – Случилось нечто ужасное, – прошептал внуч.

Голос его дрожал.

Я села и обняла рукой его плечо, потом вполголоса пробормотала:

– Что? Не щади меня.

– Наша страна опозорилась перед миром. О Египет!

– Что?

– Измена! Предательство!

– Во имя Исиды, перестань причитать. Скажи, в чем дело?

– Птолемей убил Помпея!

– Но как? – только и смогла вымолвить я, потрясенная нелепостью услышанного.

Маленький Птолемей с его тощими ручонками убивает могучего Помпея?

– Они напали на него, захватив врасплох...

Неожиданно он умолк, заметив, что проснулась Ирас.

– Все в порядке. Ты можешь говорить в ее присутствии.

К тому времени я не только доверяла Ирас, но и во многом полагалась на ее взвешенные и разумные суждения.

– Победенный Помпей держал путь в Египет.

Мардиан решил рассказать все с начала.

Из-за всех забот я совершенно забыла о римских делах. Между тем события разворачивались стремительно и драматически. За время моего изгнания Цезарь успел разгромить Помпея в битве при Фарсале в Греции, и Помпей бежал с поля боя, сопровождаемый лишь горсткой людей. Разумеется, мне об этом докладывали, но я не придавала услышанному значения. Рим и его беды бледнели перед моими собственными проблемами.

– Он намеревался перегруппировать и пополнить свои силы, опираясь на Египет и молодого Птолемея, опекуном которого считал себя. Однако наши недруги смотрели на дело иначе: они понимали, что Помпей обречен, и решили от него избавиться.

– Продолжай, – сказала я. – Но скажи, откуда тебе это известно?

– К нам только что перебежал дезертир из лагеря Птолемея. Думаю, он говорит правду. Его приведут к тебе утром, но я хотел вначале рассказать сам.

– Ты прав как всегда, бесценный Мардиан. Я благодарю тебя.

– Тот человек наблюдал с берега и своими глазами видел убийство. Его совершили Ахилла и еще двое людей, принявших Помпея на борт лодки, чтобы доставить с корабля на берег. Преступление произошло на глазах жены Помпея, видевшей все с борта корабля: его закололи, а потом отрубили ему голову.

Помпей, который так ласково относился ко мне в детстве, с которым я встречалась и смотрела на него с изумлением, как на диковину, – он обезглавлен! Мы говорили с ним об Александрии, и я обещала ему: «Мы сохраним город для тебя, он всегда будет тебя ждать».

И вот Помпей прибыл в наш город, а мой злобный брат и его советники сделали мои слова ложью.

– Они звери, – сказала я. – Я борюсь с животными, не людьми. Значит, во мне не должно остаться ни малейшей жалости к ним.

При этих словах я содрогнулась: по правде говоря, назвать их зверьми значило оскорбить животных.

Потом мне пришла в голову неожиданная мысль:

– А что Цезарь?

– Убийство Помпея, видимо, было призвано удержать Цезаря от вторжения во владения Птолемея. Но убийцы недооценили этого человека. Цезарь преследовал своего недруга по пятам и с небольшими силами нагрянул в Египет, едва они успели совершить злодеяние. Наш информатор слышал, что Феодот преподнес Цезарю отсеченную голову Помпея и его перстень. Но благодарности и одобрения гнусное дело не снискало. Вместо этого Цезарь зарыдал и обрушился на них с яростью.

– Где он сейчас?

– По словам дезертира, Цезарь в Александрии. Поселился во дворце и, кажется, не намерен двигаться дальше.

– Но что он там делает? Почему он медлит? С ним ли Птолемей? Цезарь не только солдат, но и политик. Может быть, он станет следующим «опекуном»?

– Я не знаю, – ответил Мардиан.

И тут подала голос Ирас.

– Пока Цезарь там, Птолемей не имеет власти, – заметила она. – Это тебе на руку.

– Как может быть на руку то, что мой дом захвачен силой? – возразила я. – Словно лев влез в мою палатку и вздумал спать на моей постели!

После того как Мардиан ушел, а Ирас снова задремала, я долго лежала без сна, уставившись на складки шатра, что терялись в неподвластной слабым язычкам светильника тьме. Меня терзал изматывающий жаркий ветер, для которого у караванщиков пустыни имелось особое название. Оставалось лишь лежать в поту, чувствуя себя пленницей душной ночи, и думать.

Юлий Цезарь победил Помпея. Юлий Цезарь стал господином всех подвластных Риму земель. Юлий Цезарь в Александрии, он живет во дворце – моем дворце! Он ежедневно видится с моим братом. Почему? Зачем он остался? Какова его цель, чего он добивается?

Как бы то ни было, мне необходимо быть там. Ирас права: пока Цезарь в Александрии, Птолемей и его бесчестные советники не имеют власти, и я могу через их головы обратиться к судье. Но мне придется поспешить. С каждым днем увеличивается вероятность того, что Цезарь и мой брат станут союзниками.

От раздумий меня отвлекло назойливое жужжание мухи. Я уже успела пожалеть о том, что мы решили обойтись без москитных сеток, поскольку ставили лагерь не в болотистой местности. Жужжание приблизилось, и мое терпение лопнуло: я разглядела в тусклом свете, куда села надоедливая тварь, стремительно вскочила и прихлопнула ее сандалией.

Не так ли и Цезарь прибывает своих врагов? Говорят, его сила в быстроте и внезапности, благодаря чему он не проиграл ни одного решающего сражения даже при подавляющем численном превосходстве противника. Вот и в Египет, по словам Мардиана, он прибыл спешно, с малыми силами, рассчитывая застать Помпея врасплох и покончить с ним. С Помпеем покончили и без него, но он, сопровождаемый лишь несколькими отрядами, остается в Александрии. Снова возникает вопрос: чего он ждет?

Что я знаю о Цезаре? Очень мало. Только то, что в Риме он более популярен среди плебса, чем среди знати; что он добился, уже не в юном возрасте, замечательных военных успехов; что известен множеством скандальных историй с женщинами, по большей части замужними. Мне говорили, будто чуть ли не каждый шумный развод в Риме связан с тем, что очередная красавица изменила мужу с Цезарем. Правда, аппетиты этого человека женщинами не ограничиваются: ходят слухи, что в юности Цезарь состоял в связи с царем Вифинии. А еще известно, что он собирает произведения искусства и ценит их выше любовных утех.

Сердце мое упало. Судя по всему, когда он уберется из Александрии, он прихватит с собой наши лучшие вещи. Ограбит дворец, заберет себе греческие статуи, египетскую мебель и картины. А мой безмозглый братец и пикнуть не посмеет! Снаружи уже доносились слабые звуки, возвещавшие о приближении рассвета. Я могла определить час по едва уловимому изменению ветра, проникающего в палатку. Скоро придут будить меня, а когда солнце поднимется над песками, передо мной предстанет перебежчик. Хорошо, что о содержании его рассказа меня уведомили заранее.

Перебежчик оказался немолодым египтянином, служившим в войске моего отца до прихода легионеров Габиния. Вид у него был пристыженный. Дезертиры и шпионы всегда так выглядят, даже если они знают, что дело их прежних хозяев безнадежное и неправое.

Я облачилась в царские одежды, дабы он видел, что пришел не к бродягам и разбойникам, а на сторону законной правительницы.

Солдат пал ниц, целуя землю, а потом поднял голову и возгласил:

– О великая царица Востока, моя душа принадлежит тебе, как и мое тело! Я ожидаю твоих повелений.

Я, как и многие до меня, подумала: предатели могут быть полезны, но доверять им нельзя.

Все обстояло так, как уже доложил Мардиан. Черное дело совершено Ахиллой и римским командиром Септимием, одним из бывших подчиненных Помпея, однако вдохновителем злодеяния был Феодот. Он заявил: «Мертвый лев не укусит». Это практическое соображение заставило их забыть о долге, чести и обязательствах, а Помпей нашел свою смерть у тех самых берегов, где по праву рассчитывал обрести помощь и поддержку.

Его обезглавленное тело швырнули на песок и оставили там, позволив вольноотпущеннику Помпея кремировать останки погибшего господина. Бедняге пришлось собирать на берегу дерево для костра, но найденных веток оказалось явно недостаточно. Тело...

– Довольно о мертвых, – остановила я рассказчика. – Лучше поведай, что случилось по прибытии Цезаря.

– Только с чужих слов, царица, ибо меня там уже не было. Мне хватило того, что я видел. Я твердо решил дезертировать при первой возможности. Поэтому встретить Цезаря мне уже не довелось, я лишь слышал, что он прибыл в Александрию. Феодот решил подольститься к нему, преподнеся голову и кольцо, но Цезарь пришел в ярость. Я слышал, что Феодот сетовал на неблагодарность римлянина, перед тем как сбежать.

– А где сейчас Ахилла? И Птолемей?

– Ахилла по-прежнему в Пелузии, напротив твоей армии. Птолемей мечется между армией и Александрией. Цезарь живет во дворце. Последнее, что я узнал перед побегом, – он высадился как римский магистрат, со всеми знаками отличия и власти, словно ожидал признания и повиновения. А Феодот бормотал, будто Цезарь претендует на право быть третейским судьей между тобой и Птолемеем.

Неужели это правда?

– Какова, по твоему мнению, обстановка в городе? Хорошо ли он защищен?

– Очень хорошо. Ахилла позаботился об обороне. У ворот караулы, на башнях стража, гавани перекрыты.

– Получается, Цезарь в ловушке?

– Да. Но сам он, похоже, видит ситуацию иначе. Кажется, это положение его не беспокоит. Итак, Цезарь блокирован внутри. А я – снаружи.

Прошла неделя, потом две. Ничего не происходило. Наши армии продолжали стоять одна напротив другой, разделенные полоской пустыни, и ни та ни другая не двигалась с места. Потом появился еще один дезертир и принес новое известие: Птолемей перебрался к Цезарю, и теперь они вместе живут во дворце. (Интересно, что рассказывали Ахилле *наши* дезертиры? Что мы пребываем в нерешительности? Устали ждать, но не находим сил для того, чтобы навязать противнику сражение?)

День за днем мы сидели у стен под тенью пальм и ждали. Верблюды дремали, прикрыв веки с длинными ресницами, а от скал под прямыми лучами солнца исходил характерный запах перегретого камня. Нас охватила своего рода апатия: казалось, мы провели здесь уже целую вечность и останемся навсегда.

Однажды дневной свет начал меркнуть. Начальник стражи, уроженец Газы, явился ко мне и объявил:

– Готовьтесь! Надвигается песчаная буря!

Нам пришлось наглухо, в несколько слоев, закрепить пологи шатров, плотно обвязать материей все сундуки и короба, а главное – закрыть плотными повязками лица. Когда ветер принесет взвесь мельчайших песчинок, дышать можно будет только через марлю.

– Поторопись, Ирас! – велела я. – Поставь сундуки с деньгами и шкатулки с драгоценностями на расстеленный плащ, чтобы они не ушли в песок. Да, и кувшины с водой тоже. Потом закутай все это сверху, а сама иди ко мне. Накроемся вместе еще одним плащом, а поверх него набросим одеяло. Получится палатка в палатке.

Ирас сделала все это, и мы стали ждать. Ветер усилился, и вместе с его завыванием стенки шатра прогибались внутрь. Песок проникал сквозь самые крохотные щели в ткани, просачиваясь, почти как вода. Воздух из-за него подернулся туманной дымкой.

Песчаная буря бушевала несколько часов. Наконец к ночи она стала стихать, но мы еще некоторое время не осмеливались пошевелиться. Нам повезло, что она началась днем, когда заметны признаки ее приближения, и людям удалось подготовиться. Я уже собиралась поднять полог, но тут стенка палатки вновь вспучилась внутрь: ветер все еще оставался сильным, хотя, кажется, больше не нес с собой столько пыли. Неожиданно полог приподнялся, в проеме показали руки. Я увидела, как кто-то заползает внутрь.

– Здесь, господин, – послышался голос одного из моих стражей.

За первой фигурой проследовала вторая, тоже на четвереньках. Обе были полностью закутаны в плащи.

– Царица, – позвал страж. – Ваше величество, вы здесь?

Я откинула плащ, но оставила на лице вуаль.

– Да, здесь. Кого ты ко мне привел? Назови его имя.

– Это Руф Корнелий, посланец Цезаря.

Посланец Цезаря! Я застыла.

– Мы примем его. Встаньте и откройте свои лица.

Оба человека поднялись на ноги и откинули капюшоны. На голове Корнелия я увидела римский шлем с декоративным гребнем.

– Добро пожаловать, – промолвила я. – Что император Цезарь хочет передать царице Клеопатре?

Сердце мое стучало.

– Мой командир Цезарь говорит, что прибыл в Египет, дабы исполнить волю покойного царя Птолемея. В своем завещании царь просил Рим проследить за тем, чтобы его дети Птолемей и Клеопатра правили совместно. Поскольку воля царя нарушена, а брат и сестра воюют друг с другом, Цезарь выражает свою обеспокоенность и огорчение.

«Интересно, – подумалось мне, – что он намерен предпринять, чтобы исправить дело?»

Однако я тщательно и осторожно подбирала слова, ощущая во рту вкус висевших в воздухе песчинок, и вслух сказала совсем другое:

– Меня это тоже огорчает. Увы, предательство нередко препятствует торжеству справедливости. Например, Помпея предали, как и меня. Причем те же самые люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.